

**Татьяна
Михаил**

ЖДУ... ТВОЯ

Письма

Вологда
2005

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЛАГЕРНОЙ ПЕРЕПИСКИ

Годы - 1969, 1970

ВОЗВРАЩЕНИЕ МИХАИЛА

Т а т ь я н а

Число - ?

...Не уходи от меня, Миша. Я как будто запуталась в ворохах сухих листьев, и так хочется разгрести их немного, чтобы выросла зеленая травка - хоть на время... Пусть потом засыплет снегом - останется воспоминание.

Ты прошел через все в этой проклятой жизни, я запутаюсь без тебя, не выберусь.

М и х а и л

Все тебе отправил: две тетради, «Глазами клоуна» и Сарнова... Так и не прочитал «Рифмуется с правдой», как нужно было бы. Ничего, еще прочту когда-нибудь. Собственно говоря, что нужно - я понял: конечно, я пишу не так, как предлагает Сарнов, моя поэзия безлика. Но я попробую перечитать стихи, которые ты пометила звездочкой, они мне помогут увидеть себя твоими глазами. Стихи с пометками тебе нравятся больше, чем те, которые без них. Но мне - мне уже ни одно из них (всех!) не нравится. Поддался критике? Да, пожалуй. Знаешь, что мне пришло сейчас в голову? Я решил взглянуть на себя своими глазами, но - глазами себя того, который прожил уже лет десять после этого. И понимаешь, мне хочется себе сказать: стыдись, Мишка, стыдись, твоя мазня никуда не годится. Скрывай от других, скрывай, но внутренне красней, мучайся, тварь ничтожная и самомнящая мерзость. Майся, ненавидь себя, бросай писать, жалуйся другим, что тебя не понимают, выдумал все это сам, но ты уже не бросишь писать, потому что ты трус. Да, такое вот дело. Мне тяжело писать, очень-очень. Но я способен вынести эту тяжесть. Но - о господи, боже, боже! - если бы, если бы нашлась хотя бы одна душа, одна только единственная душа, которая поняла бы: как страшно мне слышать даже одно слово, только одно слово правды, которое говорит, напоминает мне о моей бездарности, о напрасных потугах... От сознания этого мне хочется кричать, ввергая весь мир в раскаяние передо мной, потому что я не хочу, не желаю им плохого; я хочу только вылить, выплеснуть на бумагу то, что не дает мне покоя, мешает жить... Разве мои внутренние слезы, вопль души, разве мои стра-

дания в этом перераспроклятом мире, должны стать слезами, воплем, муками действительными и настоящими только тогда, когда чей-то критический ум решит причислить к таковым? Нет! Сейчас я уже знаю: я не умру раньше, но и переживу больше... А в этом промежутке я буду петь и плакать так, как могу это делать я. Мой вопль, мои муки, мои слезы, радость моя, любовь и ненависть - все это должно быть похоже на чье-то, должно казаться подражательным!, потому что я человек, и плача, ненавидя, любя, восторгаясь, я подражаю им - тем, кто живет со мной рядом, тысячелетия жил до меня и будет жить в грядущем. Всем подражаю, потому что в грядущем будет все, что было в прошлом и есть сейчас, буду подражать, как подражают критики, прозаики, поэты, люди, так, как когда-то будут подражать мне. А буду ли я это делать традиционной «лесенкой», верлибром, ямбом или хореем - плевать. Это не меняет страданий и мгновений наслаждения, которых у меня нет, хотя должны были бы быть... Я имею на это право, и может быть, больше, чем кто-либо другой.

Ладно, я пишу об этом только тебе, потому что другим нельзя - могут уличить в подражательности и архаичности всего. Обнимаю тебя, желаю счастья! Твой, Мих.

Что за чертовщина, уже столько написал и послал писем, а ты получила с датой за 2 марта, это же черт знает что. Поздравительные... Я посылал их вместе - тебе и Нине. Почему же так: она получила, ты нет, просто наваждение какое-то, прямо зла не хватает. Что за гадкие ничтожества сидят там, по вине которых происходит этот ералаш. Я выслал тебе квитанции. Ты уж, бога ради, не расстраивайся из-за этих ублюдков, пусть им будет пусто, ослы проклятые.

Янечка, у меня все хорошо, в самом лучшем виде. Не переживай, прошу тебя. Уже прошел март - сегодня 22-е. Скоро ты приедешь. Я так соскучился по тебе, и хочу тебя очень, Янька...

Яня, я видел два сна. О! Это были уже другие сны, совсем совсем другие - без колючей проволоки и прочих атрибутов «этого мира». Даже как-то странно было видеть такие чудесные-расчудесные, исцеляющие душу сны.

В одном из них ты снилась. Но, боже мой! - так туманно опять, так размыто. А другой - этот помню, очень ясный, четкий, настоящее самой жизни, яви. Только одно в нем было неясно - где это происходило. Помню, мы (тут с одним парнем) вышли из двухэтажного дома. Одеты были по-летнему: в костюмах. Собрались куда-то ехать, пошли на трамвайную остановку. Прошли несколько трамваев, мы не селись - было слишком много народу, висели на поручнях. Потом подошел еще один. Мы сели. И вот что странно: дали звонок, трамвай тронулся, я сел на ходу. Обычно такая посадка сопровождается специфическим толчком, а тут я этого не почувствовал. И еще - у меня были очень слабые руки, какие-то не мои, ватные, ватные. Вошел в вагон... людей было мало, но помню, что

мне пришлось уступить место какой-то женщине, я с удовольствием сделал это. И... проснулся.

Да, чуть не забыл главное: во сне мне кто-то говорит, что у него зачесался нос, и спрашивает: «К чему бы это?» Я, с видом знатока - к письму, конечно. Он - откуда тебе это известно? Я - мне все известно. Я пророк, вот я кто, понял? Зачесался нос - получишь письмо. Зачесалась борода - пора бриться... Ухо - кто-то съездит по уху, может, должен кому... Зачесалась голова и спина - чаще нужно ходить в баню. А у тебя, говорю, еще и язык чешется: очень много болтаешь.

Ладно, это я шучу.

Ну как там у тебя, Яня? Что нового? Какие дни стоят в Перми?

У нас холодно. Мороз. Ветер. Снег..

Ужасная погодища. Когда же весна? Солнце, тепло, лесные пичуги, ты - когда это все? Я очень скучаю по тебе, Янька, очень. Просто не знаю, что было бы со мною, если бы я не занимался бумагомаранием.

Кстати, скоро (через дня два-четыре) вышлю тебе «Письма для России», мне осталось работать над этим пару-тройку дней. Только уговор: читать можешь, а перепечатывать - потом, вместе. Я чувствую: ты сильно утомлена, надо больше, как можно больше отдыхать. Никуда «она» не денется, так-то вот.

А вот над «Аксеном»... Янька, попробуй, право. Может, вылепишь что-либо, я буду очень-очень рад этому. Янька, вышли мне пару трусов и майки... размер знаешь.

Японский фильм, описанный тобой, я смотрел. Мне он тоже понравился, но как-то, чем-то... уж во всяком случае, не игрой. Скорее, тревогой, ее предчувствием, присущей мудрецам «страны восходящего солнца» глубиной, многим непонятной смеющейся тоской.

Целую тебя, Яня! Пусть господь хранит тебя, милая.

Твой гениальный лоботряс, Мих.

22.3.69 г.

30 марта 1969 г.

Умоляю: не думай так, будто это моё повизгивание, этот скулеж - реакция на твое указание. Хотя доля правды в этом все-таки есть. Я разберусь, несомненно разберусь в себе. Но клянусь: раньше, чем приду к убеждению в своей бездарности и никчемности, до того, как пойму - кто я и все остальные - клянусь, добровольно не уйду из жизни. Не хочу уходить ПРОСТО. Нужно уходить, либо облагораживая этот животный мир, населенный палачами с улыбкой и кровопийцами-манекенами, либо - наказывая его. В смерти - как и в жизни - должно быть оправдание.

Ну, будь добра и счастлива.

Я несколько издерган, потому не хочу писать сусальностей, чтоб не быть ханжой.

Твой.

Пишу наскоро - отправляют почту.

Дочитал Сарнова. Очень хорошая книга, с ощущением тенденций к правде. Она оставила во мне скверное впечатление о моей мазне... особенно - «- где кланяюсь» (?). Метод, предлагаемой Сарновым, конечно, звучит оправданно, свежо, поучительно, но - будут писать и после Сарнова, критикуя его самого. Представить цвет «соска груди», даже уловить его запах - оригинальная находка прозаика, но «шум» прошлого, поступь настоящего, заколдованный до времени гул грядущего воплотить в музыку бытия:... очень большая задача. Она едва ли вместится даже в пять таких книг.. Музыка души не рафинад, она вне тенденций и программ, не служит проходящему пониманию прекрасного. Она только увековечивает прекрасное...

Писать, зная, что тебя не понимают - страшная, трагическая затея. Но притягивать поэта за волосы к теме повседневности - это казнь, четвертование таланта, насилдование души. А Сарнов... он ведь обязывает... - вот так надо, иначе не поймут...

Разве - следовать сарновской трактовке писать и понимать поэзию - разве это не трагическая болезнь «стиля», порожденная временем, твоим веком? Но... Очень хорошая книга!

Я спешу, Яня. Я и прочитал книгу не так, как хотел бы, как нужно было бы. Но я хочу напомнить и тебе, что... ты тоже подвержена этой болезни - стиля. Ты тоже кружишься в центрифуге проблемы: таланты и поклонники. Все исходящее от зарекомендовавших себя официально, исходящее от личностей, приобретших имя - легче воспринимается тобой, потому что не требует большого личного участия в борьбе за истину. Такой метод оправдывает любой выбор, любой взгляд, потому что он не твой, официально признан и... несколько новаторский.

Ладно, я попробую писать так, как обязывает Сарнов. Посмотрим.

Обнимаю и целую тебя.

Я получил все.

Будь добра и счастлива!

Твой Мих.

Сегодня уже 1 апреля.

Получил от тебя письмо из Березников. Перед этим, числа 28. 3 отправил тебе две бандероли и письмо. Письмо неуравновешенное, но это тебя не касается. Просто меня несколько вышибла из колеи книга Сарнова, конечно, ты тоже кое-что добавила...

Мне очень приятны и полезны твои выводы, советы, но я буквально разрываюсь на части: поэзия трафаретов, штампов, фотографии - не по мне. Может, это и есть та пресловутая «окаменелость стиля», о которой пишет Сарнов. И усталость. Меня так одолевает усталость, что к концу дня, когда я уже не пишу, у меня нет сил, чтобы открыть глаза.

Может, меньше надо писать, но так, в таком духе ничего не получится. Ты же знаешь, что много, очень много времени у меня уходит на «настройку». И стихи - хорошие - никогда не идут «сперва»: только после одного-двух... Хорошо, что ты оставила у себя мою мазню: у меня такое состояние, что иногда хочу все изорвать в клочья - так ненавистны и противны мне эти жалкие прозябанья... Как же мне тяжело, как тяжело мне...

Ведь я столько и так гадко пишу.

Но - боже! - что делать, что же делать, если бросишь писать. У меня очень большая любовь к музыке. Но я совсем не знаю теории. Изучать - нет возможности и времени. Попробовать себя в прозе: писать короткие рассказы, может, получится что-либо...

Устал, устал я, даже не хочу жаловаться тебе - лень. И еще: не надо меня хвалить, Яня, не надо - мне почему-то стало неприятно от этого, я же знаю, что бездарен и пуст, пуст, пуст, как выпитая бутылка.

Погода стоит очень скверная, очень нудная - снег, ветер; то сыро, то вдруг ударит мороз, будь он проклят...

Нет, не могу об этом. Вообще-то, не хочется писать. Но, умоляю: не делай попытки успокоить - не получится. Я только болезненнее буду переживать этот кризис. А то, что со мной сейчас происходит - кризис, кризис, кризис.

Сейчас я подумал: хорошо было бы уснуть. Поспать бы лет 200!

Потом... - потом я не стал бы просыпаться. Будь добра и умна.

Твой усталый-усталый...

Это письмо - не реабилитация первого, довольно вздорного и нелепого. Просто хочу написать еще несколько строк о себе, о своем житье-бытье. Несколько дней я не писал тебе совсем, но почему - сообщу потом, когда встретимся, потому что вся эта история очень печальна и невероятна до дикости. Чтобы успокоить тебя, скажу одно: это не имеет никакого отношения к твоей критике о моей «мазутне». Пиши всегда и все, как условились: стихи ли это, письма - все пиши. Танька, ты только не пиши мне писем, не касающихся нашего личного... литературных новинок, анекдотов, мне грустно от них, они опустошают меня и делают тебя гораздо «меньше», чем ты есть на самом деле. Старайся, чтобы в письмах не было стереотипов, я это только понял: они калечат чувства, притупляют и уродуют разум. Ну ладно, потом еще напишу. Чувствую себя несколько устало.

Люблю и обнимаю, твой Мих.

Да, меня, конечно, бьет под ложечку критика, даже если она исходит от тебя. Но бьет не столько сама критика, как нечуткое, бездушное отношение к труду. Касается ли это определение и тебя?

Да, тебя это тоже касается: можно не писать, что моя мазня - дрянь. Можно делать иначе: взять и написать так: стихи ничего, хорошие; звездочками помечены те, которые получше, но если пере-смотреть остальные... Может, и еще что-либо пойдет для звездочки.

Это не критика, Яня, это избиение.

Знаешь, у меня создается впечатление, что... можно прекратить саму тему переписки, связанную с моими стихами. Можно писать о другом, о прочитанных книгах, о фильмах, о случаях из жизни, да мало ли еще о чем можно писать. А стихи... - это мне, то есть, для меня слишком болезненное, я здорово сжился с этим, чтоб говорить обо всем так - безболезненно и просто. Я не могу так, Яня. Лучше уж не говорить совсем.

А может... может, не следует высылать все подряд, как ты считаешь?

Я несправедлив, я понимаю это: купленный восторг - не цена моей мазни, но что делать, как поступать - не знаю. Если у тебя что-то есть, то давай, пиши, я буду только рад, мне очень нужны поправки. Только я хотел бы посмотреть на того, кто, находясь в моем положении, поступил бы иначе, исписывая вороха бумаги, не зная истины, не зная цены своему копанию, мучению... Пусть даже то, что я делаю, самая... двенадцатиперстная белиберда.

Ладно, если что-нибудь придумаешь, пиши. Я никогда не буду против хорошего.

Прочитал тоненькую книжечку Чуковского, занятная штука, если сбросить со счета раннего Чуковского. Он ведь тоже не без грехов.

Но что касается статьи о Блоке - меня очень-очень взволновала эта статья, скажу даже больше: мне почему-то захотелось плакать, плакать просто так, без причин, плакать и проклинать Россию, плакать и ненавидеть «пилатов», распявших пророка. Вот чья смерть стала наказанием для жалкого сброда, именующего себя народом. О будь проклято, будь проклято глухое к человеческой скорби, бездушное, слепое в своей вере и неверии стадо!

Как ты поживаешь, Янька? Не переживай. Все будет так, как тому суждено. Я люблю тебя. Ты у меня одна. Мне некому больше жаловаться, некого просить, некого жалеть и вспоминать в трудную минуту. Думай обо мне и береги себя, милая. Я все получаю от тебя. И очень-очень благодарю тебя. Сегодня уже 10 апреля.

Я пошлю - все же! - свои мазилки. Прочти, напиши. Не бойся, ничего со мной не случится.

Люблю, твой, Мих.

* * *

Я как ветер бездомный в ночи
 Срежь осеннего стылого мрака...
 Потому ты меня не учи:
 Как мне жить, как смеяться и плакать.
 Будет время, расскажешь на тризне
 О своем и чуть-чуть о моем:
 Как я шел по колдобинам жизни,
 По дремучим задворкам ее.
 Почему лишь чуть-чуть?
 Ну и что же?
 Пусть не друг ты, но лучше врага.
 Не сердись, но случайный прохожий
 Не поймет - с кем он рядом шагал.

* * *

Когда в лохмотьях серых, полубосый,
 Я упаду под чье-то: «Каково?»...
 Ты подойти, не брезгуй и не бойся,
 Возьми тетрадь в кармане боковом.
 И не спеши, прочтя строку, кривиться
 От чьих-то унижений, чьих-то бед.
 Подобно ручейку, что вытек из криницы,
 Ты вдруг увидишь что-то о тебе.
 В ней, может, будет - пусть и не в начале -
 О том, как ветер выбил колос ржи...
 А может - как любил ты, рос и жил...
 О радости твоей и о печали.

* * *

Когда я пишу о бурях,
 То это значит: у нас,
 Туманно брови нахмуря,
 Легла тишина.
 Когда о любви моя песня,
 И в ней - только радость и лад,
 То значит - любовь не воскреснет,
 Она умерла, умерла.
 Когда я пою о дорогах,
 И голос мой свеж и ретив,
 То значит - осталось немного
 Уже мне по жизни пройти.
 О лете, о солнце, о свете,
 О даях, что будто манят...
 То знайте -
 Что солнце не светит,
 Померкло оно для меня.

* * *

И птицы, перед тем, как улетать
 В далекий край,
 Слетаются в станицы.
 Как грустно мне:
 А вдруг придет пора -
 Погонит тучи, и захолодит,
 И я пойму: из нашего двора,
 Из той шумливой стайки -
 Остался ждать отлета я один.
 ... Я пел один...
 Но тяжелей нет мук -
 Быть в жизни
 И скончаться одному.

Особо не огорчайся, если послание сие будет пахнуть соляной - пишу на смене.

Да, я несколько поторопился с ответом, нагородил кучу глупостей. Но ты и не читай это письмо как упрек или выговор. Будь добра и не сердись. Знаю: и мне, и тебе все это нужно ровно настолько, чтобы обойти молчанием... Пусть будет мещанство, домострой, анархия, фатализм, но мне нужнее и дороже ты, твоя жизнь, здоровье, чем все это скопище, которое... не научилось уважать и ценить других, чтобы самому быть уважаемым.

Да, Янка, не сбрасываю с этого счета и себя, я тоже... шит лыком. Но я чего-то хочу, борюсь и думаю... И я не хочу, чтобы кто-то вмешивался в мою жизнь, делал ее несносней, чем она есть, потому что теперь она наша, общая. Если бы ты была гулящей девкой, моей шлюхой... я не знаю, что сказал бы тогда. Но я люблю тебя выстраданно, ясно, чисто и не хочу допускать свиней к столу. Для них есть стойло.

Не огорчайся, милая. Я писал тебе, что оговорим потом, но разве с тобой «на потом» отложишь...

Знай одно: всегда, коль будут в твоей жизни горькие и смутные минуты, ты должна помнить и понимать, что у тебя есть я - тот, кто любит, и это вечная правда.

Я несколько хандрил. Сейчас все улучшилось. Снова могу жить и писать, снова люблю тебя и хочу. Обнимаю, твой Мишка.

14.4. 69 г.

Са рга - это «все пойдет на лад» по французски, а что за слово «сагио» - не знаю.

Я написал тебе два письма, а почта не ушла. Значит, они лежат. Ну как тебе не писать, если ты переживаешь? Так нельзя, Янка. Ты должна мне помогать, а что получается - я успокаиваю тебя. Не должен же я просить у тебя моральной помощи. Вот как хорошо мне от письма, в котором это диковинное слово: я не знаю, что оно значит, но даже от него исходит такая близкая теплота, что стано-

вится легче жить, и почти забываешь окружение. Я понимаю, что тебе некогда, что ты по горло занята конторской работой, но и из этого положения есть выход: пиши реже, но пусть в этом письме будет больше тебя, теплоты, чувств. Нет, требовать этого нельзя, такие отношения диктует сердце, а простой подбор фраз - останется мастерством, словесной эквилибристикой, будет больше раздражать, чем утешать. Ты, конечно, ответишь, что мы еще плохо знаем друг друга, мало были вместе - все правильно, но когда мы будем вместе, больше узнаем себя - будет меньше такой необходимости.

А ты знаешь, Янька, я никогда не испытывал теплоты, отзывчивости, любви, необходимой ласки, без чего моя жизнь была всегда скучной, пустой и одинокой. Я тебе об этом говорил, жаловался на недостаточное внимание к себе. Но ты не обижайся, мне становится легче, когда напишу об этом. Может, я только тебя об этом и прошу. Извини. Мне чертовски скучно без тебя всей... Я задыхаюсь в себе. Я устал играть в борьбу с окружающим.

Но только такая борьба - для дураков. У меня все меньше остается желания литературной известности. И не знаю - откуда черпаю материал для писанины. Живу - скрупулезно отсчитывая каждый день, приближающий нашу встречу. Ладно, ты не огорчайся; я очень устал, все пройдет, как эта весна. Кстати, она у нас очень дрянная. Дождь. Снег. Ветер. Мрачно, и поэтому на душе - глухая и тяжелая скукотень. Открою тебе тайну: знаешь, когда ты пишешь о том, что чем больше проходит времени, тем тяжелее тебе разливаться в чувствах ко мне - тогда мне кажется, что и мои слова могут быть для тебя слащавыми и постыдно пустыми. Пусть Господь хранит тебя.

Т. Мих Соп...

Так значит - «неудача» - говоришь, ничего, ничего, будет и удача. Но если не будет неудач, то и удач... ждать, сложа руки, не стоит. Я ведь не претендую каждой строкой на что-то, на место в толстом журнале, на книгу стихов в тисненном переплете. Я знаю: меня не будут печатать, таким нет места в настоящем. Сами мы, наша жизнь - в прошлом, поэзия, почти вся - в будущем, так было, так будет всегда... Лермонтов, Блок, Есенин, Бунин, Пастернак - свидетели тому. Разве они сразу обрели славу, которую мусолимы развиваем мы? Нет, она и к ним -любому! - пришла с некоторым... опозданием. Утешимся же, голубушка, и будем работать и работать.

Не говорить о себе, что... я пророк? Да, конечно. Так нельзя, не принято. Нужно называть себя скромненько, или совсем никак не называть, оставить все это спекулянтам от литературы, критикам, лит. паразитам, лит. убийцам и прочим гомосексуалистам. Не-на-ви-жу! Ненавижу весь этот сброд людоедов, говорящих правду о правде только через 50-100 лет! Кому она полезна, Яня? Кому нужна?

Милая ты моя, эти заслуженные проститутки, эти дипломированные и нет, выпестованные на крови поэтов и писателей, пиявки... Этот циничный, гадкий и низкий, жалкий сброд гробокопателей, пьяницы, отвевающие литературу, сутенеры, амебы, суки - они только и живут тем, что травят, сводят в могилу при жизни, чтоб... потом восхвалять, жирея, или добивать, обжираясь, обгладывая мертвецов русской поэзии и прозы. Ах, я, видите ли, не должен говорить, чувствуя, что скоро подохну, о себе подобным образом, остаться некоей зашифрованной личностью! Но для чего, для кого это, когда я знаю, что меня печатать не будут. Кто же меня назовет так? Кто поможет мне в моей сегодняшней посредственной беде, не говоря уже о большем... - ?!

А пишу так потому, чтоб избавиться от той гадости во мне, которая для других привычна и естественна. Я пишу так для того, чтобы сказав хорошее слово, оставить за самим неизбежное право - действие, чтоб оправдать каждое слово делом, не оставляя для себя никакой возможности к отступлению.

И в конце концов, еще и потому, что хочу жить, жить... жить!, черт возьми, и не так, как живут, смирившись с собой, а как подобает Человеку. Плевать мне на всю эту шатию. Пишу - о чем хочу, говорю - как думаю, живу - как нужно. ... Толстого, между прочим, сделали толстым... не его современники, насколько мне известно, а те, у кого был ограниченный выбор из когорты солидных - мы, которые могли говорить только о его хороших сторонах и попискивать или совсем молчать о гадостях. А мало ли Толстой предавал и продавал, распутничал и лгал, в литературе да и в жизни - до того, как нашел себя? Навалом! Даже больше других - жил-то больше...

Вот и я себя выворачиваю наизнанку... Да, ты меня немного недопонимаешь: моя ставка в жизни и поэзии - смерть. Я буду писать столько, на сколько хватит моего терпения..., а дальше - точка, капут. Вот все, что уже говорил и повторяю еще раз. Я сейчас призываю смерть, чтоб освободить себя от страха перед ней, развязать руки своей души, разомкнуть пальцы страха перед действительностью, сжимающие мой разум, мой дух, мою волю и сердце. Жить иначе - не могу, не хочу, а писать... зачем же тогда писать, для кого и чего? Для обжор? Нет, дудки!

Тебе трудно понять накал духа в моей поэзии. Это фундамент, на который я поднимаюсь. А уж отсюда - либо крикну! Либо разобьюсь насмерть. Хилые ушибы могут быть в жизни. В поэзии - другое дело. Для этого нужно очень многое: отсидеть столько же, понять, быть таким, какой я сейчас. Обречено ли такое творчество? Да, обречено, но его расшифруют те, которые придут после меня, расшифруют и сделают понятным, нужным и доступным для всех.

Верю в это, пока есть вера в себя. Все остальное - камни на моем пути, которые отнимают у меня очень много драгоценного времени, тормозят работу, мешают скорее сделать то, что хочу.

Ты не огорчайся, дитя мое.

Я здоров, чувствую себя неплохо. Скоро увижу тебя, будет еще лучше и - ура! ура! ура!

Да, не наклеивай «такие» марки на конверты, а то из-за них я скоро и почту получать не буду - обрывают, письма приходят с дырами. Обнимаю тебя и хочу - ой, как! Береги себя!

Твой Мих.

26 апрель, 69 год.

Дай, думаю, черкну тебе еще несколько слов...

А то письмо получилось какое-то... постное. Яня, а с кем случился припадок, что за припадок? Почему ты не написала мне об этом? И еще. Яня, я же тебя просил - когда пишешь письмо, и что-то тебе не нравится - не вымарывай сильно, зачеркни одной чертой, чтобы можно было прочитать. А ты, наоборот, еще и обрезаешь. От кого же это?

Таня, я очень хочу тебя, сильно-сильно хочу... Это, наверное, перед приездом, я уже заметил. И еще одну штуку я обнаружил у тебя: ты стала сильнее бояться смерти. Почему бы? Мучительные поиски себя?.. Танюшенька... Вот послушай: ты говоришь, что не следует ополчаться против повседневности в поэзии и «в жизни» даже... А как же с негодованием, Танька? Куда его девать? Просто восторгаться, писать куплеты «майским жучком» о «потягивающихся ивах».

(Имеются в виду стихи, которые я похвалила: «... Весна! Как в зеркало, в ручей, потягиваясь, смотрят ивы...»).

Пусть они растут, потягиваются, свежеют... А дух мой, «внутреннее я»?.. Это должно сохнуть, сжиматься, гнить, а?

Для начала - хотя бы - надо расчистить все внутри себя, подготовить почву, на которой свободно можно было бы выращивать пресловутые «ивки», порхающих жучков и пр.

Принципиально - я, конечно, не против этих самых ..., но я гнию изнутри, гнию, разлагаюсь, а люди... - вместо того, чтобы лечить - тычут в меня палками, зондами, плюют, подлецы, и ахают: «Ах, как от него смердит, как он нуден и противен - ах, ах, ах!..» И все это в тот момент, когда я не могу сделать необходимое. Ха! Не могу выдохнуть свободно?! Боюсь, Танька, что все то, о чем я буду писать, будет больше походить на парадокс, чем на поэзию.

Милая сорока... я так соскучился по тебе... Я так хочу послушать, как ты говоришь: виноград... груши... хороший... и, конечно, сорока! (15)

Девочка моя, у меня бывает - наступает опустошающая усталость. Бывает такое, и я - правда - пишу тебе теплые письма, пишу для того, чтобы часть этой теплоты согревала меня самого, потому что мне ее больше неоткуда брать. Ты, правда, очень мне помогаешь, но... твоя помощь бывает не всегда своевременной.

У нас уже весна: идет дождь, светит солнце и каркают «вооны»...

Обнимаю, люблю, хочу тебя! Твой, Мих. Сопин.
27. 4. 69 г.

Какая ты все-таки изумительная женщина, сто дьяволов меня сокруши!

Почему, Таня, почему же мне «не то надо». Как раз и надо то и так, как пишешь. Еще, пожалуй, ни одно письмо не приносило мне столько приятного. Я полон сил и желаний писать и писать, черт возьми. Уже все прошло - мое тяжелое и мрачное. Опять люблю и ненавижу, и обнимаю целый мир. Мне очень-очень приятно, что обо мне «так думают», очень, милая-милая Танька... И кажется... что я тебя... никогда так не любил, как сейчас, никогда, вроде, ты не была так близка и желанна, Танюшенька.

Танюшка, а я получил от Нины... Кое-что пишет об Алексе, о своей слабости... к нему. Ты не давай ей падать духом, поддержи-вай, она ведь хорошая, потом она еще и горемыка. Заходи к ней.

Я болел, Танька, болел самым жестоким образом. Сейчас здоров, бодр и жизнелюбив. Самое странное, Танька, то, что я болел, мне было особенно тяжело тогда, когда тебе казалось, что у меня неладно. Как раз в эти самые дни, в эти числа. Теперь все прошло. Я опять хочу и жду тебя, моя самая нежная, самая близкая, самая желанная, самая-самая...

.....

Танька, а ты все-таки не права немного - относительно музыки в поэзии - сравнивая, будучи русской, воспитанной в основном в духе русской классики, русскую музыку и поэзию с испанской...

Русская музыка, Танюша, неотделима от известных стихотворных размеров, принятых у нас, но и поэзия (истинная!), пожалуй, находится в такой же зависимости от музыки. ...Ритмы и рифмы... По ним, моя детка, можно почти безошибочно узнавать, чья это музыка или чья поэзия. То же самое можно сказать и о любой из них: итальянской, латиноамериканской, испанской, немецкой, венгерской, польской, румынской и пр., пр., пр. Не буду утруждать тебя и себя перечислением композиторов и поэтов, тех и других ИСТИННЫХ!

Я все от тебя получил, милая.

Обнимаю, целую всю тебя, люблю!

Твой Михайло.

.....

Сегодня смотрел первую серию «Вызываю огонь на себя...» Боже, какая это дрянь, как не стыдно ставить такую пошлятину, срам. А перед этим - «Наш современник». Совершенно другое дело. Молодцы. Пока сидел в этом хлеву (клубе), застыл начисто. У нас опять холодина: ветер, дождь. Сегодня вся наша казарма дома,

поэтому ничего не получилось написать, и настроение мутное, паршивое - пропал целый день. Зато НАПИСАЛ(!) тебе письмо.

Я ничего не высылаю из своей стряпни... Почему? Да как тебе сказать: я ведь чувствую, что сердцем ты не принимаешь их, а так... - зачем слать, только обуза тебе. Я много думал над ВАШИМ определением моей писанины.

Нина, Ирина, ты - вы все не принимаете меня, находите «издержки», безликость и пр. Вот так я не прощаю великим писателям и поэтам - их малые грехи, считаю, что этого в них не должно быть. Да, так вот, вы обращаете основное внимание на пластику, злободневность, издержки и т.д. - и обходите стороной самое главное - ДУХ СТИХА. Если бы это было не так, то было бы иначе: вас бы настораживало нечто смутное, пусть - пока! - смутно чувствуемое. А это! - есть в каждом стихотворении. Вам тяжело понять, вжившимся в повседневность, значение смутно бродящих сил в моих стихах. А между прочим, им-то и суждено сыграть решающую роль, стать шифром ко всему тому, что еще будет мной создано. Именно они - «безликие», безымянные, смутно-тревожные - когда-то будут признаны, именно через них придут к ясному... В них уже зарождается признак и призрак, определяющий мое творчество. Но вам... - вам трудно это понять, потому что вы ленитесь думать, живете отштампованным, а не понимая - как же захочется принять...

Жаль, конечно, мы не доживем до тех лет, когда будет отштамповано мнение обо мне, а в том, что будет именно так, у меня нет сомнения. Вы очень маленькие - чтобы вместить меня сейчас. Но вас очень много, больше, чем нужно - для того, чтобы сделать меня маленьким. Так было, есть и будет вечно. Я не обижаюсь. Мне только очень грустно от того, что вокруг меня до боли мало чутких, понимающих...

Ничего, все это необходимо, даже-нужно для меня. Я накопил порядочно знаний о мире, в котором живу сейчас, но не лишне понять тот мир, в который скоро войду. Очевидно, что синтетическое, общее знание даст мне силы и энергию для того, чтоб сделать мои мучения полными, а поэзию - большим и понятно-изжеванным. Господи, укрепи меня в желании, сохрани силы, помоги! Над «своим» миром я уже поднялся, осталось проделать это же над другим. Сейчас некогда меня видеть. Люди ищут утешения и успокоения в моде!!!.. Но... мода не поможет пустой душе, а души сейчас пустые, именно это и превратило их в неверующих, ищущих возможность поверить хотя бы самому близкому, самому светлomu.

Ладно, Танюша, я немного устал.

Да и время - 23 часа, пора отдыхать.

Танька, ты не думай, что я занимаюсь моралистикой. Я просто пишу то, что есть в самом деле.

Береги и готовь себя к приезду!

Я соскучился по тебе, Тань-ка... Хочется полежать рядом с тобой, приласкать тебя, согреться самому, ничего не делая.
Твой, Мих. Сопин.

5. 5. 69 г.

Сегодня понедельник, проклятый день. А завтра уходит почта - возможно, напишу несколько строк. От тебя давно ничего нет. Утешаюсь надеждой: если что-либо случилось, сообщишь телеграммой.

Почти ничего не читаю, нет подходящего. С писаниной... - очень слабо идут дела, очень. Нужно искать опору, а ее-то я найти и не могу. Так, кое до чего докапываюсь, но получается как-то слишком анекдотично.

Настоящее... его невозможно видеть без тени прошлого. Если грядущее видно из настоящего как некий неясный свет, то прошлое - уже ясная тьма. Отсюда: если в настоящем живут, питаюсь только обещаниями, то всегда есть основание для тревог - прошлое. Государство - машина угнетения. Толстокожие переносят это сноснее. Но люди, наделенные поэтической душой, поют и плачут в одиночках...

А то, что пишу я сейчас (пейзажные зарисовки) - не поденщина. Поденщина - это когда в угоду дню, но в угоду душе - никогда!!... Большая поэзия - песня, музыка души, веселится ли душа, плачет, строит - все равно.

Вот и крутись.

У нас отвратительнейшая погода. Вторые сутки - несет снег, дует холодный ветер, очень похоже на октябрь. Летят и летят тучи, застилая небо, затуманивая солнце, летят с севера на юг, все несут и несут снежную пыль. У меня на душе очень тревожно, тревожно - что была такая зима, что такая непутевая весна со снегопадами и холодами в мае... Душа полна предчувствием гигантских перемен. Мир мне кажется гигантской и нагой пустыней, и я, дикий и мятущийся, бегу по ней бесконечной дорогой, гонимый или преследующий... Куда и зачем - это такая же тайна, как сегодняшний день, как ее песня - все тайна. Обнимаю и целую тебя, нагую и горячую, страстную и немощную.

Твой, Мих. Сопин.

В конце концов, скажи, ты перестанешь заниматься выдумками? Знаешь, У Сарнова есть такая фраза - «окаменелость стиля» - и она очень подходит к тебе, когда ты размышляешь. Ну разве так можно: то ты теряешь веру, то тебе почему-то кажется не настоящим наше сверхнастоящее, то со мной произойдет еще что-нибудь... Скажи, тебе самой не стыдно ли за такое хлюпкое хлюпанье, а? Ну как же дальше жить-то, скажи, рассуждая подобным образом? Это слюнтяйство, слякотная слабость, недостойное поведение. Ну, когда ты пишешь, что тебе тяжело, неприятности - это со-

вершено другое дело, и я обязательно должен знать об этом, но выдумывать - изволь прекратить. Пойми, что подобные манипуляции... мешают жить, отрывают от дела, расслабляют. Моя жизнь, конечно, не может служить утешением, но... она красноречиво объясняет тщету переживаний, их неуместность. Все проходит, все, а человек остается.

Значит, советуешь попробовать писать прозой? Вряд ли получится что-либо путное у меня. Собственно, может, и получится, но я считаю, что это - дело будущего. Для этого надо развязать руки - глянуть на прошлое со стороны, а сейчас это прошлое является моим настоящим, насущным днем. Этим я, конечно, не хочу сказать, что стихи писать проще. Но в стихах - жалоба моей души, ее грусть за всё: пустоту жизни, пыль обещаний, скудость в желаниях и пр. И получается, что мое дело - писать, а остальное... - остальное должны разгадать другие: почему мне тоскливо, когда я не один, почему грустно - когда весело остальным, почему я плачу, когда слышится смех...

Детализировать, страдая - не обязательно.

Обнимаю тебя, чудо мое.

Остается совсем мало, скоро увидимся.

Твой Мих. 9.5.69 г.

12. 5. 69 г.

Танька, как дела у тебя?

Что-то нет от тебя ничегошеньки!

Смотри, приедешь, я те дам!

Завтра пойдет почта, вот - пишу...

Таня, начинают приезжать на свидания... Как ты считаешь, не лучше ли тебе приехать в начале июня? Одним словом, пиши: когда и что.

Такая отвратительная погодища: снег, заморозки, ветер, дождь; мокро, слякотно, препротивно, отвратительнейше. Я простыл. Сопли - как из ведра! Но чувствую себя - молодцом! Жду тебя. Соскучился - донельзя. Хочу тебя - сатанински. Такую погоду ожидают до 25 мая. Кошмар. Ничего? Убежище-то мы с тобой найдем. Танька, захвати бутылку шампанского. Бухнём с тобой. Сейчас ходил в кинуху. Смотрел «Перстень с русалкой», Так, от нечего делать. Просто убил время. Что же еще я хотел написать... тебе...

Да, о своей мазиловке писать не хочу. Надоело. Кое-что, конечно, я делаю, поделки: подражаю, прозябаю, а может, ишу...

Получил письмо от Нины, но вот никак не соберусь дать ответ. Стыдно. Ленюсь. На днях у нас утонул человек. Говорят, был

пьян. Сидел в лодке. Выпал. И - всё, нет. А сейчас идет большая вода. Весна. Собственно, не такая уж и большая, но так вот.

Ура! Вспомнил: «Наш современник». Помню, что ты что-то такое писала о каком-то фильме, который снят... Не знаю - о нем ли, но этот фильм - достижение советского кино, изумительный!

Тань-ка! Целую, обнимаю и люблю те-бя-бя!

Твой.

Май... 14 число. У нас скверная погода. Идут дожди. Туманы. Холодно. Слякоть. Сейчас 22 часа 10 минут местного времени. Я дежурю. Сажу за столом, пишу это письмо. Двери станции открыты. Двор вижу слева. Еще не смеркло, но на улице пасмурно. Небо сплошь покрыто пепельно-бледными тучами. Моросит мелкий и мутный дождь. Дождинки, падая в лужицы, напоминают беготню водяных паучков, которые быстро-быстро передвигаются.

Сегодня белили казарму. Я ничего не писал (стихи), и потому чувствую себя несколько опустошенным.

Как трудно становится не писать! Но писать - еще труднее. Я совершенно не понимаю окружающего... Нет, не так: понимаю, но многое из того, что вижу, не принимает моя душа. О эта душа, бедная горемыка! Что нужно ей, чтобы она перестала болеть и кровоточить, что я ей должен дать... Только так подумал, а в голове уже рождается строка:

Скажи, душа, что дать тебе,

Что дать...

Будь в силах -

Все бы вернул, что жизнь украла -

И чувства, и убитые года,

Чтоб постепенно ты не умирала.

Но я бессилен, немощен и слаб,

Я словно тень, отброшенная тенью,

И не моим веленьем и хотеньем

Меня судьба в пустыню занесла.

...Милая, славный мой кузнечик, люби жизнь, люби ее всякую. Люби, когда можешь любить - и ненавидеть тоже... Возьми меня: чем хуже она, тем больше я хочу жить: может, это потому, что я должен понять положенное мне до конца, ничего не оставляя другим - МОЕГО.

Разум - мой яд, время - враг, который должен подсыпать это снадобье.

Я все больше и больше начинаю жалеть людей, но жалость эта... страшная. Если человек - частица общества, которая живет одними с ним законами - люди должны, обязаны простить мне ВСЕ! Если же я сам по себе, то мне НИКТО и НИЧЕГО не должен прощать, я не грешен. Иным быть не могу, потому что не знаю - каким надо быть.

Если бы в моих силах было сделать людей людьми, дать им жизнь, помочь отыскать веру, то я не стал бы искать все это в джу-

нглях десятилетий и веков. Я бы вернул их самим себе, вернул из того фантастического и надуманного, в которое они, забыв себя, ушли.

Нужно найти себя, найти, чтобы осмыслить и материализовать накопленное, видеть, понимать его, суметь оценить, ибо не оценив, не зная его значение - разве можно верить в это беспросветное «ничто»? Только узнав цену, обретешь веру в себя и в близких. Иначе - «все люди враги» или шарлатаны, или скот.

Ты можешь подумать, что у меня скверное настроение? Нет, моя девочка, моя милая и добрая. Настроение у меня преотличнейшее, я совершенно здоров, собран и сосредоточен, и очень хочу тебя, хочу жить и люблю жизнь. Иногда, конечно, мне кажется, что весь мир лжив, все лживы, все, все, все... но так бывает недолго.

Мир, конечно, лжив - это факт. Он старше меня.. Ему я подражаю, у него учусь, но, но...

Поди оно все к чертям. Нужно жить. И где можно - прививать к себе любовь ближних: оправдывать каждое свое слово (уж раз произнес его!), каждый поступок, шаг, год. Да здравствует жизнь, любовь и ненависть, разум и безумие, ложь и правда, потому что все это впитывает в себя жизнь, и только в ней все имеет значение.

Ничего, не унывай, вместе будет легче, разберемся. Ты, Яня, еще не научилась ценить свое настоящее. Знаешь, это парадокс, но иногда действительно понимаешь нечто только тогда, когда оно безнадежно утеряно.

Обними за меня всех: Володю, Таню и их маленькую, Нину с Танькой, ее маму, всех-всех!

И, конечно, родных! Я скотина... Я никогда ничего о них не спрашиваю, рассчитывая на тебя...

Я все получаю, очень-очень благодарен. Рыбу получил, не испортилась, но я давно ее сожрал!

В чем ехать тебе? Да, брюки свои можешь захватить. Комары меньше будут досажать, а мне они нисколько не помешают...

Ничего, до половины июня - месяц, ничего не случится. Самое грустное, Янька, то, что понимаешь: пройдет и плохое, станет тенью, воспоминанием.

Обнимаю, твой Мих.

Танька, это письмо - ответ на твоё маленькое, в синем конверте. Почему это абсурд - восторгаться природой? Постоянно - да, а изредка - почему бы и не восторгаться? Я ведь все равно это делаю. Танька, ты начисто не способна реализовать свои жизненные возможности: сознательное-разумное-безвыходное-сознательное, сопрягая все это с приятным временным. Поиски себя (они мне надоели уже!) - длительный и трудоемкий, полный неожиданностей процесс, чудо ты гороховое.

Что ты, в конце концов, меньше меня? Стыдитесь, сударыня.

У нее, видите ли, нет жизнепонимания. Это же неправда, Таня.

Жизнепонимание и реализация его - совершенно разные понятия, далекие, хотя и имеют общую основу.

Раз уж это твое больное место, лучше говори: «Миша, я тебя люблю, мне очень хорошо, что есть ты, но плохо, что ты сейчас не со мной и... что все это мешает мне начать большое дело.

«Я не знаю будущего...» - вот это ловко! А кто его знает? Это же «Америка»!

«Все пережить» - пустое фразерство, «ради чего» - и того более. Как ты не поймешь: почему нужно что-то ради чего-то переживать? Пережить жизнь? Так ее не переживают, а живут. Для себя, для других, для истины... Очень много таких «для». Как к этому относиться? - другое дело. Вот когда найдешь то, для чего живешь, само приложится «как надо»: чтоб жизнь была полной, облагораживающей, укрепляющей тебя в трудах твоих. Если бы «у всех обо всех» были неискаженные мнения, то некому и нечего было бы искать, открывать и пр. Но это - смехотворство.

Будь здорова! Всем привет.

Обнимаю и люблю, жду тебя.

Твой, Мих. Сопин.

19. 5. 69 г.

... «Сижу сейчас у окна и смотрю в ночь, на деревья под фонарями, и одно сознание, что есть такая великолепная, одушевленная, черная, как вакса, ночь с проткнутыми, как булавками, дальними огнями...» (16)

Прекрасно, изумительно, ничего другого и не нужно. Хорошо - радуйся. Плохо - думай, размышляй. Но никогда не нужно передергивать явления: весело - почему? Грустно - тоже... Не нужно тарашить глаза на бурю. Нужно жить. Только так, до самого последнего часа.

У нас нет будущего. Наше будущее - настоящее, которое нам никогда не дано пережить. Всегда живем настоящим, и только мертвыми уходим в прошлое.

Обнимаю тебя. Твой, Мих.

20. 5. 69 г.

«Я в числе тех, кого ты не признаешь и отвергаешь...» - чепуха-ха, ха-ха-ха!

Ни пера, ни пуха, крокодиле ухо!

Что ты выдумываешь, Татьяна Петровна? В тебе я отвергаю не тебя, а то, что рано или поздно будет отвергнуто временем. Я отвергаю нелепое в хороших людях. Мне обидно видеть, как они обманом втянуты в грязную путаницу, которую принято считать порядком дня. А тебя... Как же я могу тебя отвергать? **Знаешь, мне**

кажется, что ты бездумно относишь себя к тем, кого (знаешь) я отвергаю.

Ты огульно сметаешь себя в ту кучу социального сора, который - прости! - сметет время, а не я.

Это уж твоя поза. Тебе хочется быть обиженной, но не нужно баловаться. Главное - никогда не нужно играть в борьбу, нужно жить нормальной жизнью даже тогда, когда жизнь - борьба. За это тоже приходится платить - когда будничную, обыкновенную жизнь называют борьбой. События, потеряешь ориентир в жизни - обстоятельства потребуют жертв. Принесешь что-то в жертву, а она окажется ненужной и глупой, и тогда - ах! - как же это, зачем и пр. Нужно жить, Танька, а настанет время борьбы - можно и бороться. Разумной, сознательной борьбы нет. Разумная борьба - казнь.

Борьбы не может быть там, где все заодно. Люди измелъчали, их отучили говорить правду, даже если они хотят выразить личные чувства. Вот и Ирина... Вместо того, чтобы сказать слово, которое дало бы мне возможность увидеть ее как человека - буркнула что-то невнятное и общепринятое, и потерялась над этой шелухой.

Нужно иметь свое мнение, а хлопать в ладоши потом - пляска на могиле. Ничего. Все, что есть - закономерность. Живи и радуйся, Таня, и больше ничего не надо. А грустить... для этого будет время.

Обнимаю тебя, обнимаю, Танька. Твой, Мих.

21. 5. 69 г.

Получил два письма - от тебя и от Нины. Общий тон от Нининого письма - мрачный, да это можно понять... Не могу понять другого: ну если они изжили свои отношения, можно же найти случай! - объясниться, разобрать своё «пустое или полное». Как же это так вот...

Неправда - из пьяницы... вряд ли получится что-либо. Это самоутешение - игра «на публику». Ну, Бог с ним. А может, так говорить о друге (Алексее Поварнищине - ТП) - грех? Да, когда он в беде, но если это - слюнтяйство, то никакого греха. Зачем выслала деньги, скоро же ехать, пригодились бы.

Правильно - все не могут быть идейными, а одна идея для всех - унизительна. Группу людей сблизает общая идея, пока она является движущей силой, пока она - их состояние, их тайна, но если это стало достоянием всех - такая идея сначала утрачивает остроту, потом нейтрализует и разобщает.

...Дополню: святость, жизненность идей - тайна. Это собирает, сосредотачивает - все! силы, делает человека борцом, пусть не всегда умелым, но сильным.

А ты «загибашь», Танька, говоря о каком-то мифическом «В», но это «В» больше похоже на «Б», которого я не знаю. Это

выдумка твоя, ей-Богу. Либо это таинственное «В» зашифровано, либо слишком обидно для меня, потому-то так с ним и вышло. Ладно. Это ничего, чепухенция. А «божок»... он не нужен только тому, кто сам умеет или желает им быть. А остальным без этого не обойтись...

Куль личности создали те, кто до смерти не хотел ходить в смертниках: одним прикосновением к божку они хотели обессмертить свои бренные тела.

У нас опять испортилась погода. Ветер... Дождь. Холодно-ва-то. Обнимаю тебя нагую!

Твой, Мих. Сопин.

Танька, уже 29 мая.

Все меньше и меньше остается дней... Погода у нас дрянная. Холодно. Идет дождь. Пропархивает снег. И небо - сплошные тучи. Не знаю, как будет дальше, но прогноз на июнь скверный... Обещают несколько теплых дней, а там - опять холодина. Конечно, придется тебе взять брюки, не помешают...

Весь май - сплошные ЧП. Два человека утонули в Каме. И вот недавно произошел еще один случай - мотодригуша (1) переехала человека. А где-то подальше перевернулся катер, несколько человек утонули. Вот такие дела.

Очень похоже на осень. Совершенно нагие деревья. Иногда летит мягкий снег, потом сменяется нудным и по-осеннему холодным дождем. Земля серая и сырая. Ни травы, ни того, что хоть как-то напоминало бы весну. Ладно, моя весна - твой приезд, отогреюсь... Сейчас ты уже не должна скучать. Держи хвост пистолетом!

У меня все хорошо. Обнимаю. Твой, Мих. Сопин.

б. б. 69 г.

А я совсем было собрался не писать - думал, что скоро...

Да что ты? Конечно, я буду ждать, буду ждать, сколько потребуется.

Пусть идут в отпуск - я поступил бы так же. Дороги? Уже сейчас есть повсю, самолеты летают за милую душу.

Получил твою книжечку... Ты говоришь, что в ней нет ничего хорошего? Почему - нет, она показывает рост: вас тогдашних и сегодняшних. Это хорошо, и это я говорю от души.

Да, что-то я хочу сказать тебе, что-то хочу сказать и никак не могу поймать мысль... Чувствую только, что это касается моих трудов. Но это - бог с ним. У каждой песни своя судьба. А у поэтов - тем более. Танька, Танька, мне мешают писать. И вот, чтоб не забыть, хочу сказать, что я соскучился по тебе, вот. Танька, я потом еще напишу тебе, ладно? Не получается что-то.

А у нас уже тепло. И показались первые листочки на березах: маленькие-маленькие, как расколотая скорлупа подсолнечного зерна. Такие смешные-смешные, даже хочется их погладить.

Будь здорова!

Твой, Мих.

* * *

Мы все ручонками и ртом
 Тянулись к маме.
 Учили в школе нас и слогу, и стопе.
 Поверьте, милые, душой всегда я с вами,
 Но вместе нам не плакать и не петь.
 Случилось так, я не искал - где проще.
 Вот отболит, и обо всем скажу.
 Случилось так - прошел огонь по роще,
 И лист зеленый высох и пожух.
 А что же я, какой упрек мне в этом,
 Что кто-то в роще разложил огонь?
 Перегорев, я грустным стал поэтом,
 И вот пою, не зная, для кого.
 Одним я чужд, другим далек и странен:
 Не тот запев, и рифмы новой нет.
 А кто поймет, что я под сердце ранен
 И жгут на душу наложили мне.
 июнь, 69 г.

Вот так. Это тебе. Меньше всего, конечно, рассчитываю на то, что эта бумаженция попадет на «суд общественности», и уже почти никакой роли он для меня не имеет. Ты не обижайся, что редко пишу - дописывал белую тетрадь. Назвал ее «Факел судьбы», эти стихи из нее. Думаю дать себе маленький отдых, если, конечно, получится. Ну, всего хорошего!

Мих. Сопин.

* * *

Уснувшие дома
 Пьют стенами туман.
 И ты, слегка сутулясь,
 Уходишь в млечность улиц.
 А путь - из голышей.
 И ровного - ни пяди.
 Как пепельно в душе
 И дымно в стылом взгляде!
 Иди, иди, иди,
 Не знай сомнений дрожи...
 Мы вместе - я один,
 А порознь - я все тот же.
 Не ведай, что служа
 Поэзии осколкам,
 Мне всех вас очень жаль,
 И лишь себя - нисколько.
 Прости мне вечный сплин.
 Не упрекай за слабость.

Бездонных дум ухабы
 Мне душу оплели.
 13, 6, 69 г.

Почти невозможно сосредоточиться на чем-либо дельном. Простудился. Похварываю. Погода отвратительнейшая. Сегодня снег валил как зимой, такими крупными хлопьями.

На березах уже есть маленькие листья, изредка показывается солнце... Но в общей сложности только сильнее одолевает скука, потому что все это на сером и стылом фоне, больше похоже на осень.

Работа не дает покоя. Дописал белую тетрадь и ощутил дикую опустошенность. Все кажется дерьмом, неудачной игрой в непонятное, ненужное и пустое. Что дальше, как, куда? Не знаю, не понимаю, не умею... Очень трудно разобраться в себе. Петь бы в общую дуду, давно бы стало ясно. Я одинок, дико одинок. За какие грехи это, за какие поступки? Весь мир грязен, грязен и подл, низок и гадок, однако живет же, черт бы его подрал, живет и в ус не трубит: веселится, продается, покупается, тонет в собственных испражнениях, лезет вверх, чтобы опять очутиться там же. А я? Что делаю я - разве не то же самое, разве я, сволочь, свободен от этих прелестей жизни? О господи-господи. Разве можно мне, живя в этом злеву, скалиться в улыбку, писать дешевенькие куплеттики, когда... звон наживы туманом плывет над землей.

Всем я чужд, никто не желает слушать и понимать. Я плачу, плачу каждым нервом, выворачиваюсь всей утробой наизнанку, плачу с заклепанным ртом, с зашитыми глазами, движениями тела плачу, а мне говорят, что я взял не ту ноту, прокричав: «Спасите!».

Кто мне должен быть дорог, кого я должен любить, ненавидеть, просить о помощи... кого, кого, кого. Баста. В мире, где нет веры слезам, не слышны вопли сердца и задавленный стон души, где смотрят на тебя и не видят, слушают и не слышат, бьют и ласкают только из любопытства, в мире очеловеченных зверей и озверевших людей... В таком мире я должен плакать - когда им весело, смеяться и радоваться - когда все рыдают, потому что и это, слезы и охи, ложь или любопытство, как перед зеркалом, у кого будет какая гримаса. Здесь не хоронят мертвых, а глумятся над их прахом, не радуются над новорожденным, а потирают руки от восторга: «Попался, погоди, уж-т-ко мы тя возьмем в оборот, посмотрим, как будешь извиваться и, ползая, просить пощады, а нет - раз-да-вим, детка... так вот, р-раз, как клопика... по капельке, вот так, будь таким, как мы». Силы небесные. Силы небесные.

А еще кто-то пытается внушить мне, что я не то и не так делаю - бр-р-р! Хорошо, что я распознаю эти лица. Отныне: только жизнь - моя тема, сердце- форма, душа- - советчица, разум - кладовая, только так:

Вслушиваясь только в сердца стоны,
 Душу не скрывая, что болит...

Плачь и пой, пусть слёзы эти тонут
Под ногами пляшущих, в пыли.

Это - моё кредо.

Пусть у всякой жизни есть пределы,
По которой мы ползем, скользя...
Мы пришли, чтоб жизнь не переделать,
А понять, что этого - нельзя.
Есть земля, есть солнце, небо, тучи,
Вечера, рассветы, день, темно.
Плачь, душа,
Взвиваясь в злой падучей,
Когда слышишь хохот за спиной.

15, июнь, 69 г.

Что-то рушится во мне, разламывается и медленно-медленно - как в кино - падает в ничто. Кажется, что у меня уже отвалились руки, ноги, внутренности и осталась - как гофрированная труба - гортань, из которой торчит безухая моя голова и незряче смотрит в мертвое море, в пустыню, где никогда и ничто не рождалось и не умирало. Так было, есть и будет, и над этим мертвым морем вечности будет вечно торчать то ли моя, то ли еще чья-то голова, как символ скорби и печали, глухого равнодушия ко всему.

Ладно. Когда-нибудь поговорим об этом и обо всем. А пока - нужно жить, чтобы писать и писать, чтобы жить.

Я понимаю, что не могу быть для тебя тем человеком, ради которого стоит жить только потому, что в нем - твоя жизнь, вера, все, без чего жизнь - вечная ночь. Но у меня есть вера в необходимость жизни, и эта вера - поэзия, мой факел, который угаснет вместе с моей жизнью. Пусть вера и господь хранят тебя.

Пиши чаще. Твой Михаил, 15, июнь, 69 г.

Вот дописал и белую тетрадь... Почему-то стыдно писать тебе об этом, а все-таки сообщаю.

Да нет, это я так. Собственно, а почему мы должны жить только этим, только так - стихи, моё - наше, нагнетание всяческих всячин... К чертям собачьим все это. Сколько раз я давал себе слово, что больше никому не буду давать читать свои мазилки, но знаешь, это очень трудно - не давать. Сегодня один лоботряс упросил меня. Прочитал ему, он помычал-помычал, а телиться не стал. Но - это потрясающе! - упрекнул меня за то, что в стихах мало «конкретного».

«Чего именно?» - «Они не призывают, не учат». «А чему они должны учить?» - «Вот это здорово: учить жить, бороться, показывать на собственном примере - как и что». - «А разве сейчас период борьбы с кем-то или с чем-то? Сейчас на поверхности литературы -

шлак, бесталанность, и та песня, которая спета не в унисон - достижение. Вот я пою о том, что мне одиноко, грустно, жаль чего-то. Разве этого мало? А потом, почему я должен кого-то чему-то учить? Я хочу рассказать о том, что не дает мне покоя». - «Да, ты прав, пусть каждый понимает так, как он может, как подготовлен жизнью. Это верно».

Танька, ну когда же ты приедешь, сколько же ждать? Я так соскучился. Последние дни только и занимаюсь тем, что разглядываю твои фотографии... в купальнике... Так хочу тебя, Танька... В глазах даже темнеет, ей-богу.

Если ты приедешь в начале июля, то это еще терпимо, но вдруг что-то помешает, тогда не знаю - как и быть. Напиши мне определенно, чтоб я мог себя сдерживать. Жизнь, конечно, не только в этом... Но мы и так во многом себе отказываем. Понимаешь, я устал, хочу полежать рядом с тобой, согреться, вот. Приезжай, Танька.

У нас опять холодно. Ветер. Дождь. Вылезла маленькая трава. Появились листья. Только о той бумаге - ни слуху, ни духу. Целую всю тебя, всю, всю. Мих.

Получил от тебя кислое письмо, а от мамы - открытку. Танька, сколько ты будешь ныть? Самой тебе не надоела эта штуковина, а? Мама сообщает, что тебе не дают отпуск. Это ничего, я подожду. Не переживай.

А у нас все стоят дрянные дни. Холодно. Что-то обещают, но не раньше 20-го. Я немного простыл. Болит голова, ручьем бегут сопли. К твоему приезду постараюсь выздороветь. Хотел дать себе «отпуск», но ничего не выходит - все равно пишу. Черт с ним, пусть получается, как попало. Выберусь - будет видно. А сейчас... иначе не могу.

...Послушай, а почему ты сама не сообщила, что отпуск дадут только к половине июля? Ладно. Привет всем.

Я буду работать меньше, а писать тебе чаще, а то изведешься совсем. Льну к тебе, как банный лист...

Твой, Мишка.

...Двадцать минут второго ночи. Ты сейчас спишь, и наверное, видишь сны какие-нибудь. А я вижу ночь, ее явь. Дни уже не прибавляются, но ночи у нас еще светлые, и даже ночью далеко видны дома, сараи. Получил от тебя два письма. Очень сжатые и неуверенные...

Вроде ты пишешь человеку, в котором нисколько не уверена. Кто учит тебя этому, Танька? Я вот сейчас подумал: а что было бы с тобой, как бы ты стала относиться к людям на моем месте? Воображение рисует довольно-таки мрачную картину, оч-чень даже мрачную. Теперь и мне понятно, откуда у вас непонимание меня...

А-др Блок так до конца и не был понят, но стяжал себе славу и имя не только в России, но далеко за ее пределами. Он был мало понят...

Но люди... постыдились расписываться под собственной глупостью и... признали, но... признав, «подписались» все-таки. В чем же суть - в тайне Блока или в глупости читателей?

Какое место я отвожу себе? Я понимаю Блока. Он не писал о ком-то или о чем-то, он освобождал свою душу от музыки, порожденной жизнью и перекипевшей в огне чувственных восприятий. Музыкант преобладал над поэтом, но отдельно не могли бы жить ни тот, ни другой. Тогда Блок стал бы заурядным детализатором, как все теперешние мазилки. И когда он писал - пел. Таков Блок ранний.

Поздний - другой, с большим налетом жизненности: обманом и самообманом, верой и неверием, надеждой и разочарованиями, глубоким желанием жить и патологическим ощущением неизбежности трагедии. Революция «опустила» его на грешную землю, и он... пропел реквием, лебединую песню своей стихийно блуждающей песне. Он написал то, в чем уже не принимали участие душа и сердце - «Двенадцать». Здесь много продуманного и мало прежнего Блока. Вот почему он был мало понят при жизни и стал понятным тогда, когда... уже умирал в себе. Тот мир, в который он попал, нуждался в других песнях - жестких и конкретных. А Блок уходил, песня была допета.

Ладно. А то получилось, что все письмо посвящено анализу творчества Блока. Но это я написал, чтобы легче было понять меня. Если мне когда-либо скажут, что цель поэзии - отражение реального и конкретного... я буду знать, с кем имею дело. Такой человек либо наделен не музыкальной душой, либо его сердце лишено поэзии, он не может музыку превратить в стихи, не насилая, не деформируя ее.

Всем от меня привет!

Начал синюю тетрадь, которую ты выслала. Исписал десять листов, осталось 86. Я назвал ее «Белое, чистое в памяти».

Обнимаю. Храни тебя Бог!

Твой Михаил.

20, июнь, 1969 г.

Танька, это письмо я пишу утром, сейчас будут вытаскивать письма.

Не хочу допускать больших перерывов между письмами, ты ведь сильно переживаешь. У меня все нормально. Живу. Пишу. Жду тебя. Идут дожди, а уже 26 июня, скоро начнут убывать дни. Тепла нет. Черт с ним, все равно - к нашему берегу. Танюшенька, я очень хочу тебя. Но если у тебя такое положение, что никак нельзя выехать, то, конечно, я буду ждать, сколько нужно. Будь умницей, береги себя и не волнуйся. Да, захвати пару ремней для часов.

Обнимаю и люблю, твой, Мих. Сопин.

26, июнь, 69 г.

Ну вот я и «разменял» последний год последней пятилетки... Знаешь, Танька, страшно говорить, но кажется, что пройденное - шутка, надуманные страдания, забавные лишения, пустые утраты. Наверное, настоящее осознание придет позже.

Почему ты ничего не пишешь о приезде, когда тебя ждать?

Да, а лета нет. Идут дожди, уже вторые сутки. Небо - сплошные тучи, ползут и ползут, ни конца-ни края. Я себя совсем не узнаю в последнее время: нет боли за прошлое, тоски об утерянном, нет восхищения перед грядущим, безразлично настоящее. Появилась непреодолимая жажда писать и жить, отрекаясь от всего и уйдя в мир музыки и раздумий. Иногда я даже просыпаюсь от каких-то странных, холодящих под ложечкой толчков: «Скоро, скоро конец. Избавишься от лишений и мучений, от смешного горя и маленького счастья...» И мне становится страшно, так страшно, что я просыпаюсь и долго лежу с закрытыми глазами, обдумывая прожитое. Нет, умирать я, конечно, не боюсь, но и не хочу, хочу жить сто, тысячу лет, бесконечно, жить, страдая и радуясь, и петь об этом.

Танька, я очень соскучился по тебе. Последнее время живу какими-то полувялыми представлениями о тебе. Воскрешаю в памяти все то, что было, и, знаешь, оно почему-то очень похоже на вспышки спичек - на ветру, в степи, в темную-темную ночь.

Я хочу сильно-сильно прижаться к тебе, нагой и горячей, и лежать, ничего не делая. И знаю, что не смогу так...

Целую тебя всю-всю, и обнимаю крепко-крепко!

Твой, Михаил.

27, июнь, 1969 г.

Сегодня получил открытку и «поймал» рыбу.

Я все получаю, Танька. Много писать не буду. Об отвлеченном не хочу, а о личном... - скажу при встрече. Одно беспокоит - будут ли свободны коморки...

Погода вроде устраивается: небо очищается, светит солнце, тепло, но появляются комары. Но лето какое-то слишком грустное. Я сильно обленился, ничего не хочу делать, хочу тебя.

Единственное, что меня не утомляет - стихи: пишу, пишу, пишу...

Не обижайся, Таня, я еще тебе буду писать.

Привет всем!

Обнимаю тебя, милая, и липну к тебе.

Твой, Мих.

28, июнь, 1969 г.

(Пропуск в письмах: не сохраненные - вероятно, намеренно)

Телеграмма из Глубинного:

ТАНЬКА ИЗВИНИ ДУРНЫЕ ПИСЬМА

3.7.69.

Да, я действительно много написал тебе всякой чертовщины, но писал то, что думал о себе - как бы с твоей точки восприятия. И еще я писал это для того, чтоб убедить в этом самого себя и ходить в «обиженных»... И я ведь плохо себя чувствую, когда у меня все нормально. Ты не обижайся, Танька.

А знаешь, почему я перестал посылать тебе свои мазилки? Ты как-то написала: «Миша, вышли мне какие-нибудь твои стихи». Во-первых, они для меня не могут быть «какими-нибудь». Любое из них - мгновение моей жизни, моя кровь, нервы, сердце, душа, здоровье... Для чужих, для печати - да! - они могут быть «какими-нибудь», но для меня или для тебя... чужими могут быть стихи Сафронова, Исаковского, другие «чьи-нибудь». Для меня не могут быть «какими-нибудь» твои письма. А потом, странное слово - «твой». А чьи же еще могут быть у меня?.. Это мне неприятно, и я не пытаюсь скрывать. Такое положение - наш круг: я не смогу долго кружить с тем, для кого они будут чужими. Вот я и написал так... И ты не должна обижаться.

Но надо иметь мужество и умение, чтоб делать иначе - искать самостоятельно. А делать эти находки - еще трудней, поверь мне. Вот так.

А вот я не боюсь и утверждаю: у моих стихов есть своя жизнь, есть будущее и настоящее. Не надо только меня бить и резать поджилки, мешать работать. Я же не робот, я живой. Время рассудит нас. Я еще жив, буду писать, и как знать, как знать...

Ладно. Хватит об этом. Если бы я бросил писать, давным-давно проделал бы этот фокус, но не смогу.

У нас льют и льют дожди. Полыхают ветры. Солнечно-тепло случается очень редко.

Как ты живешь, Танька, напиши подробнее, я ведь ничего не знаю.

Да, чуть не забыл: в Киев и др. ничего больше писать не надо, будем ждать. Если даже откажут, то мне все равно сообщат, да и ты знаешь.

Соскучился я по тебе, одно только и утешает, что... и это пройдет. Плохо только то, что вместе с этим «пройдет» проходим и мы.

Обнимаю, обнимаю тебя, Таня...

Твой, Мих.

6. 7. 1969 г.

Ну, у меня прошли спазмы меланхолии, и я опять люблю тебя по большому счету!

Какой сегодня изумительный закат! Никогда, никогда я еще не наблюдал ничего подобного: лимонная полоса на горизонте, синий небосвод, весь в тучах, а по нему, вписанные в синее...

красивые полосы, красивые, хвостатые тучи!.. Тревожная и величественная картина. Почему я не художник?

Пошлю, пожалуй, тетрадь. Хотел подождать до приезда, но раньше августа ты ведь не сможешь приехать, а это еще... успеешь перечитать.

Перечитывал - ничего особо подходящего, но кое-какие штуковины читать можно. Посмотришь. Правда, написано очень мелко, но ты себя особо не утруждай. Потом разберем. Можешь даже привезти тетрадь с собой.

В синей тетради уже измарал 30 листов. Таня, я очень хочу тебя, не знаю, что и как делать. Успокаиваю себя всяко, но разве этого достаточно... Вот только бы прижаться к тебе сильно-сильно, и, кажется, все прошло бы. Скажи, Танька, а ты испытываешь такое... возмутительное физическое желание...

Да, от этой хворобы не помогут никакие «заговоры». Я уже и тебя представляю по-всякому, но... от этого еще тяжелее. Мысленно обнимаю, притрагиваюсь ко всему, что у тебя есть; потом гоню все прочь, но это не удается. Вот такие делишки у Мишки.

До августа, конечно, я еще буду терпеть, а потом - что угодно, но не смогу. Ты только не вздумай бросить работу. Ничего со мной не случится.

Вот дописал до этого места, вышел на улицу, а небо уже почти чистое, и только кое-где, как редкие лужицы после дождя, неподвижно стоят пятна маленьких облачков.

Ветер прошел. Появились комары. Тайга мрачная и темная. Наступающий мрак смывает строения, оставляя непонятные очертания: избы, сараи, пристройки, околицы - все расплывчатое. А на западной части неба - сплошное, бескрайнее море хмар. Они напоминают о жизни и смерти. Но я не хочу умирать никогда, хочу жить вечно-вечно. Станный я, да, Таня?

Танька, а ты сильно хочешь меня, а? Скажи только правду, ладно?

Неужели ты легче переносишь это?

Таня, а ты не обижайся, что я иногда пишу такие дикие письма.

Я даже в письмах не могу почувствовать себя свободным от поисков. Ищу смысл жизни, свое место и возможности. Я же тебе уже говорил, что испытываю постоянное одиночество, недостаточное внимание к себе, неудовлетворенность в любви и пр... И еще не забывай, что я люблю идти до бесконечности во всем. Не могу быть скучным ни в счастье, ни в горе.

Уже три часа ночи.

Как ты себя чувствуешь, Танюша, ничего не болит у тебя? Старайся больше отдыхать, хотя бы спи больше.

Обо мне не беспокойся. Я открыл тайну своей судьбы: пока не выполню в системе бытия свой процесс, со мной ничего не может случиться. Целую тебя с ног до головы, безумно хочу тебя. Привет папе и маме.

Твой, Михаил Сопин, 10, июль, 1969 г.

... Что касается меня - в твоих рассуждениях о «деле» - я за отношения, строящиеся на таких принципах, потому что «любить вечно невозможно». Почему у них так?.. Человек не подвластен себе. Он - частица, управляемая единым законом естества. Я, конечно, могу только подтвердить, что Васька - умный и добрый человек, очень способный, а что с ним произошло - трудно понять. Нет ли во всем этом и моей вины... Несомненно только то, что Васька меня уважал. Все остальное - тайна.

Что за процесс, переживаемый Васькой и Алехой - сказать трудно. Почему у нас, в «нашей практике» принято «понимать» без оглядки? Не для того ли, чтоб легче было осудить, обвинить?..

Где-то в самой своей сути человек не подвластен себе.
Убежден, что когда-либо это подтвердится.

Ладно. Приеду, посмотрим, поговорим... Все равно нельзя что-либо предотвратить. И нет, мне совсем не тяжело читать такие вести о своих лучших друзьях.

Что-то ты от меня скрываешь, Танька. Почему я так думаю? Меня как-то смущает подчеркнутое мной слово. О чем-то ты не желаешь говорить со мной.

Да, я послал письмо, в котором обещал выслать тебе тетрадь... Придется повременить. Вышлю числа 15-16.

Боже! Я так давно не писал Нине. Извинись за меня. Стыдно и грустно, очень гадко за себя.

У нас все то же: ветер, дожди и... тучи, тучи, тучи.

Рыбу я получил. Таня, не нужно хлопот, зачем высылать все это. У меня нормально, Только вот тяжело что-то пишется. Но я не унываю: работаю, тружусь, потому что без этого уже не смогу. Привет родным. Обнимаю тебя, добрый мой человек!

М.С. 11. 7. 69 г.

Татьяна, уже 20 июля. Письма идут отвратительно. В августе тебе должны дать отпуск. Считаю, этим письмом можно ограничиться. Собственно говоря, если произойдет что-то неладное, сообщи телеграммой. И не бойся: буду ждать, сколько потребуется. Никаких «самостоятельных действий»!

Вот уже несколько дней у нас - жуткая сухотища. Нечем дышать. Пошаливает давление. Ничего не пишу. Пробовал, но только сильнее болит голова. Это пройдет. Установится погода - станет легче. Досадно, конечно, что писать нельзя, но придется дать себе неожиданный отпуск.

А о «Мал. прин.» Экзюпери... Я ничего об этом не знаю - не читал, не слышал. Да и разве может быть что-то ключом к тайнам души человеческой?.. Если бы книга, пусть и очень хорошая,

открывала 80 процентов души человеческой, то мир уже был бы разрушен. Характеры - хотя это и опасно - можно обобщать и сравнивать...

Человек не знает самого себя. И никогда не узнает. Он может себя только с кем-то сравнивать. А такое познание - грустная радость. Люди слишком трусливы, а это очень мешает знать самих себя. Вот возьми меня: что я знаю? - только смутно угадываю свою судьбу. Закон объективной действительности - резец. Я - камень. Годы - процесс обработки. Моя ветвь стремится, эволюционирует либо к совершенству, либо к гибели. Но я не уйду из жизни прежде, чем выполню то, что от меня необходимо. Над делами, мыслью, над всеми достижениями и открытиями - **superfatum!** Над всем суперфатум. Это я понимаю и принимаю. Остальное - мышьяная возня. Нужно верить в судьбу. Тогда человек делается сильным! Большим! Двуногое скопище уже несколько тысячелетий делало попытки устроить жизнь... За это время, если верить болтунам, можно было построить небесную жизнь, рай. А результат, какой мы имеем результат? Ку-ку! Вот так-то.

Все страны, все народы желают лучшего. Вот почему закономерны любовь и ненависть, преступление и наказание, жизнь и смерть. Никто и никогда не умирал раньше своего часа. Каждый умирает только тогда, когда появляется его замена. Единая цепь бытия.

Надо всем - суперфатум.

И отныне я исповедую и поклоняюсь только этому. Я не могу верить не имеющему веры. Не могу пользоваться знаниями не знающего. Не могу жить ради смертного. Моя вера, знания, жизнь - суперфатум. И если этой силе угодно, чтобы я умер, как суждено миллионам других, умру безропотно и безымянно. Но я верю, что это не так. Я уже много раз мог умереть. Но я не сделал бы того, что мне дано, запрограммировано. Что прошло, что мной сделано - знаю. Значит, остается то, что не идет ни в какие сравнения с прошлым. Грядущее - противоположно. Со мной суперфатум!

Танька, я, наверное, уже не получу ответа на это письмо. Но ты все равно пиши, прочитаем вместе.

Живу и верю.

20, июль, 1969 г.

Привет всем и родным.

 МЕСЯЦ СПУСТЯ, ПОСЛЕ СВИДАНИЯ

Получил от тебя. Слава богу, что все хорошо. Да, с твоим отъездом многое стало на место. Впервые пережил непохожее: мне показалось, что ты увезла частицу меня - то, без чего нет мне покоя. И еще... стало очень грустно. Нет, грустно - не то слово. Мне стало больно за себя: ведь я все это время, пока ты была у меня, находился в ударе неврастении, но только сейчас разгадал эту тайну - почему так было. Все время я чувствовал, что скоро настанет конец... Куда-то спешил, делал глупости, обижал тебя. Прости меня, Таня. Мне горько и больно. Ладно. Все пройдет. Хотя оно и так уже почти прошло. Я буду тебе писать. Только не скучай, прошу тебя. Уходит почта. Спешу. Всем от меня привет, папе и маме. Обнимаю и люблю. Будь умницей, Таня, будь умницей!

Пусть господь хранит тебя.

Твой, Михаил.

28, август, 1969 г.

2 сент. 69.

Если ты уехала в командировку, то это письмо получишь позже... Я похварываю, Таня. Простыл. Почти накануне солнечных и хороших дней.

Очень трудно сживаюсь со своим положением после твоего отъезда. Татьяна, я ведь разгадал твое состояние, твою неврастению... Много писать об этом не буду, некогда. Твое нервное - это неверие в наше большое и постоянное. Ты некоторое время жила тем, что все это скоро кончится, это не твое, и потому шла на обострение к скорейшей, как тебе казалось, развязке. Я не хочу об этом. Я и сейчас тяжело верю в то, что было. Все это так скоротечно, так непонятно... Прошрое, мое прошрое не собирается так просто отдать меня тебе, но придет время - оно отойдет. Мы трудно верим друг другу, тяжело понимаем, но то, что пойдем, чему поверим - останется навсегда.

Я все получил.

Думы мои - о тебе и о жизни.

Твой Мих. 2 сент. 69 г.

2.9. 69 г.

Я наглухо разлеился. Понимаешь, как-то так вышло, что и писать не знаю о чем. Застой. Да, еще и похварываю. Простыл. Вот уже целую неделю болею. После твоего отъезда шли дожди, дни и ночи - дождь, дождь... В конце августа было несколько теплых, очень хороших дней. Первого сентября было солнечно, даже жар-

ко. А сейчас опять дождливо и стыло. Сегодня дежурю. Сейчас 21 ч. 15 мин. Хочу написать хорошее письмо, которое можно было бы прочитать на одном дыхании... не получается. Все слова на бумаге сразу превращаются в пигмеев. Милая, милая, милая.

Сейчас мне даже наша «война» кажется смешной и милой - может, потому, что я издали лучше вижу нас.

Ты мне кажешься смешной и доброй, простой и страстно желающей жить обыденной человеческой жизнью. Ты только не обижайся. Я никогда-никогда, ничем и нисколько не смогу и не сумею тебя обидеть. Мне только стыдно за то, что ничем не могу помогать тебе, проявлять заботу, которую ты чувствовала бы полновеснее. Но для этого еще будет время. А может... может, я сам больше заслуживаю или, видимо, внушаю, чтобы обо мне заботились. Я уже писал, что сейчас ближе тебя у меня никого нет. А больше никто и не нужен. Я слишком устал от людей, которые меня окружают.

Может, через тебя, через твою теплоту, отзывчивость и добродетель, через веру, которая уже живет во мне, я смогу отогреться от пятнадцатилетней стужи, вернуться к людям, поверить им, чтобы запеть новые песни о жизни и обо всем.

Вот ты уехала, и я опять стал слепым и остановившемся, потому что ты для меня - как для слепого поводырь. Тебя кто-то увел, а я остался стоять, не зная дороги, и некому мне помочь.

Так я переживаю твое отсутствие. Но я уже верю в тебя, верю, как и говорил, слепо и бездумно, поэтому мне легче переносить все.

Только и ты будь умницей. Не расстраивайся по пустяковинам. Если люди будут к тебе несправедливы, попытайся понять и простить, ибо только простив, сможешь человека понять.

Если можешь, вышли мне Тютчева и Фета.

Мне не нравится книженция, которую ты прислала, хотя и из неё можно выкопать кое-что... бесполезное! Сейчас перечитываю «Люди и книги». Иногда заглядываю в Блошку (17). Да, ты обещала, вроде... - выслать «Кубик» (18) - если это, конечно возможно. Нужно же Каташку (19) добить до конца, до аденомы простаты, с «гречневой кашей и кефиром, освещенным лампами и бегущим Оськой, страстно желающим кондюшона в сексуальной пилотке и экутэ с анчоусами кисти Пиросманишвили, который вошел в энциклопедический словарь».

Будь доброй и мудрой! Обнимаю и люблю. Твой Мишка.
2. 9. 69 г.

6. 9. 69 г.

Не надо так, Таня...

Зачем так грустно думать о себе и своей жизни. Она принадлежала только тебе, и в ней было (пусть маленькое, короткое) хорошее: приятные встречи, честные и добрые люди. Когда у меня не

было тебя, я тоже думал, что жизнь - дрянь, люди - сброд, но сейчас я так уже не думаю. Пусть это в безнадежном океане только маленький островок надежды, веры и добра, но он есть... и как знать, наверное, и у других есть свои маленькие острова надежд, и ради этого одного стоит жить. Только, Таня, прошу тебя: ради бога, не изводи так себя. Я люблю тебя, Таня, и верю во всем, верю больше, чем себе, потому что ты чище меня, лучше и добрее. Ты помогаешь мне становиться лучшим, чем я есть.

Прошло всего несколько дней, как ты уехала, но они мне уже кажутся вечностью. Никогда еще я не был так одинок: в душе - тихая пустота, вне меня - безмолвное безлюдье. Так сильно я за эти дни сжился с тобой, с постоянным твоим присутствием. Когда ты здесь была одна, я спешил с работы, зная, что ты сидишь в хатке и... либо читаешь, либо просто ждешь меня. А сейчас мне некуда спешить. Знаю, что не увижу тебя, не услышу твой голос, не обниму, не погляжу на тебя просто со стороны, потому мне грустно, как в поломанном саду. Прости, Таня, если я когда был недобрый и злым, если обижал тебя. Я не хотел этого.

Вот уже сколько у нас стоят тягучие и дождливые дни. Наступает осень - пусть наступает... Это последняя осень в этих местах.

... Сейчас выходил на улицу. Какая тревожная ночь! Идет мелкий-мелкий-мелкий дождь. Дует ветер. Нет неба, нет земли, есть гигантский кусок ночи. Жаль, что я полный невежда в живописи, я бы ее написал и назвал - «Судьба»: на черно-пепельном фоне маленькие желтые точки, слегка затуманенные. Жутко. Но чертовски жизненно и прекрасно все это. Такие ночи рожают сотни мыслей, которые вспыхивают и гаснут, словно звезды в облачном небе. И еще я люблю тебя, Таня!

На днях смотрел фильм о Горьком, он называется «По Руси». Изумительно декоративный. И до изумления бездарно сыграна роль Горького. Так гадко, жалко, больно и грустно стало, что издеваются даже над мертвым Горьким. Сволочи, свиньи, бардачная рухлядь! Располагая такими знаниями о Горьком, иметь такой выбор актеров, и вдруг... грязная насмешка. Скоты. Сплошное сусальничанье, заигрывание, мушиное скольжение и -... комический момент: покушение на самоубийство. Какая гадость!

Да, еще смотрел «Деревенский детектив». Жаров остается верным искусству и себе. Играл милиционера и сыграл его, очевидно, так, каким он хотел бы видеть этих людей. Наши все были изумлены, просто в восторге. А это от правонарушителей - большая похвала. Признание.

Я поправляюсь, Таня, выздоравливаю. Скоро начну писать. Я ведь ничего не написал после твоего отъезда. Этот проклятый грипп.

Танюшка, а ты, как станет скучно, пиши. Это облегчает. Я вот написал тебе это письмо, и стало легче на душе. Я люблю тебя,

милая, милая, милая и добрая моя. Храни тебя Господь. Обнимаю и целую, Твой Мих. Привет родным.

.....

Моя девочка, высылаю то, что перечитано: Раевского, Аполинера, две «Юности», «Кубик» и эту книжечку... да, еще Спок. Вообще-то я, пожалуй, начну высылать кое-какие бумаженции...

Я тебе писал о своем неважном здоровье, сейчас уже окончательно идет к тому, что поправляюсь. Основательно пока еще не пишу, но уже пробую, кое-что сляпано. Потом вышлю. Комментировать чтиво пока не буду. Скажу только: мне очень понравились «Портреты», очень.

После того, что ты написала о папе... он мне понятнее и ближе, и я очень признателен ему и, конечно, тебе, моя добрая.

Погода у нас стоит пасмурная, но дождей нет. Лучше бы тебе приехать в сентябре. Нет, это все не то. Если бы приехала в сентябре, я бы сказал, что в октябре было бы лучше и т.д.

Я все получил, очень тебе благодарен.

Пусть господь бережет тебя, а любить буду я. Не скучай, Таня, я люблю тебя, моя девочка. Твой гречнево-кефирный лампион!

Привет папе и маме. Привет всем хорошим людям, твоим знакомым и приятелям.

12, сентябрь, 1969 г. 20 часов 10 минут.

Хочу экутэ...

Моя девочка, у меня все хорошо. Сегодня, 13 сентября, получил фотографии. В «лучинушке», у костра ты изумительна! Я очень живо вспомнил этот момент - мы ссорились. И мне так стало больно и стыдно за себя. Ты прости меня, я обижал тебя, Таня. А ты меньше всего заслуживала... Не обижайся. Я учту эту сторону своего характера. Исправлюсь.

Таня, а мне, правда, в этот раз очень горько было уходить от тебя. Но как - это я начинаю осознавать только сейчас. Тогда было слишком тяжело. Быстро шло время, путались в горячке мысли, было томно. И только сейчас... мне захотелось почему-то заплакать, зареветь по-детски, чтоб никому ничего не отвечать, а только плакать и плакать. Только ты до грусти, Таня. Я же люблю тебя, Танька! И - все! Понимаешь, я когда-то писал тебе, что моя любовь - нечто совершенно иное, сложно и свято отличающееся от общепринятой, общеизвестной любви. Потому слово это звучит как-то слишком уж пресно, слащаво и кошунственно. А в «сигаретке» (авторучке) кончилась паста. Видишь, я пишу авто.

Танька, я набросал пару или тройку стишенций, и, кажется, гадких. Во всяком случае, меня-то от них мутит.

* * *

Я - пасмурный и серолицый
 День.
 Надо мною птицы
 Летят.
 И качаются тучи.
 Я тоже иду куда-то,
 Как ветер - и зябок, и скучен.
 Я тоже иду куда-то
 Безоружным солдатом.
 8, сентябрь, 69 г.

* * *

Сломленное дерево - - это я.
 Скворец на декабрьском снегу - это я.
 Лось, задыхающийся в петле - это я.
 О жизни раздумья мои - яд.
 Детской улыбкой я пьян.
 Распят отчаяньем.
 Боль человеческая - моя.
 Ненависть моя - молчание.
 28. 8. 69 г.

Ну, как ты находишь, Таня?

Что бы еще тебе послать? Есть мазилки, но они мне не нравятся. Сейчас еще раз перечитаю, подумаю...

* * *

Иду, то падая, то пятясь,
 То восторгаясь, то кляня...
 Но в заверти пустых сумятиц
 Так трудно истину понять.
 Слова, движенья - пух без тары,
 Чуть ветер колыхнут - и нет.
 И кажется, что воздух старый,
 Как след замазки на окне.
 Тускнеющими орденами -
 Листва на гимнастёрке дня.
 И никому поет динамик,
 Не грея и не леденя.
 13, сентябрь, 69 г.

14. 9. 69.

У нас уже осень. С севера низко идут сине-белые облака. Желтеют, правда, еще не смело листья. Сегодня перед рассветом лил сильный дождь и шумел ветер. Это было без чего-то четыре. Я не спал. Вспоминал. Вспоминал, когда были вместе, было в запасе

время, не омраченное твоим отъездом... Чем глубже вникал в детали, тем неотвязней входила мысль: я не смогу без тебя, ты стала моим спутником, необходимостью, без которой я не мог бы оторваться от притяжения наших дней, наших лет, нашей жизни. И еще... меня постоянно преследует чей-то голос, напоминающий, что все имеют право на счастье. Из нас двоих больше права на это имеешь ты. И я буду жить, зная, что моя жизнь, моя любовь, все доброе во мне направлено на то, чтоб тебе не было пусто и одиноко в жизни.

Помнишь, я тебя попросил не говорить о прошлом? Сейчас я понимаю смысл этого. Я хочу жить и узнавать тебя. И по тем отношениям, которые будут складываться между нами, составлю свое мнение о тебе той, в прошлом. Из всего имеющегося - это лучшее средство для познания человека в большом смысле. Одна просьба к тебе: однажды ты сказала, что я не понимаю женщин. Я очень хорошо понимаю, почти инстинктивно чувствую людей. И очень тонко чувствую движение женской души. Если иногда может показаться, что я опаздываю и тороплюсь, то из этого нельзя делать выводов, а скоротечных - тем более... в этом нужно видеть игру кошки с мышью с той разницей, что я не стерегу свою жертву с целью съесть ее.

... Многие люди завуалированно выпячивают или прячут себя... А проверить себя можно. Припомнить детально свою беседу с кем-либо и повторить ее наедине, для себя, ставить те же вопросы и отвечать на них. Но здесь дело в другом: слушающий примет тебя таким, какой ты ему нужен. И только время расставит все на свои места.

Положим, я хочу находить в тебе хорошее, но если этого будет мало, то своим поведением, отношением постараюсь доделать остальное. А ты станешь мне в этом помогать. Видя ненастоящее в человеке, я буду молчать, чтобы дать ему возможность самому разобраться во всем, а когда он разберется, то лучше сможет оценить и себя, и того, с кем имеет дело.

Я люблю тебя, и только потому пишу эти дурацкие проповеди... хочу, чтобы моя любовь, моя вера в человека... чтобы это пережило меня. Хочешь, я объясню, как понимал твои слезы? Когда ты начинала нервничать, плакать, портить себе настроение, тебе хотелось услышать, чтоб я сказал что-то вроде: хватит с тобой возиться, побаловались, и все. Тебе было страшно своей любви, но еще больше ты боялась моей любви. Тебе было страшно поверить в то, что есть на самом деле. И если бы я ответил так, тебе стало бы легче, потому что такое отношение сейчас - общая болезнь. А любовь, чистая, честная - это страшная штука, жестокая насмешка. Но за что смеются над тобой... За что я издеваюсь над тобой, зачем я обманываю тебя?! Я читал в твоих глазах - в них был умоляющий крик: ты просила сказать, что это было шуткой... Но я так не сказал, и тебе было больно вдвойне: за себя и за меня. Я даже пока-

зался тебе каким-то неполноценным, ненастоящим, так ты боялась своего счастья.

Правда, Яня, или я ошибаюсь?

Наберись мужества, будь искренней и скажи правду.

Нет, Яня, так думать нельзя.

Я тебе говорил, что я тот, кто любит слепо, но если ненависть - то тоже слепо. А понимать и чувствовать... все это есть. Но в основе моего характера нет места ненависти, есть только прощение и забвение, первое страшнее. Моя девочка, прости меня, я люблю, люблю, люблю тебя, моя маленькая невера.

Будь только доброй к людям. Я буду всегда любить тебя. Ты очень чуткая, отзывчивая, поэтому тебе нужно искать в друзья таких, как ты сама, чтоб меньше было надрывов и надломов.

Яня, а почему ты ничего конкретного не сообщила относительно своей статьи? Написала, что испортили. А почему? Почему они ее переделали и что там было за «анти»? Если можно, вышли мне ее, я хочу посмотреть.

Сейчас выходил в ночь. Дикая темень. Кажется, что нет никакого мира, никакой жизни. Только сырая земля под ногами да эта всеобъемлющая ночь. Она похожа на конец цивилизации, на конец жизни.

Янька, ты не болеешь? У нас ходит какая-то дрянь. Многие болеют. Но я поправляюсь, Яня, и я хочу обнять тебя. Правда, это очень похоже на «Оськино экутэ»? Но я хочу обнять тебя и прижаться, мой маленький ленивец!

Привет папе и маме и всем. Целую тебя «лопатой»! Твой, Михаил.

Телеграмма из Глубинного от 16 сентября:
ТАНЯ УСПОКОЙСЯ ВСЕ ХОРОШО

Кончается семнадцатое число. Остается 104 дня этого года. Сейчас 20 часов 45 минут местного. На улице уже темно. Люди во тьме кажутся играющими подростками. Я сам, помню, любил тот момент, когда внезапно гас свет, ощущение было восторженно-неуправляемое, будто попал в вечное пространство ночи, но насколько не страшно. Хотелось, чтоб это продлилось... Но свет зажигался и возвращалось обыденное, проза жизни, этакая искусственно освещенная темнота. Интересно, что я помню это и сейчас, но уже не жду таких затемнений. Все прошло.

... У меня есть то, о чем никогда не смогу забыть: горечь о 15-ти загубленных годах. Одно спасение - реализация оставшегося времени. Нужно работать очень много и упорно, тогда еще можно будет что-то сделать...

Мы с тобой однажды говорили о моей писанине... Ты высказала мысль, что надо писать заостреннее, социальнее... Я с

тобой согласен, но не совсем. Любой писатель и поэт не может восприниматься в отрыве от эпохи, в которую жил и творил, а если стихи грустные, то это не значит, что он далек от соций, что он - трус, что он - не он сам. Мне кажется, что в наше время писать заструганые соции - сводить действительность до абсурда. Осознанная неудовлетворенность приходит лишь тогда, когда человек понимает истоки этого. Сейчас нет таких предпосылок. Но есть другое, нечто не осознанное до конца. Это нечто - тревога, смутное предчувствие расхождений человека и века. Все начинается именно так: предчувствие, сомнение, идея, поиск... Вот почему несвоевременные социальные взвизгивания квалифицируются как...

... То, что мной написано - картины. Очевидно, необходимо дальнейшее: почему? Верю в одно: к этому подойдут, весь вопрос - когда.

Мне, конечно, не безразлично «признание». Оно укрепило бы мою веру и дало бы возможность сделать больше, но и без этого я верю, верю в то, что делаю.

Как ты поживаешь, Яня?

Я никак не могу отделаться от простуды, черт бы ее побрал.

Вот узнал тебя лучше, и стал сильнее скучать. Обнимаю тебя, милая. Храни тебя бог. Привет всем. Я.

17. 9. 69 г.

Высылаю эти книженции.

Блока оставь, пусть будет у тебя.

Это старенькое издание, я не хочу его терять - жаль. Потом (сейчас они на руках) я вышлю еще два томика Блока.

Танюша, а разве я не сообщал тебе, что получил? Я получил Библию, плащ получил, лекарство для Г., статистику. Я все получил и прочел, отправил назад. Библия у меня, я ее буду читать.

Выслать ли тебе «Воспитание словом» Маршака, «Японскую поэзию», «Литературу 64 года»? Ладно. Я переберу свои бумаги, посмотрю, что куда-либо годится, вышлю, остальное сожгу.

Почему-то сильно простываю. Сейчас болит левое ухо: какие-то шумы, звон и пр. Ничего, пройдет. Да, смотрел фильм и журнал, в котором упоминали груз. художника Пиросмани... Будут ставить фильм о нем. Может, это Катаевский Пиросманишвили? Или мы, читая, сами перепутали?

У нас уже были заморозки.

Таня, а вот медведик, которого, помнишь, мы вместе смотрели у Егора... убежал, прямо с цепью смылся. Пропадет где-нибудь.

Обнимаю тебя, люблю.

Твой, Михаил, 17, сентябрь, 69 г.

Вот такие штуковины, Таня.

Вообще-то очень трудно «взять разгон». Загустел мозг. Ничего, наладится. Отдохну хорошенько. Я давно собирался дать себе отпуск, но все никак не seberусь с духом. Это я шучу - какой может быть отпуск... Нельзя распускать вожжи, иначе разленишься - труба дело. Янька... а если все-таки исправить (в той тетради) слащавости и сусальности, все-таки там есть неплохие мазилки, а?

Кое-чего мне все-таки жаль.

Ладно. Надо писать новое. И стараться делать лучше. Плохому не может быть оправдания.

Таня, ты просила выслать шишек кедровых. Понимаешь, сам я не пойду за ними. А кого-то просить... Ты только не обижайся, ладно? Я все еще не могу войти в колею - так горек мне твой отъезд. Я лучше обниму тебя... Моя милая, милая, милая девочка.

Да, я чуть не забыл: я кое-что исправил из того, что ты отбирала, в папке.

Относительно Кузнецова..

Что ж, Волконская права полностью (20). Я не знаю, для кого как, но думается мне: если большой поэт или прозаик потеряет родину, он погибнет, погибнет - как писатель.

Сейчас уже ночь. За окнами, в темноту моросит дождь. Транслируют хорошую симф. музыку. Мне немного грустно. Хочется любить тебя сильно-сильно... Таня... Привет родным. Обнимаю и прилизываюсь. Твой, Мих.

Пусть господь хранит тебя!

Яня, я получил два письма: от 16. 9 и 17. Нет, письма очень хорошие, мне приятно от них. И статья интересная. Правда, я не со всем согласен, с некоторыми выводами... «Пока не существовало любви, было бессмертие». Как это понимать? Пока не было людей, «не было бессмертия»? Но?.. Или в буквальном смысле - пока человек не любил, он был бессмертен? Написано хорошо, но теряется в конце связь. Живородящие - не только люди? И если перечислить всех живородящих, то получится, что все они обрекли себя на смерть через любовь, хотя они же.. их нельзя назвать людьми.

Ну вот видишь, а мне наши ссоры напоминают детские: где «ломают хатки» и перестают «играться»...

Моя девочка, Яня, ты очень хорошо пишешь, во всяком случае, я понимаю тебя очень хорошо! Сейчас я знаю твои желания, потому понимаю тебя лучше.

Яня, а я тоже так живу: вбиваю в голову, истязую себя до основания.

Ну что ты, Яня, какое может быть «спасибо за телеграмму»... Я ведь хочу сделать тебе приятное, что помогало бы жить. Яня, а пуговицы я не пришил, я не умею.

«Кубик»... Я от него не в восторге. Городень какая-то. Если это понимать как мечты молодости... то эта писанина оправдывает затраченное на нее время. А если в этом суть мовизма (21), то... кроме жалости к создателю - космополитическая эквилибристика. «Чем хуже, тем лучше» - можно найти в ней, но тогда самое большее, это - потуги.

Моя милая, я тебя понимаю: стирка вещей, лень... Я очень хорошо понимаю тебя. Но не бойся, я люблю тебя. Не оставляй это для памяти... Не надо. Я люблю тебя, Яня.

Будь доброй и скромной. Храни тебя Бог!

Твой, Михаил.

Привет всем.

21 сентября, 1969 г.

22 сентября, 1969 г.

Особенного ничего нет. Но о чем-либо напишу. О своем здоровье: болит голова, какая-то свинцовая тяжесть во лбу. Да, пожалуй, есть и температура. Но я читаю, хожу на работу, на речку, пробую писать. Заглядывал в лес: ходил по «старым местам»... Было грустно. Это, наверное, потому, что все эти кустики и поляны вместо того, чтобы напоминать о тебе... еще больше подчеркивали твое отсутствие. Грустновато. Нет того дня, чтоб я хотя бы чуть-чуть не думал о тебе. Раздумья все хорошие: чистые и честные, и очень-очень приятные. Это, пожалуй, говорит о том, что после этого раза ты заняла в моей душе, в моей жизни очень большое место. И мне хорошо, что наконец-то появилось это самое... состояние.

Сегодня делал вылазку к речке, туда, куда мы не прошли - помнишь? Вода убавилась, но дорога еще сырая. Местами грязно, и стоят маленькие и мутные, припорошенные опавшим листом лужицы. Но я все-таки добрался, перескакивая с жерди на жердь, балансируя по корням. Вышел на побережье, сел на пенек. Дул легкий и теплый ветер. По воде пробегала мелкая рябь. Проплывали опавшие листья. А я смотрел на них, чем-то похожих на неизвестные живые существа, и вспоминал, вспоминал что-то смутное, неясное и не дающее покоя памяти... И вдруг вспомнил: они напомнили маленьких цыплят. Да-да, Таня, цыплят и именно таких, каких я видел лет тридцать назад... в деревне у бабушки. Вот штука, а?

Потом листья-цыплята уплыли, их заменили корабли, какие обычно пускают дети весной. Потянулась мысль и вытасила строку:

Как навсегда уходящих -
Я обнимаю кусты
С увядшим листом...
Что с того,
Что еще остаются дни,
Их еще ровно сто.

Янька, я живу какой-то невыносимой чувствительностью доброты к тебе. Мне еще никогда не хотелось так сильно сделать тебе хорошее, никогда не хотелось относиться к тебе так ласково и тепло, так чутко...

Кстати, опишу беседу с «п. членом».

Он: - Это обстановка отупляет.

Я: - Относительно чего?

- Я был в армии, был на руководящей работе, но «то» совсем не то.

- Я не был на руководящей работе. В армии был. Она тоже отупляет демократично мыслящих.

- Ты бы мог уже иметь за спиной два университета, жить в свое удовольствие.

- До свиданья, дядя КО, у нас разное восприятие действительности. Жизнь на «большой земле» тоже отупляет относительно того, где я нахожусь.

- Нас никто не просил...

- Так можешь отваливать назад, за чем остановка?

- Ты цепляешься... за все.

- Ложь. Я цепляюсь только за то, что может меня выдержать, что устойчиво, жизненно.

- А-а-а...

Обнимаю и целую тебя. Твой, Мих. Привет всем.

Эх, Танька, жаль, что тебя нет здесь: посмотрела бы пейзажик... Ночной!

Представляешь: ночь, тайга, луна... Нет - светлая ночь, низко висит большущая лунища, и на фоне светлеющего неба видна тревожно-гаинственная зубчатая тайга... Совсем как у Чюрлениса (22). Потрясающе. Может, он когда-то наблюдал подобное, и потому написал такую картину. Странно, но закономерно - люди живут и умирают, но через десятки, сотни, тысячи лет уже другие видят нечто похожее на то, что было, есть и будет вечно... вероятно.

Да, досадная грусть, что я полный невежда в живописи. Уметь так видеть, так любить природу и... быть олухом царя небесного. Дни стоят замечательнейшие: тепло, ветра нет, небо

чистое, голубое и бездонное, бесконечное, как сама вечность. Ночью уже бывают заморозки. Травы и трапы, и опавшие листья становятся белыми. А утром на восходе солнца, когда оно начинает пригревать по низинам, над полями и тайгой стоит легкий просвечивающий туман. Оттаивают и становятся влажными не опавшие листья. Потом набухают, тяжелеют и, отрываясь по одному, (два, три...) тяжело падают под дерево.

Да, смешная штука: мой fatum привел меня - знаешь куда? совершенно земной идее: к обойденным, к обездоленным и обиженным, запутавшимся. Я это чувствую и понимаю, эти люди никогда не оставляют меня равнодушным и... тянутся ко мне, чувствуя, что только я могу выслушать, и если не помочь, то объяснить неприятность и тем сделать ее понятной, вполнину уменьшить. А для этого нужно всегда расти, быть готовым к любой неожиданности, свалившейся на плечи беде. И я сам понимаю, что без этого не смогу жить. Я даже поставил перед собой задачу: перечитать всех классиков-гуманистов, они помогут. Я должен жить для того, чтобы примером своей жизни помочь, доказать людям, что нельзя быть жестокими и лживыми, но также нельзя быть преступно легковверными... Если бы была книга в миллион страниц, в конце которой я мог бы прочесть и воскликнуть: «Вот она, извечная и светлая тайна человеческого бытия!» - всю свою жизнь посвятил бы этому. Но что поделаешь... приходится собирать по карату, собирать для тех, которые после нас будут жить и служить этому священному делу - чтоб мы сами, наша жизнь, наши ошибки - были бы понятны для них. Вот развез, правда? Не обижайся. Я люблю, люблю тебя, моя милая и добрая Танька. Твой, Михаил. Привет всем!

26, сентябрь, 1969 г.

30, сентябрь, 69 г.

Ну вот и кончился сентябрь. Мне остается 8 месяцев и 24 дня. Вот отбуду их и... три пятилетки долой. Какая грустная... история одной молодой жизни. Я получил твое синее письмо, в котором ты очень занята. Танюшенька, а ты пиши реже или высылай открытки, они короче, но я буду знать, что у тебя все хорошо. Поубавится работы, будешь писать больше.

Да, кажется, сентябрь уже не только последнее летнее тепло, но и последнее солнце. Почти весь сентябрь был сухой и приятный. Но вот уже сегодня весь день плывут тучи. Дует порывистый, сильный ветер. Сметает лист. Я шел в смену: было уже темно, падала капель - то ли дождь, то ли снег... темно, не разобрать. Здоровье мое налаживается. Уже пробую писать. Даже могу похвастать: изобрел несколько стишечек. Потом вышлю. Мне-то самому они не нравятся, мелкотемье какое-то. Успокаиваю себя тем, что будет и лучше. Главное - работать. Неуды отойдут, а то, что согдится - останется.

Читывал Казина и Ширшова (23). А Ширшов-то старше Решетова годами, а вот... И опыт большой: газета, война. Только такие стихи долго не живут, так думаю.

А как вот делать другие? Изучить время. Перечитывать русских поэтов: Лермонтова, Афанасьева, Майкова, Тютчева, Некрасова, Полонского. Ты обрати внимание: как похожи они (кроме Некрасова) своей несхожестью и как он не похож на них. А вот, поди, живут, сосуществуют.

Уверен, что современная поэзия не должна быть евушенковской, рождественской или вознесенской, даже ее синтезирование ничего не даст. Удивительно: при всей многоликости она бутафорийна. Странно. А может, потомки, за неимением настоящего, отберут из числа имеющихся и отведут соответствующее место? Интересно: что ожидало бы Блока, Брюсова, сложись их судьба несколько иначе? Допустим, Брюсов остался бы беспартийным, а Блок покинул бы Россию... Понимаю, здесь мог бы оказаться примером Бунин...

Несколько слов о Кузнецове. Писатель он талантливый, но без почвы, которая создала его, без России он погибнет. Не пытаюсь утверждать, но что-то подсказывает, что «Огонь» останется лучшим из того, что удастся написать там.

Читал газетную статью о Тане (24)... Такой грех нельзя ни прощать, ни показывать. Уместней было бы её подучить, разъяснить. Узнай Таня мир, может и на мать могла бы смотреть удачнее. А судить ее нельзя, это не ее грех. Но никто не желает брать его себе на душу.

Сейчас перекуривал и думал о нас... У тебя, конечно, иная жизнь, но если я, находясь здесь, не буду делать того, что другие (а примеров-то!), то плюс остальное, можно считать себя порядочным человеком.

Танька, как там все?

А я сильно-сильно тебя люблю, Танька. Работай и не унывай!

Да, еще я почему-то думаю, что любовь все же не должна быть слепой, инстинктивной. Вот чем я больше узнаю тебя, тем больше нахожу того, что заставляет любить тебя понятней, объяснимей и сильнее. Скромность, чуткость, желание понять меня и... пожалуй, мальчишеская жизнерадостность, не растратенная энергия жить - все это я люблю в тебе. У меня все хорошо. Я очень хотел бы сейчас обнять тебя, прижать к себе, погладить твои космушки и всю-всю расцеловать тебя, моя кроха. Будь умницей. Храни тебя Господь. Привет папе и маме, и Николаю...
Твой, Михаил.

4, октябрь, 69 г.

...Но никогда не стану цепляться за мелочь. Уйду ко дну с той же верой в необходимость погибнуть, с какой принимал то, что может меня удержать в жизни - так надо понимать, стрекозуля. А мистицизм... меня, конечно, можно мистифицировать, но я очень скоро избавлюсь от этого.

* * *

Кого ищу,
Куда хочу я
Уйти,
В какое далеко?
К чему душа моя кочует
В созвездьях таинств,
В ночь веков?
Я иномирец в мире этом,
Безликий призрак на «нигде»,
Здесь нет печалей для поэтов,
Кроме враждующих идей...
До жалости смешны мне страны
Ракетно-ядерных финтов.
Я порожден столетьем странным,
Его блуждающий фантом.

* * *

Долой судьбу и суперфатум!
Все истины - в борьбе и споре.
Мы веру расщепим на атомы
В реакторах лабораторий.
Мы - суть в энностепенном виде,
Мятущихся распадов гул.
Дружить, любить и ненавидеть -
Без информаций... ни гу-гу.

Вот так, дитя мое, вот и попробуй, мистифицируй! Нашлась мистификаторша, понимаешь ли! Нет, Таня, у меня побаливает ухо-горло-носия, а остальное - gut! От этого же, вероятно, и голова болит.

За книги... Мне жаль только старое берлинское издание Блока. И то: один томик пропал, наверное, захлыстили. А остальное сожгу: оставлять ничего и никому не буду. Все сложу, оболью соляжкой и подожгу. Пусть горит.

А у меня, Танька, опять появляются сильные желания... Танюша... А на улице сейчас темным-темно. Дует ветер. Идет дождь. Стоит чахоточная уральская осень. Тань, а тебе понравилось - «Куда хочу я...» Напиши, Танька. А ты прекращай «летать» (25), разлеталась без меня. Веди себя спокойнее. Объявляю тебе выговор: высылая мне книги, не предупреждай, т.е.

не высылай с условием... Я ведь шпигеля (26) так и не стал читать, ты условием отбила все желания. Высылай только то, за что никто тебя не будет ругать. Я уже съел Дориана Грея. Это мне нравится. А за что Уайльд сидел в тюрьме?

Танька, а о Пиросмани ты мне рассказывала уже. Неужели забыла? И еще, слово транскрипция пишут с буквой п, а не б - по моему. Я еще посмотрю.

А вот что пришло мне в голову:

Никакой нет борьбы без врага.

Кто же враг мой?

Не ты ли, столетье?

Танька, а у меня есть стишеус, там строфа:

Уже изрядно постарел,
Оставив нажитое в хламе.
И нищенкой на пустыре,
Сгибаясь,
Ищет что-то память.

А я тебя люблю, Танька, только не задавайся. Танька, а ты хочешь меня в эту минуту, когда читаешь, а?.. Ты «блудливая физионошка», да? Я соскучился по тебе. Хотелось бы побыть с тобой, поболтать ни о чем, посмотреть на тебя (зачеркнуто мною). Картуз и плащ - ничего, пойдут.

Сегодня ходил на речку, один. Пришел, сел на бревно и у самой воды... думал о жизни. Здесь же и написал: «Кого ищю, куда хочу я...» На душе было очень хорошо. Только день холодный. Да, чем ближе к концу идет срок, тем по-другому видится все окружающее. Становится проще, доступнее и понятнее. Будто живешь с ними - грустным солнечным днем, сухой травой, уплывающими листьями - одной жизнью. Хочется все обнять, прижать к себе и все это, частью мертвое, частью вечное, пожалеть. Я ведь очень жалостлив. Не помню, писал ли... недавно шел по дороге, гляжу - ползет маленькая мохнатая гусеница: остановится, полежит, будто прислушивается к чему то, и - дальше. Но ползла очень медленно. Ее могли бы раздавить. Тогда я взял ее, перенес через дорогу и пустил в траву. Что-то мне подсказало, что так надо. Может, я просто слюняй...

Ну вот и все, Таня. Храни тебя господь! Будь чуткой к страданиям человеческого. Я всегда буду любить тебя за это. (Зачеркнуто мною).

Твой, Михаил. Привет всем.

8, октябрь, 69 г.

Вычитал всего Уайльда. Ты тоже, вроде бы, склонялась к общему мнению, что он эстет. Это грубейшая ошибка Аникста (27) и других. Аниксту посильно было только это. Разве владение от-

личным языком в превосходнейшем стиле - эстетизм? Боже, боже, что могут делать бездарности! Беспощадно реалистическое произведение, раскрывающее законы общественных отношений - «Дориан Грей», «Дориан и Бэзил»... Разве здесь важнее форма? Да, искрящаяся, сияющая форма, раскрывающая играющую всеми гранями истину века, царствующие в нем законы... А то, что Аникст, ослепленный формой, не смог проникнуть в суть... Это скорее его грех, а не Уайльда. Вот так критик, стремящийся обнаружить истину, открывает через собственное невежество! - предел своих возможностей.

Обнимаю, твой Михаил.

Октябрь, 8, 69 г.

Ничего, пожалуй, не произошло. Стоят серые и нудные дождливые дни. Они порождают такие же серенькие мысли и дела. Хочется спать. Появляется отталкивающее желание читать кому-то сентенции, такие же отталкивающие, как желания. Это плохо: я склонен к этому только в двух случаях - когда болею или когда хочу в чем-то убедить себя.

Набросал сегодня пару стишат, конечно, дрянных. Хороших нет, не идут. Поймал одну (так мне кажется) свежую, изумительнейшую строку. Я-то ее вижу уже работающей на стихотворение. Она рисует в воображении целую картину: послеобеденный зимний день, тихий, почти неживой и мрачный, и на полосе, именно на полосе этого дня стоят...

Березы, как белые пальмы, на грустной странице зимы.

Хорошо, правда? Это удачная находка. На сегодня, пожалуй, единственная. Как жаль, что такое случается редко. И еще - ты же понимаешь! - что это полуфантастическая, реальная, но ассоциация. Плод воображения, я нашел его на голом дереве октябрьского дня.

Сегодня послал тебе две бандероли: Уайльда и Блока с Дорошевичем. Сжег в печке Маршака и С. Кирсанова... Это было какое-то символическое сожжение. И до сих пор не пойму тех чувств, какие породило это аутодафе: вроде какое-то грустное очищение. Ведь в этих книгах - что греха таить! - они так мало были похожи на свои возможности. У Семена мне нравилось стихотворение:

«Моросит на Маросейке,
На Никольской колется.
Туча, туча хмаросейка.
Дождь идет околицей».

А у Маршака - остается о Лермонтовском «Выхожу один я на дорогу». Здесь Маршак довольно удачно варьирует вопросы жизни и смерти. Очень ощутимо. Навевает вечную грусть.

Вот если вспомню, напишу кусочек пейзажа, который преследовал меня во время прогулки. Что-то вроде:

Дрожат в колеях лужицы,
 Вот так - слеза
 В глазах...
 Лист кружится,
 Боясь осеннего грабежа.
 Надо мною - серое небо.
 Рядом - немая скамья.
 К кому потянуться мне бы,
 Но я не знаю:
 С кем я?..
 Но это не совсем точно.

А я сегодня настроил против себя казарму. Зашел разговор о школе. Кретины стали фордыбачить, вставляя ублюдочные комментарии, вроде: «А если я НЕ ЖАЛАЮ ходить?»

Я: Нужно учредить Петровскую (I) систему образования для тех, кто не хочет учиться. Всех, до 35 лет, гнать из-под палки. За плохие оценки - бить.

Реплика: Гр-р-р-р!

Я: Можно не желать убивать, грабить, насиловать, хулиганить, управляясь под крыльцо соседу, но учиться! Поленом! По башке! Россия - богатая страна. С прекрасными людьми. И нужно учиться. Учиться понимать жизнь и приспосабливать обстоятельства, чтоб они служили истинному благу народа.

Свою неправоту я понимаю, но сказал так. И... молчание было ответом. Какая тупая сбродь. Ругал Копченого (28), ругал за свою же теорию...

Он: Почему ты меня учишь?

Я: Во-первых, тебя больше некому учить, а во-вторых, я тебя не учу, а призываю убраться из-под ног, ты мне мешаешь. А мне еще далеко идти.

Он: Нет. Это потому, что я не похож на вас.

Я: Да, ты не похож на «нас», а на меня и не сможешь быть похожим. Но... ты все меньше становишься похожим на себя и людей.

Сейчас я уходил на работу, а он сел за книги!.. Сукин кот.

Пиши о себе. У меня все нормально. Обнимаю и люблю тебя.

Твой, Миша Сопин.

Привет всем!

Да, человек не совершенен. Поэтому, конечно, существует такая «грань». Классифицировать личные отношения - рассматривать их как недостатки, которыми человек наделен от

природы или от жизни - нельзя. Но думаю, это не следует смешивать с личной чистоплотностью. Нужно просто жить, делая человеческие и добрые отношения нормой. Если, положим, я должен «делать вид», что не замечаю, то... мне кажется, что и ты должна делать вид, чтобы я меньше замечал... Иначе это может стать однобокой жертвой.

Относительно К (28)...

Вот именно, вот именно - «все на одно лицо». Ты сама поставила этот вопрос, и сама же, не уяснив истину, отвечаешь на него искомым. Суть в творчестве К., не по тому, как решает проблему выявления множественности индивидуальных «я», а совершенно нечто иное. Например: система и личность, возможность выражать себя как личность на данном этапе социального времени. То, что все его герои, делая жалкие и любые, любые и жалкие, и, увы! - ограниченные попытки выразить себя как личности, не дают видимого результата, сводятся к шаблону похожести - этого нельзя ставить ему в вину: социализация + техницизм + личность = 1.

Это - проблема века, но не слепота или бездарность художника!!!

И последние признания самого автора в счет не идут. Я все-таки склонен считать, что «Огонь» - это лучшее, что он смог сделать вообще. То же самое наблюдается среди положительных героев!.. Так можно ли это не замечать? Не буду призывать в свидетели классику, но пойми... Не знаю личных качеств К., но его литературный язык - качественно отличнейший, чистый. И упрекать его за то, что действительность дает ему только такую возможность выразить себя в полной мере - плохой аргумент к скоротечным выводам против К. Это больше похоже на свежий общественный критерий к теперешнему К. Потому было бы разумнее подойти к его творчеству, руководствуясь не поверхностными принципами «что сделал», а «почему сделал». Сюжетик... домны... стереотипы... Делаю оговорку: я отстаиваю здесь не точку зрения Кузнецова в писателе, а писателя, синтезированную точку зрения - писатель в К. и во времени.

Вслушайся и вчитайся в аргументы: «загран. музыка, печь, квартирная жадность, плакатность, очерк» и пр... А ты попробуй подняться выше и заговорить о нем с позиций века и его возможностей, с позиций III Интернационала. Думаю, очень многое может стать на свое место. Я не претендую на абсолютную истину. Только ищу.

Когда говорят о писателе, упоминают его родину и время. Не будь ребенком. А то действительно - судишь как-то уж слишком по-детски. ... «Схемы, заграничные, отчаяния, дешевые вещицы, прошлое, приходило, большая крокодила...»

Учись думать сложнее и богаче. Помни: выражая свое мнение - выражаешь себя.

Так судят только те, кто судит о большой жизни, руководствуясь прожитым днем. Может, я ошибаюсь. Но к людям у меня больше любви, чем ненависти, больше веры, чем недоверия, больше жалости, чем презрения.

Кто там тебя обижает? Почему не написала? Нет, Танька, даже если бы тебя обидели за дело, ты бы пришла, нуждаясь в моей помощи - я все равно был бы на твоей стороне. Но постарался бы утешить тебя так, чтоб ты обрадовалась и... поняла, что ты неправа. Целую твои ноги выше коленей. Твой, Михалыч.

А ты что, меня боялась - как среагирую на «болезнь» (29)? Для тебя он уже не страшен. Это заболевание опасно до 30 лет, до. А после - можешь жить с ним лет 150. Ерундия. Только нельзя простывать и сильно перемерзать. А ты так безалаберно относишься к своим ногам, это преступление перед собой... Ноги должны быть в тепле - всегда. Носи теплые штаны и теплую обувь. Обязательно. Меньше будет хлопот. А об остальном - пустяки. Я не боюсь. Вот нашла причину для переживаний.

Прочитал Пастернака... Очень понравилось. Но писать пока не буду. Переварю, потом опишу свои впечатления. Да, интересны его отношения к Маяковскому. Пожалуй, он прав. Навязанный Маяковский - не Маяковский, это какая-то горькая необходимость того времени. Но и дураку же ясно: кроме этого плакатно-лозунгово-агитационного Маяковского был - несомненно! - другой. И если еще вспомнить его горделивую жалобу о том, что он... «себя смирял, становясь на горло собственной песне...» Становится совсем-совсем грустно за кого-то... кому или чему нельзя простить смерть Маяковского.

Время сожрало его, как «Сатурн детей».

Я завтра еще напишу тебе, чадо.

Обнимаю, твой, Миша.

15.10.69 г.

Сейчас ходил в кино. Показывали «Тихую Одессу». Сидел, глазел, но не унес с собой никаких впечатлений - новых. Пришел, сидел, думал. О чем? Киноискусство - пропаганда. Зачем же (обыгрывая легендарные темы!) оно пропагандирует скуку и горечь? Это либо брак, либо... преступление.

Думаю только: то, во что люди должны верить, должно быть правдивым, его никогда нельзя вбивать в головы из-под палки, на гай-гуй. Как жалко за таких горе-постановщиков.

Высидел полтора часа. Замерзли ноги. А у нас зима. Лежит неглубокий снег. Мороз. Ветер. Бр-р. Ничего, пусть зима. Все равно она последняя.

Да, сейчас я подумал о писанине Пастернака... Почему нельзя делать так, чтоб то, что он писал о Маяковском и пр., чтоб все это можно было читать «горячим», живым, а не полунемым папирусом, который ставит Пастернака в обезличенное положение.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Передо мною -
 В сизых лозах - пень...
 А за полоской лоз, как море, озимь.
 И так мне радостно,
 Что хочется запеть,
 Но вместо песни
 Выступают слезы.
 Вот, торопясь, бежит куда-то жук.
 Ага, он в дом,
 И не стучится в двери.
 И я гляжу на все, гляжу, гляжу,
 И в горле сохнет,
 И глазам не верю.
 Я болен, околдован, глухо пьян?
 О нет! И я даю развязку тайне:
 Передо мною родина моя
 Вновь рождена
 За столько лет скитаний.
 16, октябрь, 69 г.

* * *

Усталость
 Веки клеит, как коллодий.
 Я весь в поту.
 Я вижу мир в поту.
 И мысль его - лежащей на колоде,
 Как обезглавленный и бьющийся петух.
 Нам радостно - в полупути на ошип.
 Чудовищно,
 Но рядом - смерть, лафа!..
 О Господи,
 Куда ж мы мчим наощупь,
 Гордясь и расплываясь от похвал?
 Восторг, негодования - для виду.
 Когда, какой в нас поселился бес?
 Живыми голосами панихиду
 Ликуя, тянем по самим себе.
 16, октябрь, 69 г.

Ладно. Я еще потом напишу, что-то башка побаливает.
Привет всем.
Обнимаю, твой, Ми.
16, октябрь, 69 г.

Сегодня уже двадцатое. У нас зима. Сейчас 21 час. Падает мелкий снег. Мороза нет. Днем подтаивает. С 16 числа не пишу: то ли нет желания, то ли еще чего. Где-то я что-то потерял... Раньше писал легче, а сейчас... не могу. Поймаю строку, хочу развить, пустить в дело, а желания или сил нет. Все кажется чепухой, пустышкой.

Если раньше я мог делать из пяти или десяти одно подходящее, то сейчас из всех подходящих не делаю ничего. Сколько продлится такое - не знаю. Но все это дико не нравится мне. Чувствую, что поэзия не терпит ничегонеделания, более того - не прощает, она может мстить. Когда-то я нашел ее, ухаживая за ней, оказывая большое внимание, и она платила мне признательностью. Потом что-то произошло, чем-то я ее обидел, и она стала ко мне неласковой. А может, и другое: она росла, а помещение моей души оставалось прежним... Постепенно ей становилось скучно и тесно...

Ничего, попробую писать еще. Если не пойдет, это может значить, что сделанный шаг - ошибка.

Грустно и нудно. Хочется стать маленьким, на что-то пожаловаться. Но... - и некому, и нет на кого, и нельзя стать маленьким. Отступления быть не может. Но, конечно, окончательное решение придет позже, на свободе. Мне ведь есть о чем сказать... Бывай!

Пока не надо высылать книги. Если уж что-либо особенно интересное... А я вот никак не могу отправить тебе бандероли. Если честно - не было денег, задержали получку до 22 октября.

«Шпигеля» так и не прочел. Точнее, я читал его, но это было где-то в 50 г. Сейчас, конечно, восприятие было бы богаче, но - вот так. Хотел послать тебе несколько стихов нового течения, но пока воздержусь. Если сам поверю в их жизнь, вышлю.

Получил Лермонтова и Некрасова. Ух, как мне не нравится... кто кого «открыл, способствовал появлению». Как это безграмотно и «попахивает». Сволочи поганые. Я не отвергаю наследия прошлого, но утверждать, что без такого-то не было бы Блока или Пастернака - глупо, глупо и жалко. Такой метод популяризации русских поэтов делает их «романовскими овцами» и начисто упраздняет их самобытность, оригинальность. Эта бездарная банда тунеядцев от литературы, эти алчные хапуги-критиканы только воруют, обкрадывая культуру такой большой страны, как Россия. Ведь ты только посмотри, после Белинского - ни одного стоящего. А поэтов - ого! Пушкин и Лермонтов, Фет, Полонский, Кольцов,

Тютчев, Толстой, Апухтин, Бунин, Блок, Есенин, Пастернак... Так это же я сделал субъективный отбор - кого уважаю.

Ладно, пропади оно пропадом. Что у тебя нового? Да, я так постыдно забыл о Нине... Как она живет? Пишет ли? Все соби-рался-собирался написать ей, да так и не собрался. Как смотреть в глаза при встрече, что говорить в оправдание - убей, не знаю. Рассчитываю, что она отходчивая и добрая - простит прегрешения мои.

А Алеха у нее или нет? Напиши, только кратенько.

Местные прогнозы не оправдались. У нас зима. Мороз. Ветер. Холодно, особенно ночами: чистое и стылое небо с латунной луной и редкими застывшими перистыми облачками вокруг. Лунная пустыня. Но на меня такие ночи действуют успокаивающе. Они создают иллюзию одиночества, затерянности на земле. Я очень люблю такое время. Хочу тишины и тебя, и еще тихой-тихой музыки времени, вечности. Так бы вечно лежать, глядеть в небо и слушать бесконечную музыку вселенной. Тогда, конечно, можно было бы писать гениальные вещи. А когда работаешь на пузо, то если и напишешь что-нибудь, от него и будет нести утробой. И все-таки, в общем итоге: жизнь - лучший источник наслаждения. Ну ничего, остается два месяца... Приедешь ты, тогда отдохну, потому что с тобой я отдыхаю в любом случае. Мне хорошо и легко.

Опишу недавний случай в казарме. Ребята напились, и один ударил другого. На другой день ко мне (почему-то) обратились за решением...

Я сделал это (решил), но против воли. Сказал: у нас (в казарме) свобода сознательная. Потому прощают любые оскорбления, кроме физических. Нарушивший этот принцип должен уйти жить в другое место. Если не уйдет - пусть. Но он должен знать, что кроме презрения, ничего не заслуживает и не получит. Представь себе... Прошел день, другой, и я увидел, что человек как-то надломился, притих. И вот сегодня он подошел ко мне и тихо попросил дать денег, потому что голоден. И мне стало жаль его. А за себя - стыдно. Я, конечно, дал. И в душе больше, чем простил...

Вот такая штука.

Привет всем!

Обнимаю и греюсь около тебя.

Твой, Мих.

24, октябрь, 69 г.

1, ноябрь, 69 г.

Моя девочка, получил от тебя четыре письма. Ты молодчина. Этими письмами ты доставила мне массу энергии. Мне очень приятно, что у тебя все хорошо. А мелочи - стоит ли вешать голову. Уже первое число, первое ноября. До нашей встречи остается две тридцатки дней. Они пройдут быстро.

Танька, у меня такое положение с бандеролями. От нас разрешают высылать заказными всякие не более 1 кг. Что делать - ума не приложу. Придется высылать бесценками. Неужели пропадут, а? Да и почта сейчас ходит дрянно, очень долго. В воскресенье я не смогу выслать - дежурю. Вышлю во вторник. Придется - по одной книге.

Дочитываю Хэмингуэшу (30). Эренбурга съел моментально. Это мне понравилось. Вот только дочитаю стихи и отошлю. Хорошо?

Получил письмо из Куйбышева - от Васьки. Он просит передать меня привет Нине и Луизе. И о той, и о другой он замечательнейшего мнения! Тебя он не знает. Говорил, что видел однажды, но был в блаженном состоянии.

Кое-что я ему написал о тебе. Написал так: если моя жизнь может доставить человеку счастье, то почему этим человеком должна быть другая женщина...

У нас тепло. Падает тихий и сырой снег. Я читаю и пишу. И хочу тебя. С Каташей (18) - может быть, возможно, мы «пересолили».

О Сафронове (32) я еще буду рассуждать. А Уайльд - интересная штука!! А меня все время тревожили отношения Дориана Грея и художника... Вот и выяснилось. Так что же именно было: он отдавался «мальчикам» или они ему?

Обнимаю, твой Миша.

Конечно, нет - думать «так» я не буду. Что-то безусловно нравится мне... Но только я никогда не смогу быть другим. Был Печорин, Сафронов, есть и я, чем-то или как-то похож, но я - это я. Я страшнее их. Бог с ними. Да. Эренбург бахнул - описал бурлящую Францию, а рядом с ней Россию в такой же обстановке. Больно и тошно читать все это. Вот и самому Эренбургу можно задать такой же вопрос, какой Володя задавал ученому-математику - зачем ты сказал об этом, а сказав, почему не дал ответа.

В прозе Эренбург выше, доступнее, интереснее, больше. Стихи его мне тоже нравятся, но только те, которые он писал после 17 года. Раньше - подражательно. А проза - замечательна. У этой книги долгая жизнь.

Я все получил. Спасибо тебе. Потихоньку читаю. Пишу.

У нас был мороз - 30. Сейчас отпустило. Дует юго-западный ветер. Порхал мелкий снежок, но земля голая и сухая. Если бы сейчас пошел настоящий снег, было бы теплее.

Таня, я отдал телогрейку Юрке «Колченому», ему было нечего одеть. А для работы у меня есть старенькая, грязная. Только ты не обижайся, ладно? У меня есть свитер, я не мерзну.

Да, ты говоришь, чтоб я не стал таким, как Володя Сафронов... Я, Таня, уже был таким. Но сейчас, кроме жалости к людям, у меня ничего нет. Людей можно ненавидеть, но... они не виноваты. А если причины оскудения человеческие (под любым предлогом!) вне их, то самое большее, что они заслуживают - снисхождения, как к детям. И не стоит из-за этого убивать себя.

...Нужно иметь цель в жизни, которой будут измеряться победы над обстоятельствами. И, конечно, чем больше схваток, тем жесточе и страшнее они, тем священнее цель и полнее гений человеческий. Только не следует смешивать общ. идею с идеей личности, хотя и та, и другая могут служить благу. Сафронов злился на людей за то, что они поддались примитивному пафосу, но он не хотел понять, что этим людям нечем было жить. За невежество не бьют, а учат... А он поставил себя в один ряд с ними, а потом, ничего не делая, хотел сохранить свою индивидуальность, ненавидя всех.

Тема, конечно, щекотливая. Это я просто так пишу - поверхностно. А в душе - за.

Таня, а я соскучился по тебе. Все считаю дни в календаре. А они тянутся и тянутся. Но октябрь прошел быстро.

Есть хорошее стихотворение у меня, хотел тебе его послать, но испугался, что не поймешь. Начинается оно так:

Приходили и пели...
Уходили и пели.
Только я одиноко
Стоял и молчал.
И в глазах у меня
Застывали капли,
Никому непонятным покоем звуча...

Я люблю тебя, Танька.

Будь доброй и умной. Пусть Бог хранит тебя. Обнимаю, твой, Мих. Сопин.

Привет всем

Танька, зачем ты высылаешь столько книг? Я уже писал, чтоб высылала только то, что может стать приятной неожиданностью. Лондона я читал, Хемингуэй... ты же высылала одну, а в этой все то же. Эренбург - да, это удивительная штука. Я его прочитал с превеликим наслаждением. Не высылай без договора. А то у меня украли «Не хлебом единым...» Вот теперь надо искать. А такая затея не доставляет мне никакого удовольствия.

Ах, не было печали,
 Так нынче принесло.
 Туманы на причале -
 Печальней всяких слов.
 Как сизая пороша,
 Уныло, нехотя,
 Они тоской непрошеной
 В глаза мои летят.

Вот так-то, знай наших!
 А чего ты ездил в это городишко?

...Татьяна, привет!... Это «открытие» меня давно уже не удивляет... Возмездие наступило, возмездие за все грехи...

Сейчас я старательно восстанавливаю наш давешний спор. Помнишь, я говорил тебе, что буду ползать, нищенствовать, нищенствовать и пр., пр., чтоб меня возненавидели и отреклись? (Мой комментарий сбоку: «Не поверят, посадят» - ТС). Да, время Шекспира, Сервантеса, Лермонтова и Достоевского, время «положительных и отрицательных», «типичных и нетипичных» - все это прошло. Наше время рождает новую касту людей - великих провидцев 20 столетия, которые пойдут к вере в жизнь, в людей через великую трагедию отрицания себя и всех. Прежде чем пойти к людям, они должны убедиться, что человечество побивает и попирает истину, казнит своих пророков. И только убедив себя в этом, великие юродивые пойдут на помощь потерявшему себя человечеству! - либо все, либо ничего.

Такая досада - кончаются чернила. Но я тебе допишу все, еще поговорим. Обнимаю тебя, моя милая, милая, милая. Привет всем. Твой, Мих.

Вот, Танька, прошло и 7-е.

Сегодня уже 9 число. Дни катятся - я вас уверяю! Ты не волнуйся, что несколько дней не будет писем. Праздник... Сама понимаешь... Когда раскачается наша почта.

Не высылай мне больше книги. У меня пропала одна... «Приматы». Я не могу ее найти. Выкручивайся сама. Все равно ничем помочь не могу.

У меня в норме. Работаю - отбываю повинность. Пишу. У нас зимне. Приморозило. Иногда бывает ветерок и тогда, конечно, холодновато, но это еще ничего. Снегу мало. Пошел было несколько дней, но потом перестал и вот уже долго - тишина. Чем ближе день приезда, тем больше скучаю, тем сильнее хочу тебя, тем меньше сопротивляемость... Salut!

Мих. 9.11. 69 г.

13, ноябрь, 69 г.

Получил от тебя письмо, в котором о А. Блоке. Такие находки радуют! Они помогают лучше увидеть, рассмотреть себя - путем сравнения. А потом... потом я уже смогу подключить необходимое или имеющееся количество энергии к тем «участкам себя», какие более всего в этом нуждаются. Блок был дико непостоянен. Отсюда он - в любых проявлениях характера - оригинален и прекрасен. В самой же сущности он жесток, даже слишком жесток, до такой степени, что вынужден был бояться самого себя. И еще, еще он был дико самолюбив, властолюбив, ему больше нужны были победы, но не признания. Но он скрывал это, он умел это скрывать, как и каждый великий. Он даже славу свою умел регулировать так, что она вынуждена была, как поденщица, трудиться на его величие. Может, без этого не было бы и Блока. Почему же от него ушла жена? Что-то я не встречал ничего об этом.

Недавно смотрел фильм «Вдова и капитан». Поставили венгры. Потрясающий фильмище! Он меня буквально раздавил. Решается проблема послевоенного периода. Главное - фильм очень тонко поставлен. В нем живет каждая деталь декорации, каждая трещина, пятно служит общему замыслу. Есть там такой момент: у вдовы собрались гости (полицейские), она их угощает. Боже мой, какое у нее в этот момент прекрасное и грустно-трогательное лицо! Ничего подобного видеть не приходилось. Так вот, она их угощает, а сама прохаживается вокруг стола, но делает это так, что о прошлой жизни, о ее прошлой жизни можно делать выводы - глядя на ряд картин и фотографий, но она еще и говорит... Грустит о том, что «хорошие люди стали куда-то пропадать». А потом показывают, как пропадают люди. Она все время ходила к своим соседям. ОНИ ДЕЛАЛИ ВИД, что принимают ее по-хорошему. Но однажды не открыли... И вот тогда она пошла в полицию и заявила, что соседи куда-то ПРОПАЛИ. А куда они «пропали» - выясняет «капитан», полицейский... И говорит, что трудно сейчас найти плохих, но и хороших - тоже, хотя такое явление ничего общего не имеет с преступлением, за это не судят.

Но самое страшное то, что люди, которые смотрели фильм, сочли ее ненормальной, а весь фильм - потерей драгоценных двух часов!!! Боже, боже, какая сволочь населяет эту грешную землю. Как гадко чувствовать себя... причастным к этим скотам, горюющим о животном времени! Для чего оно им?! Пожирать силос, размножаться?! Это страшно. Ладно. Не хочу больше писать об этом. Очень уж гадко становится на душе.

Да, письма... Я писал тебе, т.е. сообщал, что плохо идет почта, но я и пишу тебе сейчас только на смене. Ты уж не обижайся, прошу тебя. О себе... и писать не хочется. Нового у меня ничего нет и быть не может. Понемногу пишу. Есть вещицы, которые терплю, но - редко. Пишу мало. Примерно так:

* * *

Холодный ветер.
 И дожди секут
 Пырея стебли
 С мертвыми корнями.
 И на поляне жимолости куст
 Шумит, шумит, последний лист теряя.
 Не так ли я,
 Не так ли в жизни я
 Стою один над пустошью земною?
 Буран судьбы сметает желтый яд
 Последних дней,
 Не выстраданных мною.

Конечную строфу писать не хочу, точно не помню.

Ничего, время идет, скоро уже приедешь ты. Тогда опять отдохну. Привет всем! Обнимаю тебя, моя милая и добрая душа.

Твой, Мих.

13. 11. 69 г.

Получил письмо, в котором ты делаешь печальные выводы... Нет, ничего со мной не случилось, просто не было настроения писать и немного побаливала голова. Я ничего не делал. Валялся в койке. Читал «Люди, годы, жизнь». Изумительнейшая штука. Если желаешь, вышло. Почитываю Библию. А я - к своему стыду! - не знал, что «Кто не работает, тот не ест» - библейская заповедь. Вот это здорово! Да и еще много чего есть в ней интересного. Но самое интересное то, что сегодня уже 3 декабря. Остаются считанные дни... Посмотрим, что ты вычитала в книге «про...», «про...». Что ж, этому тоже надо учиться, коль оно является неотъемлемой частью жизни. Поучимся, Танька, ты брось выдумывать всякие нелепости. Они ничего не дают, кроме расстройтва. А зачем это? Выдумывать всякие невероятные истории и самой себе портить нервы. Давай обходиться без этого. Сейчас это меньше всего нужно.

У людей, понимающих плохое и хорошее, должен быть водораздел, который переходить нельзя. Я допускаю, что неосознанно можно что-либо упороть. Но там, где человек отдает себе отчет - ку-ку. Вот ты мне писала о «седом человеке из тех»... Я читал внимательно. И хочу задать тебе вопрос: как он думает использовать «пленку допроса»? Что она дает обвиняемой? И еще: как он объяснил причину преступления - изнасилование с убийством? Я знаю, точнее - понимаю солдата, понимаю его психологию страшного момента. Он не убил бы эту девчонку, если бы знал, что за изнасилование (при квалифицированном разборе дела!!) дают срок наказания, отбыв который, он сможет сохранить себя человеком. Страх самосохранения толкнул его на то, чего он больше всего боялся - на убийство. Он слышал, что за такие преступления дают

15 лет! Слышал о лагерях. Результат: нужно спрятать следы преступления. «Обезопасить» себя... убийством. Пока. Да, я очень хотел бы послушать процесс, очень!

Кого же будут судить? Будет ли осужден тот, кто определил за... естественный! поступок (изнасилование) - нечеловеческий срок наказания? А... за три года не сумеют объяснить человеку, что нельзя насиловать? Что ж, конечно, «лучше» сделать так, чтоб у него навсегда отпала охота считать себя и других людьми. Когда судят физически неполноценных, им не дают гарантии, что они не станут онанистами, педерастами и пр., пр. Но - увы! - это есть. И вообще... мне нудна эта мышинная возня. Мы недалеко ушли от Хаммурапи (не помню, точно ли называю его), и моя точка зрения остается незыблемой: закон издается не для того, чтоб под него нивелировать. Он создан для человека, а не наоборот. Мы - народ, сделавший революцию, заслуживающий того, чтоб все было для человека - по-человечески. Сколько же можно красноречивать: «Зато у нас не привлекают за то-то...» Пора показывать капиталистам и тем, кто колеблется между, между... пора показывать, что это так-то потому, что мы строим коммунизм! Во всем надо так.

Хватит, не хочу портить нервы. Меня сейчас больше всего беспокоят дороги. Сплошной гололед. Если так будет и дальше, то шансов на твой приезд почти нет. Сегодня прилетал вертолет и был вынужден вернуться без посадки.

У меня были Ленья и Лиля. Привозили мне вино и пиво. Просто не знаю, чем их отблагодарю... Ничего, как-нибудь сочтемся.

Что у тебя нового? У меня ничего нет. Не вешай клюв, Ташка! Это у тебя от усталости такое... Все перемелется. Твой, Мих.

Открытка (число непонятно)

Татьяна, у меня все хорошо. Отвратительнейшим образом ходит почта. Я все получил. Благодарю тебя. Да, я сделаю так, как ты предлагаешь - на 1 лучше. Привет всем (подпись).

Вот уже и 17-е прошло. Остается 13 дней этого месяца. У нас напропалую осень. Вот уже три дня - дожди, снег, юго-западный ветер... В письме я сообщал, что книги нет, но нашел, вышлю во вторник или в среду. Приходила почта, но ничего не получил от тебя. Хочу надеяться, что все хорошо.

Смотрел (еще раз) киргизского «Учителя». После второго раза он мне понравился больше. Я вполне поймал трагедию этого образа. Игра, конечно, изумительнейшая - просто и чисто.

Перечитываю Хемингуэя. Никак не дается его философия. То ли он проповедует простоту нрава, то ли - безалаберно-безответственный образ жизни, то ли сам еще только начинает искать что-то. Вот О. Уайльд - да, этот мне понятен под всем своим наносным, наговоренным. А Мингуэша - не пойму. Вообще-то у

меня закрадывается мысль: он сильно похож на очеркиста-реалиста, и никакой глубины не ищет сам. Вижу, слышу, пишу.

Изредка пописываю. Что-то получается. Но еще не кончил синюю тетрадь - старую, которую ты проверяла. Нет, стихи хорошие, но меня не будут долго печатать, очень долго. Устаю. Иногда хочется бросить все, не морочить голову. А потом... это все проходит. Люди играют, играют всю свою жизнь, даже самую сознательную ее часть. Бесчестные играют в честность, бандиты в добродетель, лжецы в праведников, а положительные должны вести себя наоборот. Но в итоге - в итоге всех съедят черви. Устаю я. Нужно бы отдохнуть, подкрепиться.

Ничего. Пусть зима скорей улетучивается, а там...

Ну а у тебя как дела? Что нового? Да, а как Алеха? Что-то давно я о нем не слыхивал. Опиши кратенько.

Танька, не высылай мне много книг, я не успеваю их читать. Зачем же столько. Читаю торопясь, многое пропускаю. Я сам тебе напишу - когда потребуется. Я сильно обленился. Ничего не хочу делать, только бы спал и спал, чтоб сон заменил мне реальность, чтоб во сне видеть других людей, нереальные отношения, жизнь, которая не была бы столь постылой, как моя.

Любой огонь, любой
 Тускнеет на исходе...
 Но если я не прав,
 Разубеди, скажи.
 Я знаю,
 И любовь
 Приходит и уходит,
 Как лето,
 Как зима,
 Как день,
 Как год,
 Как жизнь.
 Обнимаю тебя, твой Мих.

17, ноябрь, 1969 г.

21 ноября.

Сегодня отослал тебе книги двумя бандеролями. Послал шпигеля и Пастернака, насыщенный хлеб и Эренбурга. Остальное - потом. Между делом читал А. Дроздова, последние произведения которого датированы 1938 г. Очень хорошо написано, хорошим стилем о революции 1905 г. Там один из героев говорит, что «социализм - это революция плюс моя карта». Очевидно, Дроздов был расстрелян. Биографии его нет. Есть карандашный портрет, где он выглядит очень усталым, с глазами, полными тоски. Сейчас читаю

Эренбурга. Он пишет, что эта книга - исповедь. Очень сильно написано о Тувиме и Белом. А я и не знал, что настоящая фамилия Белого - Бугаев, Борис Бугаев.

* * *

Я такой же, как все,
Я такой же, как многие,
По планете иду, качаясь.
Как железные тумбы,
Тяжелы мои ноги,
Только думы -
Как крылья у чаек.

Да, о Белом Эренбург пишет как о гении. Я понял, что Белый обладал гигантской силой перевоплощения. Когда он начинал что-то делать, забывал о себе, о других... Кажется, нечеловеческая сила творчества вела его. Эренбург пишет о Маяковском, Есенине, Пастернаке, Блоке (его стихи любил Тувим), о Ремизове и многих других. Я стараюсь читать медленно, чтоб продлить свои приятные минуты в этом содоме.

Сейчас немного утихло, а час назад полосовала метель, настоящая зимняя вьюга. Хорошо, что природа наделила меня грустью, если бы не это, то жить было бы нечем.

Обнимаю тебя. Твой, Мих.

21, ноябрь, 1969 г.

3. 12. 69. Телеграмма

ПЕРЕСТАНЬ МУДРСТВОВАТЬ ТАТЬЯНА ВСЕ БУДЕТ
ХОРОШО

7, декабрь, 69 г.

Сегодня должна быть оказия, вот и пишу. Собственно, письма-то задержат все равно, но пусть задерживаются где-нибудь. От тебя очень долго шли, просто невероятно. Дороги есть, а чего-то нет...

У нас было несколько морозных дней. Сейчас отпустило. Стало теплее.

Послал письмо К. в Куйбышев, а оказалось, что его там - и след простыл. Уехал в Москву. Живет там. Прописался. Работает где-то в монтажном, собирается посещать «клуб молодых литераторов». Чего его мыкает по свету... Впечатлений, что ли, набирается... Пусть. Это тоже нужно. Многие люди проживают жизнь, но дальше своего села ничего не видят. Пусть посмотрит Россию.

У меня попрежнему. Жду Нового года. Скоро увидимся. А ты как поживаешь? Набирайся сил. И никогда не думай мрачно.

Сейчас для этого совсем мало причин. У меня одно плохо: очень тяжело пишется. Ничего, наладится.

Твой, Мих.

Смотрел «Доживем до понедельника». Неплохая штука. Таня, а я же выслал тебе Илью, разве ты не получила? А за Хемингуэя... может, я не понимаю его. Раз уж у почитателей его должны быть такие данные, то очень может быть, что я этим самым не обладаю.

Но мне все-таки кажется, что у него много игры в самого себя. Разумеется, от моих высказываний он не пострадает.

Танька, а зачем ты мне описываешь всякие истории, с какими-то Лешами, с их Зинами.. Это же просто... я не знаю, что это. Да, для себя ты должна извлечь урок, но я не хочу, мне неприятно читать это. Оно действует на нервы. В таком кильдипе может произойти все. Как ты можешь заходить к каким-то там, совершенно не зная положение вещей. Надо лучше знать свое рабочее время, чтоб не допускать подобного.

Сегодня уже 11 декабря. Это письмо ты получишь числа 20-го, когда нужно будет готовиться в дорогу. Скорей, скорей, скорей.

Я так боюсь, что поездка может сорваться. Самолеты на колесах. Снегу нет. Несколько дней морозы стояли до 35. 10 декабря мороз отпустил, стало туманно.

Показывали фильм о Модильяни. Потрясающая вещь! Я еле еле досидел до конца - так было тяжело смотреть.

Обнимаю тебя. Мишель.

Сегодня уже 15 декабря. Стоит морозец. Снегу очень мало. Можно сказать, что с какого-то времени он не добавляется.

Смотрел «Журналиста». Обратил внимание... наша братия начисто не умеет смотреть такие фильмы. Нет «уря-патриотичного» эффекта. А я что... Лично мне понравилась такая установка. Хотя, хотя она не может не настораживать.

После просмотра в памяти остались удачные (на мой взгляд) диалоги. Я не могу сказать, чего именно мало здесь, но остается все-таки очень терпкий привкус - этакое русское манерничанье на заграничный лад. «Плохая им досталась доля...» Родного нет, а «божья воля» - кричи, беснуйся и зови, садится только визави. Послушай, а откуда у тебя эти, не имеющие никакого основания, сомнения? Выдумываешь все? Давай-давай, без них скучно. Но если причина этого в том, что я реже стал писать, то это происходит по единственной причине: больше занят деталями твоей поездки. Так что и это - в твою пользу. И в самом деле, чем ближе встреча, тем больше неразберихи в моей голове.

...Перебили мою писанину.

Зато это письмо будет интересным... Оно интересно тем, что я начал его писать в понедельник, а кончил во вторник. Сейчас уже вторник. Три часа ночи. Ты, конечно, спишь, и не думаешь, что твой Мих. пишет в три часа ночи. Странно... Сейчас я пережил удивительнейшее мгновение: целую секунду стоял у твоей постели. А ты преспокойно спала и посапывала во сне, не подозревая, что я так близко!.. Вот и прошло это.

Конечно, скоро увидимся. Время идет ходко, но я хочу, чтоб шло еще быстрее. Чтоб скорей проходил этот год. Что-то он мне не нравится, какой-то мутный.

На это письмо, Танюша, ты можешь уже не отвечать, потому что оно будет идти к тебе неделю и назад столько же.

У меня все хорошо. Изредка пописываю. Все-таки, Танька, все-таки я скажу тебе: я не пытаюсь сравнивать Хемингуэя с Достоевским, но если Достоевский - эпоха, то Хемингуэй - мода. Этим выводом я провожу огневую полосу между собой и интеллектами, умеющими вычитывать у Х-я то, чего не могу я. Но я и не боюсь думать и делать так.

«Они пошли туда и все погибли» - это хорошо написано или сказано, но газета и интеллект не имеют общих знакомых. Интел-т и символика - да, потому что здесь и-т доделывает то, что может подготовить символ. Но сказать честно, определенно, округло и окончательно - при чем тут ин-т? Тут не о чем догадываться, все ясно. А может, я упрощаю слово ин-т? Конечно, он у каждого разный. Где грань между гениальным и парадоксами - установи.

Это я рассуждаю, и от этого Хем. не станет меньше ростом. Он все-таки больше газетчик, чем философ. Может, потому он и ближе тебе. Я не люблюсти (непонятно). Мне это напоминает футбольную игру на шахматной доске.

Не унывай! Твой, Мих.

16, декабрь, 1969 г.

Хотел написать что-то интересное, да запомнил. Наверное, какой-то пустяк. Пишу в казарме, потому что завтра пойдет почта, ты еще одно письмо получишь. Что-то этой зимой много едут на свидания: заняты две хатки.

Ничего, как-нибудь перетопчемся. Ты же приедешь на... дни. А, вспомнил, чем хотел начать это письмо. Я хотел послать тебе мазилку, но тогда это письмо было бы грустное, а теперь - нет. Ничего, приедешь - считаешь сама. Так будет лучше. Все мазилки получают очень грустные. Пускай. Будет новая жизнь, новая тема, будут новые мазилки.

У меня прикипело много твоих книг. Надо бы отправить, да лень одолевает. Оставлю на потом. Делать будет нечего, начну высылать бандероли, чтоб быстрее шло время. Прочитал не все. Нет охоты. Как-нибудь доберусь потом. Знаешь, чем ближе «конец», тем хуже пишутся мазилки. Заранее происходит процесс

перестройки на «новую жись». А почему от тебя ничего нет - получила ли ты бандерошки, в которых был «День второй»? Своего Эренбурга я не послал. Увезешь сама. Может, почитаем вместе. Ну, Танька, больше и я писать уже не буду, потому что буду ждать тебя.

У нас морозно. Но снегу мало. Я сжег много своих бумаг, которые посчитал лишними. Если бы, конечно, их привести в систему, можно было бы что-то собрать... Будь!

ПОСЛЕ ВСТРЕЧИ

9, январь, 70 г.

Танька, милая,

я так переволновался, что и до сих пор не могу войти в колею: то мне кажется, что ты еще в дороге, то - что ты успокаиваешь меня... Да полно, что это я?.. Ты, конечно, дома, все у тебя хорошо. А знаешь, уже три часа ночи. У меня не ладится с работой, потому и пишу в такое неподходящее время. Много писать не буду, просто сообщу, что у меня все нормально. Да, вот еще что: Сухоруков-Сухоголовенко (32) позвонил (тогда) охламошкам, что ты приезжала «самовольно», он рассчитывал на то, что возьмет мое заявление в надзорке и порвет, отказавшись таким образом от того, что он разрешил. А вышло - дудки! Они кинулись туда-сюда искать, но произошла осечка!

Ладно, Таня, я немного устал, напишу потом.

Привет всем. Обнимаю и целую тебя, моя героиня!

Твой, Мих.

У нас сильные ветры. Дует уже несколько дней. Несет снег, гонит тучи, и хотя медленно, но уходят и уходят эти ненавистные дни... Моя девочка, моя добрая и ласковая, прошло 20 дней этого месяца, но как - боже мой! - как я по тебе соскучился. Эти дни кажутся мне годами, они превращаются в вечность, на невидимом краю которой стоишь ты.

Я сегодня послал тебе «Быка» (33). Но тут же решил и написать, потому что, да просто потому, что люблю тебя, просто потому, что люблю и не хочу быть одиноким в этом скопище, в этом кишении, в этой мешанине глупости, подлости, предсмертного разгула и самоедства, в том, все-таки, что создано людьми для людей или зверями для зверей. О боже, о боже, боже милостивый и праведный, создавший мир лжи и правды, мир, в котором либо все относительно, либо нет ни того, ни другого, в котором сомнительны и смех, и слезы человеческие... Это вертеп, вертеп безумия, в котором - до созревания разума - молятся Сатане единому, а после - каждый своему.

Как нудно и смешно!

Нудно - потому что вот уже сколько радуются и жуются одному и тому же, смешно - потому что продолжают и дальше делать то же самое. Есть же выход не подличать и не пресмыкаться

- плачь и смейся в себе, улыбайся и плачь, не меняя мимики, болей душой. Глупо - в мире мертвецов искать человеческие, живые человеческие души. Одни - ходят надутыми потому, что могут надуться, другие - потому что их надуют. И все-таки надо жить.

Танюша, милая, ты совершенно ничего не пишешь о себе. Пиши, Таня. А то я буду сильно скучать. Пиши вот такие же листочки, в них можно сказать больше, чем в открытке.

Пишу мало и тяжело. Читать нечего. Пролеживаю бока. Как там Нина? Передай ей и Таньке (годовалой дочке Нины - ТС) большущий привет!

Обнимаю тебя, моя спичка, вспышка. Будь добра душой. Целую тебя всю-всю!

Твой Мих.

20, январь, 70 г.

Вот опять пишу тебе, и опять пустота и усталость уходят куда-то, уступая место успокоению, потому что когда я пишу, то всегда чувствую, что ты где-то рядом, и каждое слово, которое хочу написать, я сперва говорю тебе, моя девочка, моя милая и добрая Танька. Может, потому что больше и лучше узнаю тебя... Может, потому что полнее, осознаннее переживаю конец 15-ти кошмарных лет, но с каждым днем и часом ты становишься для меня необходимым и желанней, понятнее и загадочнее. Но всегда, всегда помогаешь мне жить, деля мои горести и отчаяние, успокаивая мою боль... о том, что прошло, прошло дико бездарно и безвозвратно столько лучших лет. Если я не обманываюсь, если ты действительно так глубоко переживаешь мою грусть, мое горе (свидетель тому - твои слезы в момент нашей первой встречи, пусть это был только порыв души навстречу другой душе)... то разве я могу не любить тебя за это, за то, что ты в такие минуты способна к воспламенению, которое навсегда остается в памяти увидевшего этот божественный миг. Я тебе уже говорил, что жестокость человеческая, возведенная до рамок закона и морали столь бесчеловечна, что действуя на нас, превращает в рабов нами созданного. Жизнь рождает преступления, а человек создает наказания - разум против стихии: он результативен, но разве абсолютен? Разве наказания, избранные человеками для себя, могут быть гордостью проявления гуманизма и человечности, если они убивают в человеке его самого, пугают почти так же, как смерть? Все это въелось в мою душу, сердце, разум, и потому я не мог во всей полноте ощущать и переживать твое присутствие. Я смотрел на тебя, но плохо видел, слушал, но плохо понимал.. Я даже жил с тобой - был в близких отношениях - как с некоей памятью, тенью, слабо отражающей нечто давно мною виденное и пережитое. Вот такая штука.

Потому я сейчас хочу любить тебя иной любовью, той, в которой все меньше и меньше остается страшных и кошмарных видений прошлого...

Милая Яня, Танюшенька... ты слышишь меня, моя девочка, я так сильно хочу обнять и приласкать тебя. Знаешь, я сейчас вспомнил наши глупые, пустые и редкие размолвки... Да, они мне кажутся смешными. Вспоминаю твои слова, сказанные в лесу, у костра. Мы тогда искали решение - говорить правду или не говорить. Да, правду нужно говорить, но только ту, которая может работать на нашу НАСТОЯЩУЮ жизнь. Но если она стала «святым прошлым», то ее не то что нельзя, но даже преступно говорить, потому что в жизни нашей очень много соприкосновений, становящихся поступками устойчивыми или скоро проходящими, но все они были, все они были тогдашней истиной, необходимостью, частью нашего «я»... поэтому их сейчас легко оправдать, но легко и обвинить. Тайн не должно быть только в текущей жизни, но тайны эти не должны иметь ничего общего с пошлятиной, о которой лучше, ценнее молчать. Под тайной я подразумеваю что-то большое, ДОСТОЙНОЕ ЧЕЛОВЕКА - такое, от чего может измениться жизнь. А все остальное - дрянь. Чем меньше мусора в личных отношениях, тем больше места для чистого и доброго.

Идет к концу 24 января. Вообще-то этот месяц кажется мне очень длинным. Ничего, пройдет. 27-го меняю пятый месяц. Потом уже буду считать - четыре и...

Обнимаю тебя и люблю, Таня.

Привет всем. Твой Мих.

24, январь, 70 г.

Ну, как ты там поживаешь? А у нас холодина, Янька - спасу нет! Дает дрозда последняя зима, наверное, чтоб я дольше помнил, а помнить-то и так есть что. Ты знаешь, так долго тянется январь... Дни-то идут быстро, но сам месяц - нудьга.

Ты Нину видишь? Я писал ей письмо, а ответа нет. Может, у нее что-то случилось... Времени у тебя, конечно, мало, но буде выпадет свободная минута, заскочи к ней, не оставляй наедине с раздумьями. Иногда даже полезно присутствие чье-либо, а ты для нее не «кто-нибудь». Жизнь наша коротка, нужно спешить делать людям хорошее, иначе не успеешь.

Я сейчас занимаюсь ничегонеделанием: изредка пишу, читаю, но больше думаю. Голова уже забита тем, что будет «там». Ничего не попишешь - закономерно! Поживем - покурим. Скучаю по тебе страшенно. Это потому, что нелепость дальнейшего «исправления» становится все очевидней. Да, ты не присутствовала на процессе солдата, который убил... Чем же кончилось дело? Я, конечно, понимаю - положение у него аховое. Но интересно, что и как будут говорить.

Яня, а как дела у Николая? Продолжаются ли их встречи с этим человеком? И каковы отношения? Если ты считаешь, что от моего любопытства пахнет дрянью, можешь не писать. Я бы,

конечно, хотел, чтоб эти отношения - были их! личным делом, но не «личным делом» кого-то одного.

Сегодня у меня веселая смена: сильный мороз, в трубах промерзает солярка, приходится крутиться, как белке... Поэтому и письмо получается скачками. Ничего, как-нибудь отдежурю эти сутки: А сейчас ночь, милая Янька. Я так хотел бы быть возле тебя, а ты бы мне что-нибудь рассказывала, я ведь очень люблю тебя слушать.

Янька, милая... извини, никак не идет письмо. Я уж потом напишу еще. Обнимаю и люблю тебя, милая, милая, милая и добрая.

Привет всем. Твой Мих.

1 час ночи, 29, январь, 70 г.

Янька, я получил от тебя две открытки и письмо. Ты молодчина. А я обленился наглухо. Но уже начал писать тебе. Скоро получишь первое - после того маленького - письмо, а дальше пойдут регулярнее, если, конечно, почта будет трудиться добросовестно.

А я в каждом письме пишу, что скучаю очень по тебе. И это правда... Ведь какая странная штукавина: чем больше я понимаю, что нам уже ничего не помешает, что мы скоро будем принадлежать друг другу, тем больше скучаю и люблю, а точнее - больше верю в это, и вот эта-то вера и делает любовь настоящей, а желания - не мечтой.

Да, Янька, я в каком-то письме уже задавал вопрос веры и мелочной исповеди... Ты же знаешь, Яня, я фаталист, больше верю в свою судьбу, поэтому всякие мелочи для меня просто не существуют. Человек никого не может обмануть. Он только может поступать так или иначе, так или иначе - к кому-то. Я против исповедей, и хотя, как всякий фаталист, вижу во всем преднамеренность, хочу, чтоб в моей жизни было меньше того, что делает жизнь недостойной человеческой.

Видишь ли, я взял себе за правило: если когда-нибудь ты скажешь, что встретила человека, без которого ты не можешь, я сделаю так, чтоб уходя от меня, ты оставила в своей душе только чистые и честные, и добрые воспоминания о прошлом.

Вот так. Но никаких исповедей. Исповедь - пошлятина, она унижает человеческое достоинство, превращая его в раба морали и предрассудка. Человек волен поступать так, как он считает необходимым, лишь бы не было разлада с душой, с совестью, не было тяжкой ноши, которую придется нести через всю жизнь.

Я тебе уже говорил, Яня, что любой дурной поступок, который человек сделает по отношению ко мне, вызывает во мне больше жалости, а точнее - только жалость. И чем ниже поступок, тем сильнее жалость. Но моя жалость не для меня оскорбительна. Янька, а ты возрази, докажи, что я ошибаюсь, я с удовольствием послушаю и почитаю.

Обнимаю и люблю тебя, тысячу раз целую!

Твой Мих.

30. 1. 70 г.

Не знаю, Яня, не знаю, как оно делается... Затронутая тобой тема очень сложна. Что такое чистая любовь - не знаю. А вот в человеческой любви, в ней что-то должно быть такое, что бы отличало ее от неразумного; какие-то ее элементы должны быть осознанными, подчиненными человеку, его воле, рассудку...

Наша с тобой любовь родилась в сложных условиях. Она похожа на родник среди скал и пустыни. И я считаю, что она будет зависеть от нас, от нашего старания, труда ради нее, от сознания и знания жизни и себя самих. Я знаю только, что любую любовь можно убить. Это проще, чем сохранить ее. Но для того мы и люди, чтоб уметь сделать нашу любовь такой, которая помогает жить, делая жизнь... сносной. Есть разные моменты встреч. Но встречи - это только встречи. Ведь любовь, которая пройдет через всю жизнь, она только впитывает встречу, бережет ее, но она на столько больше, что нельзя ее даже мысленно сравнить с первым моментом. Нет, нет, Яня, из жизни мне известно, что любовь могут убить люди, а если это так, то они ее и... создают, могут и обязаны вернуть. Этому нужно учиться, потому что любовь сама требует этого. До сих пор драматурги и писатели рассматривают вопрос любви несколько фатально, т. е. «законодатели» сделали так, а остальные подражают им. И если, конечно, всю свою жизнь заниматься только любовью, то... «Вечно любить невозможно». Нет, возможно любить вечно, только не нужно смешивать любовь с похотью, между тем и другим пропасть.

Я знаю, что люблю тебя, Яня, потому буду стараться сохранить свою любовь, оберегать, помогать и тебе в том, чтоб в моей любви ты была не созерцательницей, а второй ее половиной. Любить - это величайшее в мире искусство, а потому нужно себя всегда, постоянно к этому готовить, чтоб никогда-никогда не сделать фальшивого жеста, не взять неправильную ноту, ибо публика - мы сами, наше сознание, наши души и сердца, которым противна фальшь и унизительна неправильная игра. Я так думаю. И так буду делать. Но ведь нам же еще нужно работать, работать для куска хлеба и для духа, а на это, ты знаешь, уходит очень много времени.

Янька, я люблю тебя. Я люблю тебя, Яня. И ты никогда не бойся своей любви. Если она чистая, если она честная, если она живет в тебе и к тому, кто ее разделяет с тобой - это святая любовь. Такой любовью нужно гордиться. Только не нужно сомневаться в ней, копать, выискивая и придумывая всякую всячину. Янька, а мне в этом году исполняется сорок лет, Яня... Нет, лгу, не сорок, а 39, но это очень много. Янь, не выдумывай, на мою любовь ты имеешь полное право! И ты обладаешь всем, что может делать нашу любовь человеческой, искренней и вечной.

Нина надрючила мне престранное письмо, такое, что даже не хочу тебе и писать об этом.

Целую тебя всю-всю, моя сорока. Получил шнурки, перчатки. Целую и люблю. Мих.

1. 02. 70 г.

3.2.70.

У нас был дичайший мороз - до минус 54. Сейчас метет. Я люблю такую погоду. Янька, в тетради, которую ты увезла (в суперобложке) лежит лотерейный билет. Я не знаю времени розыгрыша. Проверь. Ты очень хорошо пишешь о моих «пыжиках»...

Яня, я говорил, у меня бывают такие моменты, когда я не верю в жизнь, в себя, в то, что пишу, но это проходит. И тогда, Яня, тогда я больше всего верю в свои стихи, которые помогают мне в жизни, в самоотречении, дают фатальную силу воли и бессмертие духа. Я чувствую, что делаю очень большое дело, Яня. Когда-то это станет большим, чем направлением в литературе, потому что я вижу и понимаю тех, которые пишут сейчас. Время не примет приспособленчества, убогости, жонглерства, а Россия не может быть без голоса.

Ты говоришь, Яня, что никогда бы не подумала, что я буду так... писать. Я буду писать еще лучше, постараюсь. Я и сейчас пишу хорошо, но это трудно понять, потому что в литературе сейчас мерка, под которую я не подхожу. Ничего, Яня, ничего, милая, через все нужно пройти. И я пройду, Яня, ты поможешь мне. Ты и сейчас делаешь для меня очень многое. Я люблю тебя, Янька, люблю, милая.

Обнимаю и крепко тискаю тебя, девочка. Твой Мих.

Деньги я получил. Очень-очень благодарю тебя, они пришли кстати.

Яна, я сегодня смотрел «Крах». Боже, какая гадость. Помнишь, там перед началом перечисляют «преступную деятельность Б.В. Савинкова»: убийства Плеве, какого-то губернатора, Великого Князя, покушение на Николая... Теперь, перечисляя его злодеяния, как преступника преследуют враги самодержавия. Никто не настаивает, чтоб его показывали героем, но врагом царизма, вконец запутавшимся... таким и можно, и нужно было показать. Такими людьми нужно гордиться, потому что они русские и тоже делали святое дело, подрывая абсолютизм. Грустно.

Я теперь буду писать чаще, ты только не скучай. Скоро увидимся. Я начинаю писать...

До свиданья, Сорока, милая. Привет всем!

Мих.

Сегодня уже пятое февраля.

Только что пришел с работы, немного устал, но стоит ли считаться с усталостью на грешной земле... Отдохнем, на это будет очень много, очень много времени.

Татьяна, я так скучаю по тебе. Но для меня такое состояние - не диковина. Потому что всё, все надоели. У меня на земле уже кроме тебя никого нет, кто бы был так дорог, как ты, так необходим.

Что скрывать - я сильно устал от пустой и до дикости ненужной жизни. А может, я сам дик и пуст до ненужности. Но что-то есть такое, что постоянно разрушает мои надежды, превращая их в химеры.

...Прожитое и понятное дает мне право сказать, что я знаю свое завтра. Я чувствую себя среди людей чужим и одиноким. Здесь, на малой земле, мне лучше видно - чем и как живут люди. Я теряю веру в веру. Знаю: все несчастливы, остается только одно - уйти в себя, стать глухим к страданиям и немым в муках.

Извини, я действительно устаю. Надо бы отдохнуть. но... когда и от чего?

Ты только не пугайся, все уляжется, у меня часто случается такое настроение.

Будь здорова и добра. Мих.

У нас тепло. Балуют метели. Получил твое письмо, которое ты писала 30-1, а штемпель пермский стоит - 3. 2. Почему это такая штуковина? Задерживают где-то, что ли. Но я его получил - 5. 2. Да, «Крах» произвел на меня отвратительнейшее впечатление. Лучше бы не ходил совсем. Режиссер - бездарная и похотливая, бессовестная сволочь. Как только ему не стыдно за такую стряпню. Гнусная штука, очень гнуснейшая.

Да, Яня, я сегодня гулял по улице, дышал свежим воздухом. И интересная и горькая мысль пришла мне на ум... Думал я вот о чем: Россия прошла большой и сложный путь совершенствования. Патриархальная глухомань, деспотизм и произвол капитализма, зверевшая, а потом погибшая дворянщина, русское либерально-интеллигентнейшее слюнтяйство - все это делало свое дело. Одни применяли физические экзекуции, другие экзекутировали морально, третьи - то и другое. Могло ли это не дать результатов? Нет, конечно. Результат - грусть.

Я наблюдаю за людьми: вижу «хороших и плохих», низких, растленных и сохранившихся?.. Я вижу реакцию момента на разные случаи. Реагируют всяко: слабо огрызаясь, посмеиваясь, отделяясь молчанием, соглашаясь, бичуя своё «я»... Но, Яня, Янька, все они сохраняют свое единственное нечто, раз данную им сущность, которой останутся верны - как знать! - может, до скончания дней своих. К чему это отнести? Как назвать тот источник, который люди берегут, разменивая совесть, теряя достоинство, насилая разум и пр., пр. Я думаю, что это нечто, это таинственное нечто, так тщательно «охраняемое» людьми, есть дух человеческий, которого можно лишить - лишив жизни. Может, действительно, человечество, пройдя период поклонения силе, обесценив его, пройдя период разума и разуверившись в нем, вступило в эру

духа? Может, я ошибаюсь, но ты подумай над этим. Мне это кажется очень интересным. Поищи примеры, порассуждай, посравнивай. Я очень скверно разбираюсь в этом вопросе вопросов. Только одно я и могу понять - для этого нужно знать очень многое, но за край бытия не заглядывать.

Я потихоньку мараю бумагу. Пишу «цыплят». Что-то получается. Может, и на мазилки... нужно посмотреть под углом зрения вероятного восприятия? И в самом деле: если я делаю дом, зная наверняка, что позже сломаю; если разум человеческий трудится, чтоб наверняка! уничтожить самое себя, то скажи, как же это понимать? Борющимся в жестокой схватке за свое существование является дух, только он жаждет цельности и независимости. Слава ему! Ладно. Мы еще почешем языки об этот камень. Мне очень нравится, что ты начинаешь проникать в дух моих мазилок. Это очень радует, но еще больше утешает меня, обещая согласие и понимание друг друга.

Письмо получается отвратительное. Но уж если взбрело мне это в башку, то надо поскорей отделаться. А правда, Янька, давай поразглагольствуем на эту тему, если, конечно, у тебя есть желание и гулячее время. Янь, а обо мне не скучай, ты уж лучше поправляйся, копи «накопление», полней.

Янь, а ты скучаешь потому, что и твоя мечта, и надежды становятся реальными? Можно ли было, не зная меня, надеяться на что-то? А у меня было впереди - ого-го! А сейчас и твоё, Янька, сознание плотнее вживается близкий салют победы. Ничего, Янька, есть еще в нашем распоряжении кое-что.

А вот у меня одна мазилка начинается так:

Дай обниму тебя!
 Мне кажется, опять я
 Мимо тебя иду,
 Теряя дни.
 Дай обниму тебя,
 Пусть первое объятие
 Нам две души
 В одну соединит.

Нравится, Янь? Мне нравится, но мы ведь иногда того... расходимся во мнениях.

Обнимаю, твой Мих.

5. 2. 70 г.

Никак не начну посылать тебе отквр-и. Да оно и правильно - в письме-то напишешь больше. А ты, Яня, ты посылай открытки. Мне-то, конечно, лучше получать письма, но если у тебя туго со временем - делай по усмотрению...

Да, время идет. Янька, а хочешь, я открою тебе тайну? Знаешь, мне очень стыдно за свое... скотское отношение к тебе, за свою похоть. Но, Яня, ты знаешь причину этого. Мне всегда было трудно верить в действительность наших встреч, отношений, нашей близости. Мне всегда казалось, что это ошибка, какой-то горький и грустный спектакль с моей ролью статиста в нем. Потому ругаю себя за свою скотскую поспешность. Но ты должна понять и не осуждать меня. Это послужит примером... для нас. Все равно, Яня, все, что я делал - потому что люблю тебя. Люблю в тебе все: твою душу, твою женскую храбрость, твою мысль, которая помогла тебе, сквозь дикое и большое, наносное и злое, увидеть во мне человека и не оттолкнуть. Ты молодчина, Янька, молодчина, потому что я именно из этой породы, из тех, кого нужно чувствовать, т.е. кого нужно почувствовать для того, чтобы потом понять. Я просто изнываю от похоти сознания того, что ты есть. Я, конечно, очень-очень соскучился по тебе, очень-очень хочу тебя - твоей груди, губ, шеи, маленьких рук, ног, «её» и твоей толстушки... Хочу обнять тебя всю-всю, прижать к себе, как ребенка, и гладить, гладить по лохматой головенке. Ничего. Остаются месяцы. Теперь ждать легче. Как странно, как все странно... Когда-то мы написали друг другу первые письма, потом ты приехала; мы встретились, потом опять встретились, стали по-настоящему близкими... и не заметили, как быстро прошли эти два года.

Интересно, правда, Янька?

Как по-новому мне звучат эти строки:

«...Я звал тебя, но ты не оглянулась.
Я слезы лил, но ты не снизошла.
Ты в синий плащ печально завернулась,
В сырую ночь из дому ты ушла.
Не знаю, где привет своей гордыне
Ты, милая, ты, нежная, нашла...
Я крепко сплю. Мне снится плащ твой синий,
В котором ты в сырую ночь ушла...»

Да, это Блок говорил не человеку, он говорил мечте, той частице своей души, которая уходила от него навеки, уступая место действительности. Это настоящая поэзия. Это не «увековечивание пустопорожностей».

Все никак не могу послать тебе что-нибудь. Да ладно уж, приеду - почитаешь сама. Ты очень хорошо можешь читать мои мазилки. Знаешь, Яня, когда ты читала мне мои же мазилки, у меня шипало в носу и к горлу подкатывался ком - хотелось плакать. А сам я не умею их так читать, это потому что я их пою во время «родов». Очень плохо слышу самого себя.

Кончается девятое. Погода у нас средняя. Бывает мороз. Сейчас идет мелкий снег и дует легкий ветер. Остается 19 дней

зимы. Февраль идет очень быстро, я его и не замечаю. Март, конечно, будет тянуться, в нем больше дней.

Янька, черкни пару слов об Алехе.

Вот и получилось, Янька: начинал письмо 9, а кончаю уже 10, потому что сейчас час ночи. Ты, конечно, уже спишь. Вот я и пишу тебе сонной. Пусть это будет сказкой, под которую тебе будет приятно спать.

Янь, а ты сильно скучаешь без меня? Если сильно, то напиши, как именно. А я очень-очень тебя люблю, Яня. И хочу, чтоб тебе было хорошо. И... хочу... сильно... И еще всей тебя, хотя бы немного... И тогда было бы очень хорошо, совсем хорошо, но надо терпеть. И я буду терпеть, зато тогда уж все будет по-настоящему, некого будет опасаться, правда?

Ну, спи. Доброй тебе ночи, моя Яня.

Твой Мих.

10. 2. 70 г.

Напишу тебе немного, меньше будет разрыв. Сегодня я в казарме, отдыхаю. С утра - марал бумагу, дремал, читал Блока. Хотел выслать что-нибудь, но в казарме много людей....

Сжигаю книги. Осталось несколько штук: Битов, «Счастье в кредит», «Княженика», Решетов, Н. Бараташвили, Некрасов, М. Лермонтов и Загович. Может, выслать что-нибудь? Напиши. Да, у меня же еще есть «Студенческая весна»... Она-то тебе чем-нибудь, конечно, дорога. Это надо отослать.

Начну собирать нашу переписку. Придется высылать бандерошками. Письма я не все проверял. Разберемся потом. Я очень жалею, что некоторые письма погибли. Очень жаль, очень, получится пробел... Их ведь можно редактировать.

...Уже были две почты, а от тебя ничего. Я начинаю переживать. Не заболела ли? Держись.

Скоро весна. Прошло почти... - половина февраля. Погода стоит нормальная. Нет больших морозов - главное. Так я и не привык к ним, хотя прошло столько лет... Ты бы писала открытки, они меньше отнимают времени. Пиши, Яня. А то я думаю всякое. Может, конечно, письма где-то тормозят в наших джунглях. А уже кончается 11 февраля, Яня.

Обнимаю и люблю тебя. Твой Мих.

19 февраль, 70 г.

Чудеснейшая погодища: тихо, солнечно, небольшой морозец. Уходит оказия - вот и пишу... Получил книгу. Остается неделя февраля. Очень трудно идут мазилки, очень тяжело. Самое трудное - настрой, настрой на общее.

Бывай.

Подпись.

...Если сходит с дороги привыкший к бездорожью, такому незаметно и безболно. Но когда вышибут того, у которого только одна дорога... иногда ему уже не вернуться в свою колею.

Какое удивительное небо сейчас, Яня... 20 градусов, горят ночные фонари, создавая желтый ореол вокруг поселка. И электрический свет, подмешивая желтизны к сине-зеленому небу, делает его прекрасным, напоминает восточную сказку, усеянную редкими и далекими звездами.

Я получил от тебя письмо, оно шло три дня. Очень рад, что у тебя все идет хорошо. Ты пишешь о каком-то «ля-ля-ля», а я не помню свою мазилку, к которой относятся эти штуковины. А чего же, если оно плохое - то ничего и не скажешь другого.

Знаешь, я тяжело стал писать. Начну и тут же засыпаю, сказывается усталость. Ничего, отдохну потом.

...Ругай меня, люби меня,
 Превозноси,
 Низвергни в бездну,
 Пока я искоркой огня
 В безбрежье мира не исчезну.
 Пока судьба моя - «не были»...
 И сердце бьет еще рывками.
 И музыка души - не пыль,
 Спластавшаяся в мёртвый камень.

Я ведь никогда и не утверждал, что у меня все мазилки - шедевры. И все-таки я знаю: пишу прекрасно, некоторые мазилки сочтут гениальными, уверен в этом.

Поймут меня сейчас или нет, примут или отвергнут - мне мало до этого дела. Мне нужно писать и писать, писать не для того, чтобы стать известным или великим, а освободить душу и мысль для новых впечатлений и песен, не задохнуться в самом себе. В этом - весь смысл того, что я делаю, жизнь моя - свидетель. Я не крот, но и не эквилибрист. Душу мою никогда не отягчает боязнь, что умру бесследно.

Пусть жизнь моя
 Темна и нелегка,
 Пусть я сейчас для многих не потребен,
 Но убежден, что буду жить в веках
 Одной из звезд
 В печальном русском небе.

И я буду жить и писать, писать и жить. Ты только не считай, что я читаю тебе «проповедь». Я рассуждаю. Величие поэта не в том, чтобы попугивать правительство полунамеками и потешать

публику полупонятной полуправдой, а в том, чтоб, оторвавшись от мертвого груза времени, упасть лицом между тем и другим, по которому пройдет и не погибнет живая человеческая мысль. Вот так, моя милая. А «ля-ля-ля», это... когда одни оплакивают жертвы, другие празднуют свою победу.

Я бы выслал тебе что-нибудь, но нет подходящего. Да, Танька, если обо мне будут и другие думать подобным образом, то я не буду никуда показываться, буду сидеть дома и вечерами гулять. Я не смогу, чтоб люди жили со мной двойной жизнью, не хочу им навязывать это, а ходить к ним только потому, что они хорошие, веселые или грустные, умные или еще какие-то... не смогу смотреть им в глаза, отвечать и задавать вопросы. Это мы еще решим, обсудим и решим. Прогнозы строить рано, правда? Время движется к 22-му.

Сейчас 22 часа. Ты, конечно, не спишь. Может, читаешь что-то, а может, пишешь мне письмо.

Получил письмо от Нины, но ответа не послал, потому что он должен быть несколько горьковатым. Письмо ее было какое-то странное, что-то болезненное и не совсем товарищеское. И я не дал ответа. Бог с ней. Она либо разучилась понимать себя, либо ей очень тяжело в жизни. А горе - плохой подсказчик. Увидимся - поговорим.

Читал Иришкиного «Кошкина» (34). Мне понравилась эта штука. А твоя - прелесть. Положение тех студентов очень похоже на наше. Молодчина ты, молодчина.

Не скучай, остается четыре месяца и пять дней. Пиши о своих делах. А где сейчас Ириша работает? Как Володя и Таня?

Обнимаю и люблю, моя гениальная критиканша.

Твой Мишель.

21, febrial, 70 г.

Остается неделя февраля. Как быстро идут дни, как быстро... Но арба жизни ползет по ухабистому шляху времени едва-едва. Таня, корни моего сердца приросли к тебе, к твоей жизни. И ты не сможешь сделать ни одного тяжелого движения, чтоб я не чувствовал его. Я люблю тебя, Таня. И любовь моя становится ровнее, плавнее и величественнее. Это очень хорошо. Прекрасно. Я знаю, знаю, что у меня есть ты, и я уже никогда не останусь одиноким в безвоздушном пространстве мира.

Я буду работать, писать, чтоб оставить после себя еще одну ступеньку в бессмертии жизни и поэзии. В жизни многое - пройденный этап. Пройдет и то, что суждено, и что осталось. Ты не скучай и не переживай, все будет так, как должно быть. Пиши мне любые письма. Я никогда не пишу ответ сразу. Пиши. И мне бывает грустно. Мне очень понравилась «открытка грусти». А в газету... можно было бы и не писать.

Ладно. У нас очень тепло. Днем тает снег. Дует теплый ветер. Остается неделя до начала весны. Март, конечно, потянется дольше. Таня, не унывай! Я пишу. Пошлю что-нибудь в другом письме. Привет всем!

Обнимаю тебя, Танька. Твой Мих.

Письмо получилось постное. У меня пресквернейшее настроение, дичайшая апатия ко всему. Но это пройдет. Сегодня 23 февраля. Остается 5 дней месяца и четыре - до четырех месяцев (несвободы). Февраль продержался на редкость теплым, по-моему, такого еще никогда не было. Что обещает март?

Сегодня смотрел «Мятежную заставу». Показывают начало стачек в Питере. Отвратительнейшее месиво, дрянной попахивает за версту. Если это урок - гадкий подбор, если память павшим - насмешка. Показана захолустная часть Питера. Завалюхи-дома, питейные заведения. Пьянство, песни, мордобой, и стихийно, совсем стихийно - начало бунта, вылившегося (по неизвестным причинам) в политическую демонстрацию. А может, я плохо разбираюсь в этом. Да, от таких фильмов мутно.

И у нас произошла пьянка, человека ударили ножом - пробили легкое. Весь день по поселку гонялись друг за другом муж и жена - дрались. Прошло много лет. Очень многое изменилось, но в чем-то... все то же. Пьют и дерутся, дерутся и пьют, и плачутся о лучшей доли. Какая серая, сосущая под ложечкой тоска. Не видеть - невозможно, а смотреть и не замечать - ... Нет желания и дышать. Ладно. Не хочу дальше. У меня в норме. Обнимаю тебя, Танька.

Твой Мих.

24. 2. 70 г.

Кто же это тебя ахнул... в душу-то. Кому и в чем ты там признавалась? Нет, у тебя все-таки страшная манера писать: что там произошло - гадай сам. Так нельзя, Таня, я ведь буду думать черт знает что. Пробовал перечитывать старые письма, но они ничего вразумительного не дали. Одним словом - жду обстоятельного ответа. А распускать «нюни» - торопиться с исповедью к тем, кого ты совершенно не знаешь - дерзкая глупость. Я, конечно, сам иногда люблю идеализировать, но нужно это стараться делать так, чтоб потом не навлекать на свою голову ненужных раскаяний.

Сейчас смотрел «Гулящую», Папаса Мирного. До чего нудно все. Книга его - хорошая вещь. Но если нет возможности показать, как нужно, то какой же смысл показывать гадость. Да, больше всего я ненавижу этих сволочей, заигрывающих с кем-то во что-то, во что-то до того смутное, что сам сатана ногу сломит. Мерзавцы, подлецы, спекулятивная бездарь. Об Алексе больше не пиши. Моя просьба... - старая болезнь, старая память. Откровенно говоря - во мне еще очень глубоко сидит усталость от людей, от их дел. И очень много нужно сделать - пропасть сколько. Я послал тебе

паршивое письмишко, так уж извини. Устаю, очень сильно устаю. И Бабанову ты написала зря. Нужно советоваться, Тань, ты же не одна. Не пытаюсь говорить о впадении Волги в Каспийское море, но можно было обойтись. Ладно. Я тебе писал о Н. Бараташвили, а Баратынского у меня нет. А письма... пусть лежат, посмотрим. Потом переберем. Надо, конечно, было писать иначе... Верить людям можно и нужно, но я тебя не призываю говорить правду; не желаешь лгать - молчи. Другого, конечно, я и сам не вижу.

Я не вижу, я не вижу
 Лампадами тлеющих окон.
 Болью, болью втекают мне в уши
 Молчаливые вопли
 Оставшихся где-то за мной.
 И в себя не уйти:
 И в себе для себя одиноко,
 Как на этой планете,
 Зараженной жизнью земной.

Но надо жить, надо жить Странно, нет, это уже совсем нормально: мне часто думается о скорой смерти, которой я нисколько не желаю. Ерунда какая-то, но под ложечкой холодит. Ну, будь. Начал за здоровье, а кончаю - и самому тошно. Привет всем!

Обнимаю. Твой Мих.

24. 2. 70 г.

25. 2. 70 г.

Не порождай, не порождай сомнений,
 Не жги в душе кочующий огонь.
 Он жжет печаль, но, может вместе с нею
 Сжечь все, что есть, до пепла под ногой.

Сегодня уже 25. Ты знаешь, твое письмо от 22 февраля как-то меня беспокоило, чем-то тревожным повеяло. Не могу сделать точного определения, но... будет звучать так: «Мне так плохо, Мишка, плохо потому, что тебя нет рядом. Расстояние притупляет чувства. Я не уверена в тебе. И еще... еще я должна сделать... выбор - ты или Он, о котором ты не знаешь, но он есть и есть ты, и я не могу выбрать.»

Вот так я определил бы. Оно, конечно, надумано мной, но, Яня, вполне может быть большая доля «моей» правды. Даже если и так, ты должна писать об этом, это уже большое и сложное дело. А может, кто-то плохо высказался в мой адрес? Что поделатъ, нужно ожидать... Если так, можно воспользоваться стейнбековским подходом: одолевают сомнения - ты заблуждаешься, делаешь грех. Мы живем в век инфляций: долг, честь, разум - относительные категории, они обесценены. Только дух един, недосыгаем и неподвластен распаду. Борьба духа и разума. Разумом человек ничтожен, духом -

бог. Вечно непримиримое несоответствие желаний и поступков. Под божеской одеждой скрывается рабья суть. Я уже запорол куда-то в сторону.

Это я не для тебя, Яня. Я рассуждаю. Не могу полностью отрешиться от сует, Яня, потому и пишу тебе дикие письма, а нужно писать другие, которые помогали бы в жизни, делая ее менее кочковатой. Я хочу писать тебе о своей любви, хочу сказать добрые и нежные слова, но они застывают, сохнут, тускнеют под пером, как эти чернила, стоит мне вспомнить о силах, которые правят миром. Ты можешь понять меня наоборот, как это модно сейчас. А я боюсь этого. Не хочу растревлять, не хочу и не имею права травмировать тебя.

Выбирай из писем только то, что приятно, помогает.

Жизнь - это книги, много книг.
 В них все о нас - что даже снится.
 И мы порой, читая их,
 Нещадно пачкаем страницы.
 И все спешат, и все хотят
 Узнать - что там в конце, быть может...
 Но жаль, что до конца прочтя,
 В сторонку это не отложишь.
 О да, оно не на виду,
 Пускай тускнеет и пылится.
 Но ведь они - на полках душ,
 У нас в глазах,
 На наших лицах.

Потом доделаю, уже поздно.

Танюша, а уже три часа. Глубокая ночь. Я пишу и думаю о тебе, Танька... Танька... моя милая, Таня. Я думаю о тебе очень хорошо, чисто и честно, как-то по-детски. И от этих дум очень хорошо на душе, так хорошо, что кажется, ничего плохого и грязного в жизни не было, не было этой ямы, уродующей душу и разум. Я хотел бы погладить тебя сейчас по голове, щекам, по груди, бедрам, всю-всю обнять и не отрываться.
 Твой, Мих.

Благодарю за поздравление. А ты точно угадала - открытку я получил 28 февраля. Да, я вспомнил, Яня, не пиши мне писем, философия которых мне совершенно чужда: Грековы, Париж и пр. Грековы, их жизнь мне интересны, но остальное... Уж слишком быстро ты впитываешь все, и поэтому письма, их дух - диссонирует навязчиво. Однажды я писал тебе: терпеть не могу дураков, любых. Лучше иметь дело с умным негодяем, чем с честным дурнем. А относительно «слюнтяйства» - ты не уловила сути. Я и не

имел в виду Р., я подразумевал Землю. И утешаться не люблю. Самоутешаться можно всем. Человек всегда (уступая) находит источник самоутешения, но это не смысл, не цель жизни человеческой, нет. Это трусость, трусость и под ноги гляденье, недалекость, рай земной - в отличие от небесного. Этого даже мечтами назвать нельзя, потому что ни у одного поколения они не сбывались. А утешаться тем, что... половина, что самое трудное сделано - фаль-шив-ка, фаль-ши-воч-ка даже, самонадувательство. Это уводит от поиска в дикую дремучесть, превращает человека любого времени в дикаря, принадлежность которого к любой из цивилизаций определяется побрякушками.

Как, чем живут люди? Когда нам больше нечего черпать из прошлого, мы устремлены к будущему; в будущем нет - опять в прошлое, очищать подошвы от настоящего. Вот почему грустно. Будущее есть, но оно и принадлежит самому будущему, а не настоящему, нечего самообъегориваться. А потом, потом... ха-ха-ха, люди же боятся этого будущего, Яня, боятся. Вот ты, ты боишься самого ближайшего своего будущего. Вот так.

Только боязнь будущего определяет прозябание человека в настоящем. Люди желают не будущего, а боятся потерять то, что имеют. Страх. И вот, когда все это понимаешь, становится просто стыдно за болтовню... Стыдно, гадко, горько и тоскливо.

Ладно, Янька, ладно. Я не хочу больше об этом. Ничего, милая, ничего, ведь это письмо я пишу уже весной.

А у нас еще никаких признаков весны. Продолжается февраль, тихий, теплый февраль, с утренними морозцами. Читал мартовский прогноз. Должно быть тепло, как и в феврале. В этом месяце начну перетряхивать бумаги. «Эти книжицы» я, конечно, вышлю. Книги - как добросердечные, но наивные люди. И дружить долго нельзя, и расставаться жалко. А письма я обязательно вышлю.

Да, ты только не думай, что я поучаю тебя своим косномыслием. Я люблю тебя такой, какая ты есть. Я даже что-то намазал по этому поводу...

Все глубже в душу боль немая,
 Все глубже и неотвержимей.
 Мгновенья лишь непониманий
 Нас делают почти чужими.

Дальше не помню. Вышлю. Прочтешь. Кое-что намазал. Испортил 36 листов красной тетради. По-моему, в ней есть и удачные штуковины. Обнять бы тебя сейчас и помолчать. Ты ведь знаешь, что я люблю тебя, Танька. Но приходится воздерживаться. Сорока. Сорока... Будь умницей. Живи. Мы еще «дадим дрозда». Скоро у тебя опять будет много работы. Ничего, витийствуй.

Люблю и люблю тебя, Таня, милая... Скорей бы весна. Привет всем! Твой Мих.

1. 3. 70 г.

Сегодня у нас уже было тепло. Утром мороз есть, а среди дня - тепло. Я получил деньги. Яня, а почему ты тротуар написала через два «т»? Так только французы пишут. Видать, замечталась. Я много писать не буду.

Что-то не идет письмо. Устал над мазилками. Хотел заняться «подбором книг и писем», но и это отложил. Потом. Вообще-то, конечно, в апреле уже не будет дорог, но они будут в июне... Целый месяц в моем распоряжении. Успею.

Была почта, я получил извещение, а письма от тебя не было. Завтра опять будет почта. Вот я и пишу, чтоб письмо ушло. Все веселей будет тебе. Ну, Янька, не обижайся, я еще напишу - не хочу мрачно. Пусть пройдет «туча».

Обнимаю и люблю тебя, Таня. Мих.

4, март, 70 г.

6. 3. 70 г.

Ты не знаешь ничего о книге «Время по Гринвичу и по существу»? А кто же ее тогда высылал? Странно. Ее пишет Мэлори Стуруа, международник. Какое-то время жил в Англии. Написано хорошим слогом, сочным языком. Почему же я считал, что выслала ты?

Да, у тебя дикая интуиция. Я хворал, давление было 170х95. Сейчас сошло. Если ты сумеешь что-либо достать от гипертонии, вышли. И, Яня, не строй своих предположений. Или не пиши о них. Это только усугубляет мое положение. Точка. Договорились.

Да, прояснилась тайна этой книги. Ее купил Юрка «Копченый». И решили меня разыграть. Вот такое дело. С 4 на 5 марта резко менялась погода: было тепло, таяло. Вероятно, это и вызвало мою болезнь. Ничего, пройдет. А март-то, март пошел. Сегодня уже шестое. Пишу вечером. На улице небольшой морозец. Это лучше. Да, происходящее с Ниной - грустно. Ходите к ней, поддерживайте. Ей приятно будет. Пусть, конечно, не залежится.

Идет весна. Ладно, Танька. Потом напишу еще. Устал. Очень тяжелая голова. Бросил «пить чай». Пока не пишу. Надо немного отдохнуть. Привет всем!

Обнимаю тебя, Тебя. Твой Мих.

Телеграмма

ПОЗДРАВЛЯЮ ВАС МАМУ ТЕБЯ 8 МАРТА МИХАИЛ

Попробую что-нибудь писать: сегодня идет почта. О чем же? Специальной темы нет...

Настроение неопределенное, творческого вдохновения нет. Сегодня 10 марта. С утра стоит морозец. Днем будет подтаивать. Дни идут очень медленно. Ничего не читаю, не пишу. Приезжала к нам врач. Ходил к ней. Проверила. Поздравила меня с гипертонией и стенокардией. Посоветовала лечиться. О гипертонии я знал.

Угнетает ли? Нет. Просто пришла в душу длинная, бесконечная грусть, но появилось просветление, какого я еще не испытывал. Я не стал расспрашивать ее о подробностях - можно ли писать и пр. Но если бы она и запретила, я все равно стал бы делать по-своему. Серьезного в этом нет. Лет сорок еще проживу, а там - однообразие заглохнет... Головные боли мешают сейчас писать, но это пройдет, перетрется. Пора менять «климат».

Как у тебя? Сейчас у тебя много работы. Как-нибудь справляйся...

Погодища у нас изумительнейшая. Тихо. В небе и на земле - сплошное солнце, очень много его, даже глазам больно. Но настоящей весны еще нет. Наверное, в апреле появится.

Ладно, Танька, потом еще напишу. Привет всем! Обнимаю и люблю тебя.

Твой гипертоса.
10. 3. 70 г.

Уходит оказия - наскоро набрасываю несколько строк.

Сегодня четверг. Было две почты, но я ничего не получил, подожду. Ничего не пишу, голова тупеет... Уже почти не болею.

Танька, а у нас упал самолет. Сегодня! Пошли его искать. И это после того, как прошли почти сутки. Если бы сразу приняли меры - может, кому-то оказали бы своевременную помощь. Да. О чем еще написать? У меня нет ориентира. Пишу просто так. Получу от тебя, тогда видно будет. Вообще-то, мы уже почти обо всем переговорили. Остается только реализовать планы.

От нас уходят «старенькие». Приходят новые люди. Они похожи и не похожи на нас: легче мыслят, проще живут. Может, и нам нужно бы вот так, да ничего не выходит. Иллюзий у нас нет. Среди поселенцев ходят разговоры о том, что к юбилею (22 апреля - 100 лет со дня рождения В.И. Ленина) должны что-то сделать для нас... Но это - разговоры.

Как Нина? Все в больнице или выписалась? Да, что у нее болит, опиши подробнее. Пойдешь к ней, передай привет.

У нас стоят солнечные дни, по ночам видно сияние. Большая активность солнца. Поэтому у меня и болит голова. Соскучился я

по тебе джуде, так соскучился, что и сравнения не могу привести. Хотя бы час, один только час побыть вместе.

А весна идет так медленно.

Льну к тебе, Танька.

Твой Мих.

12.3.70 г.

Нет, Татьяна, кое-где ты не так меня понимаешь. Я болею и бодрюсь, бодрюсь и болею. Поэтому письма получаются такие... Против Грековых я ничего не имею. Я сказал, что против подобной философии... против того, что ничего нельзя принимать слету.

В человеке (каждом) есть нечто, есть тайна, даже не тайна, есть что-то непонятое им самим, закрытое для всех. И нельзя истину, которая и для него самого еще не истина, предлагать всем. Можно умиляться и негодовать, возмущаться и возносить, судить и миловать и... ошибаться. Вот оно как. Я не только о Грековых - о людях, всех. Двумя законами живет человек: законом общества и - сердца, совести, души. А эти законы не всегда живут в мире друг с другом. Вот в таком разрезе.

А за «ля-ля-ля» я несколько не обижаюсь. Просто я писал об этом «на большую голову». Я тоже немного паникнул... А потом - все в руках единого и великого закона!

Будет только то, чему быть - неизбежно. Все в руках судьбы. А о моих отношениях к людям... Моя любовь к ним столь велика и горяча, столько лет грела мою привязанность к ним, что превратилась в пламя, справиться с которым я уже не могу. Оно сожгло первоначальное, оставив только слой пепла, над которым едва-едва тлеет огонек, и хватает его только на то, чтобы любить тебя и грустить о своей давней мечте, становящейся иллюзией.

Нельзя себя обманывать, Таня. А если я и сейчас буду продолжать кричать «о той же любви» - буду лгать и себе, и другим. Нет, я больше не люблю так, как это было когда-то. Но и не хочу, не могу скрывать этого, потому что кроме любви и ненависти, есть еще грустная боль или больная грусть от великой утраты любви к людям. Моя девочка, душой я еще продолжаю брести по заросшей и пустой дороге, идущей через мертвые города и села, но разум, этот жестокий и беспощадный палач моей жизни, мой разум навеки приковал меня к холодному столбу одиночества. И эти оковы не тяготят меня. О, что такое их тяжесть?! Теперь я несу их с благоговением, в тайниках души своей неустанно творя им молитву. Страшно это? Нет. Нет. Я не одинок на этой дороге. Во мгле всех времен я вижу блуждающие души, которые встречаются, идут рядом. Но никогда-никогда не сливаются в одну, потому что слияние их - гибель, катастрофа.

Как отвратительно идет почта, боже мой! Я получил одновременно пять открыток и три письма! Вот сукины сыны. А я было начал переживать: от тебя нет и нет ничего. И вдруг - 8 штук!

Кончается 14 марта. Сейчас около 24 часов. Ну вот, началось 15-е. Я целых два дня писал это письмо! Скорей бы шла настоящая весна.

Люблю и обнимаю тебя, сильно-сильно! Мих.

Да какой тут может быть рак, Танька? Весна. Меняется температура. Весной все болезни дают о себе знать. И в прошлом году... так же. А время - да, идет медленно, тягуче. Но все-таки идет.

Сегодня уже 15, а с 17 марта мне остается 100 дней! Пройдут. Скорей бы уж тепло.

Таня, ты подбери там какие-нибудь детективы, буду убивать время. А потом сожгу. А книги я все сожгу. Оставляю Нинку, Решетова, «Студентов». Найдем. Стоит ли из-за этого хлопотать, верно? Да и возиться с ними - ...

Отправлю бандеролями письма, кое-что из тряпок, а то, что никуда не годится - сожгу.

Нет, почему же, пиши, пиши о Лермонтове - хорошо. Мне нравится. Только не думай обо мне мрачно - в письмах. Ты настолько приросла ко мне, что твои ахи и охи я принимаю как свои собственные предположения. Не надо этого. Оно не помогает, ничего не дает. Твои переживания обо мне? Я знаю, знаю их, Танька, милая. Договорились.

В предыдущем письме я упомянул о самолете. Так переживал, что и сам не знаю. Я ходил и всех спрашивал о самолетах: какой марки, сколько крыльев и пр. Вбил себе в башку, что на нем могла быть ты... И стало страшно. Пошли тяжелые и нудные думы о своей жизни, о ее тщете... Даже хотел послать тебе телеграмму, чтоб убедиться в том, что у тебя все хорошо, что ты живешь и попрежнему киснешь в своей «конторе». Вот такая штукавина лезла в башку. Слава богу, что мои терзания - большой бред.

«Писать» пока не буду. Ты права - еще будет время. Да. А к нам везут такие дрянные фильмы, что лучше и не ходить.

Правда, бывают исключения... Смотрел японских «Восставших». Что сказать о нем? Смотрится ненавязчиво, уже хорошо. А возьми Америку и наших. Там - кольты, сомбреро, мустанги, боевики; у нас - борьба за торжество и справедливость. Все подключено к гигантским приводам политики. До того эти киношки перенапичканы идеями, что хуже всякой безыдейности, это как бездонные конические стаканчики, вставленные друг в друга...

Янь, а вышли что-нибудь про шпионов?

Да, я писал тебе о лекарствах - ничего не надо. Резерпин мне дают. А что ты можешь достать? Приеду, побачим.

Люблю и обнимаю.

Твой Мих.

Твои письма дико задерживаются в пути. Получаю пачками. Теряю общий смысл. Да, а твой костоправ прав: гипертоний несколько. Точнее, гипертония-то одна, а причин, порождающих ее, много. Это может быть от болезни почек, ангины, нервного расстройства... Нужно менять климат. «Капики» я покупаю. Назначены они врачом. Вот так.

Кажется, у нас начинается весна. А сегодня уже 21.3. Ночью мороза не было. Вовсю звенела капель. Дни стоят пасмурные, солнца нет, но снег убывает, чернеет, оседает. Вот ведь какая штукачина: гонишь время, а позови - не придет.

Ладно. Пиши сама больше.

Обнимаю и люблю, твой Мих. Сопин.

Привет всем!

21. 3. 70 г.

У нас идет мокрый снег. Дует южный ветер. Сегодня не пойду гулять. Напишу тебе письмо, а потом отыщу что-нибудь почитать.

Вчера смотрел фильм о Баумане. В нем же уделено некоторое место Савве Морозову. Я смотрел, слушал их рассуждения... И все горше становилось на душе, потому что в тех разговорах не было жизни. Один мечтал построить общество, в котором всё и все равны. Другой - пессимист, не верил никому и ничему. Подошёл к тому моменту, когда за каждой истиной - плесень, за каждой целью - пустота. И кончается их беседа одинаково - смерть. Одного убил московский извозчик, другой - сам себя. Вот цена исканий и страданий человеческих. Вот и получается, что богатство только тогда что-то значит, когда оно сосредоточено в одних руках, а мечта - когда ей не дано сбыться. Иначе... Все становится серым и пустым. Да.

24, март, 70 г.

Как Нина? Значит, ей предлагают операцию? Что ж, надо делать. Я пробовал считать болезни, которые излечивают наши зубодеры, но насчитал... А ну их к черту. Читал ваши рассуждения в «Молодом человеке» 69 г. Так это из-за них ты тогда уехала раньше?

Ничего, как бы оно там ни было, но это нужно. Там есть стихи Наташи и Решетова. Трудно судить, но Наташка будет писать. Решетов пишет заезженно, устало, вроде старается доказать, что он еще может.

Люблю и обнимаю тебя.

М. Сопин.

Собирался писать тебе 25-го, а пишу 26-го. Уже 25 минут первого. Да и не было возможности: то был занят работой, то шуму

много в казарме. Сейчас ночь. На улице мороз. Небо чистое, видны звезды.

Вот и кончается март. Это письмо ты получишь уже в апреле, а может, в конце этого месяца. 27 мне остается 90 дней. Ничего. Апрель пойдет веселее: станет теплее, побегут ручьи. Автомобильные дороги уже растаяли. Почту будет возить вертолет. Письма будут брать редко. Но ты все равно пиши. Я тоже буду писать, чтоб к каждому «почтовому дню» было готовое письмо. К 20 апреля - говорят - пойдут суда по Каме. Это намного упростит дело.

Не горюй, Таня, что-то не получается письмо. Хочу спать. Уже половина второго. Лучше я потом еще нацарапаю. Не обижайся.

Твой Мих, Сопин.
26, март, 70 г.

28, март, 70 г.

Разменял еще один месяц. Высылать мне ничего не надо. К нам прислали новую эскулапиху. Это хорошо. Спокойнее будет на душе.

Остается три дня этого месяца, а у нас еще зима. Да, март здесь - не весна. Зима длиннее на целых полтора месяца. Да, а относительно знакомств - «я буду посмотреть». Почему? Я очень хорошо разбираюсь в людях, не только в тех, которые окружали меня 15 лет, а вообще. Ведь среди этого окружения были и другие, которые ближе к вам или дальше от нас, хотя я и принадлежу только себе.

Мои мучения, страдания - несправедливость людей, избравших такой дикий метод наказания. Поэтому я, как Христос, могу приближать и отдалять сам. Я имею на это право, и оно священно для меня. Я хочу упиться свободой и святой независимостью от себя прежнего: не хочу паясничать, лгать, лицемерить, институировать других, заставлять их испытывать неловкость, отвращение ко мне и к себе. Поэтому будем осторожны. Ведь если я познакомлюсь, а потом начну избегать их, то такие отношения - пустейшая и гадкая ложь.

Янька, а почему ты так мало пишешь о своем житье-бытье? Занята любимой работой? Пиши. Поблагодари Нину за письмо. Докажи ей, что операции бояться не нужно. Я сейчас очень много хожу по улице, гуляю. Не пишу. Мне необходим длительный отдых. Обнимаю, твой Мих.

Извини, Янька, совсем заболтался, а время уже 11. Сегодня пойдет почта. Прошлый раз почты не было, нечем было везти. У нас весна настоящая. Тепло. Бегут ручьи. В поселке снегу мало. Еще неделя - и будет сухо. Прилетели грачи и скворцы. Время идет ходко. Я весь день провожу на улице. Порядочно загорела обра-

зина. А в лесу еще снег лежит. И полностью загорать нельзя, постоянный холодный ветерок. Автодороги размыло. Почту возят вертолетами. А как у вас? Вы ведь много юго-восточнее нас, должно быть теплее.

Начал читать Брет Гарта, да что-то тяжеловато дается. Может, в начале так. Хотелось бы прочесть хорошую книгу стихов, да где взять ее? А «Гайдамаков» не высылай. Приеду, прочтем вместе. Куда она денется. Меньше мне хлопот будет. В мае все начну приводить в порядок, к отправке. Житейских новостей у меня нет. Пока не пишу. Гоняю лодыря. Ничего, надо же и отдохнуть, правда? Вот Библию отправил зря. Надо было оставить ее, привез бы с собой.

Ну ладно. Как твоё здоровье, Таня? Как там дома все? Обнимаю, скучаю, люблю и хочу тебя, Танька.

Твой, Мих Сопин.

2 апреля, 70 г.

Вот уже и март прошел, а до нас никак не может добраться настоящая весна. Днем отпускает, но по вечерам стоят такие заморозки, что очень много простудившихся. Простыл, конечно, и я. Болит глотка, насморк, болит голова. Все болит. Говорят, от гипертонии помогают лимоны. Если у тебя есть возможность, вышли бандерошкой.

Как нудно идет время. Я ничего не пишу, не читаю. Посоветовали больше быть на свежем воздухе. Хожу, гуляю. Был в лесу. Добрался аж до того места, где ели смородину. Это, конечно, далеко, по снегу туда не дойти, но сейчас он очень твердый, слежавшийся - наст. Как белый асфальт. Вот я и блукал. Идешь и не проваливаешься. А днем отпускает, можно провалиться.

«День, ночь, день, ночь - мы идем по Африке». (35). День, ночь, день, ночь, все по белой Африке. И только снег, снег, снег... Всюду, всюду белый снег. Боже мой, как надоела зима! Как я устал смотреть на мертвый снег! Скорей бы ручьи. Попускать кораблики, все веселей было бы на душе. Да, эти последние месяцы выматывают всю душу. Надо было бы радоваться, а сил нет. А тут еще сон пропал. Не могу спать. Ем снотворное. Ничего, это еще не конец. Надо жить.

Я сильно износился с писаниной. Истоцилась нервная система. Придется начинать работать на пилюли. Смешно и грустно.

Ладно. Пиши о себе. Привет всем.

Твой Мих. 31, март, 70.

Книги получил, благодарю. Читать пока не начинал. Дочитываю тут одну муру. Ничего, буду читать это, а ты, может, что-нибудь еще подберешь.

Смотрел «Большой приз». Поставлен французами. Понравился. Во-первых, оформлен преотличнейше. Блестящая смысловая нагрузка - во-вторых. Да, мы можем казаться дикарями для европейцев, потому что мыслить неофициально (как они) начнем еще неизвестно когда. В этом фильме я услышал ряд вопросов, какие задаю самому себе, но не нахожу ответа. Идеология, которая под угрозой анафемы запрещает поиск, но и сама ничего не дает, никуда не ведет... Боже, как не хочется умирать, зная, что существуют на земле твои единомышленники, как грустно жить среди «богоискателей», цепляющихся за тебя, чтобы стянуть в могилу. Хочу забыть, хочу не думать об этом, но не могу - не дает национальная гордость и отсталость.

Обещают большое тепло, а пока по утрам злющие морозы. Слабые, слабые признаки весны. И все-таки скоро кончится зима. У вас уже тепло, конечно.

А мне остается уже меньше трех месяцев. Как твои дела? Какие новости? Пиши. Привет всем! Твой Мих.

.....

Наконец-то, наконец-то и до нас добралась весна. Два дня уже настоящие весенние: тепло, южный ветер. А сегодня ночью был дождь. По дороге бегут уже не змейки поземки, а ручьи, маленькие ручейки. Уходило бы из человеческой жизни все плохое и стылое, как вот эти ручейки, хотя бы один раз в год, как бы было хорошо. Жизнь стала бы осмысленной. А мы живем какими-то эрзацами иллюзий. И чем несбыточнее иллюзии, чем призрачнее цель, тем упорнее мы ползем туда... Это считается хорошим тоном, а значит, все иное - плохой тон. Почему же цель жизни, вера так недостижима, малопонятны, что превращаются в грустную утопию либо в теологические трюки... извини, Таня, разогнался я со своей проповедью.

Что писать о себе? Хожу на работу, но не пишу вирши. Толкаю дни - как сквозь зубы дым. Сегодня уже 4 апреля. На улице солнце. Вот допишу и пойду дышать свежим воздухом. Получил письмо - с подписью на конверте - и деньги сразу получил. Большое спасибо. Привет! Обнимаю и люблю тебя.

Твой Мих.

9. 4. 70 г.

Сегодня суббота, 11 апреля, а вчера я получил лимоны. Большое-большое спасибо! Сейчас пришел с работы, пишу. Сегодня пойдет оказия. Надо торопиться. Погода у нас испортилась начисто. Пошли дожди. А сейчас дует северный ветер, летит мелкий снег, слегка приморозило. Занудная погодища, холодно. Ничего, пройдет.

Ты предлагаешь мне чем-нибудь заняться. А чем? Если бы, конечно, подобрать что-либо, но что? Читается без охоты. Состояние дрянное. Ну ничего, я начинаю свыкаться с обстоятельствами. Время не пойдет от этого быстрее. Да, ты права - последние месяцы - кошмар. Однако... прошло уже десять дней апреля. В поселке снег почти сошел, но в лесу еще лежит весь, плохо прогреваемый. Снотворное уже не ем. Ну его. Буду есть лимоны, от них больше толку.

Брожу сейчас, брожу целыми днями, дышу свежим воздухом - говорят, полезно. Все думы выются вокруг тебя и нашего будущего.

Говорят, что милиция не разрешает отдыхать месяц. На месте будет виднее. А какие дела у тебя? У тебя тоже ведь иное состояние, а? Ничего, ничего, не волнуйся, все будет как будет. Теперь хоть не так нудно - снегу меньше. Подсохнет, можно будет поблукать.

Как дома? Привет всем!

Обнимаю и хочу тебя до изжоги!

Твой, Мих.

11.4. 70 г.

Сегодня вторник, 14 апреля. Половина месяца... Должна идти почта. Хотел писать на работе, но в таком случае письмо опоздает на день. А сейчас я свободен.

Утро, начало десятого. Тепло. Солнца нет. Пасмурный и серый, нудный день. Солнца вообще-то нет уже несколько дней. Два дня назад валил снег и дул северный ветер. Потом пошел дождь. Снег раскис. Серость и нудьга. Прилетели скворцы, но они, как водится, не принесли с собой настоящей весны. А может, она будет вся такая... Снегу мало, но вода уходит незаметно, мало воды... для такой снежной зимы. Мне-то не нужен ни снег, ни вода, ни все остальное. Свыкаюсь с тем, что остается два с лишним месяца. Очень трудно, но свыкаюсь. Надо.

Самое главное, конечно, не болеть. Читаю Брет Гарта. Начинаю входить во вкус. Скоро буду пробовать писать, тогда и время пошло бы скорее. Но надо и отдохнуть. Я сильно износился. Только в этом году почувствовал это, дикую усталость. Но сознание того, что отдых будет и очень большой, заставляет жить, рождает желание поработать.

Все мои раздумья - вокруг тебя, о тебе. Очень хочу тебя, Таня. Но подожду, ничего со мной не случится. Обнимаю крепко-крепко.

Твой, Мих.

14. 4. 70.

21, апрель.

А у нас 20 градусов мороза. Вот здорово, правда? Дикая холодина. Пронизывающий насквозь северный ветер дует неу-

молимо вот уже несколько дней. Какой-то кошмар. Многие простыли. Простыл и я, конечно. Меня-то это не обойдет.

Получил две твоих открытки: «любимую» и другую. Очень хорошая, очень вечная картинка. Такие я люблю.

Вчера радио объявляло лауреатов премий... Да, все делается так, чтобы не обойти никого. А чем же определяется вершина творчества? Это я просто так, я знаю все это, эти определения.

Ничем мне не помочь. Душа изнемогла. Россия - это ночь. Идея - это мгла. Все заживо гнием - пророк ли, бог, кумир... Проклятый этот мир. И проклят каждый в нем. У друга и врага я мысли прочитал и вижу: в их руках мертва моя мечта.

Это мои раздумья. Они никогда не покидают меня, никогда.

Я бы еще писал, но, Яня, уже 11 часов. Надо нести письмо. Ты не огорчайся, что я так мало пишу. Милая, милая, милая... Я поберегу слова для встречи. Привет всем! Твой, Михлоша.

Почему же ты пишешь не то? Я должен знать твоё положение.

У нас сильные ветры, дует и дует юго-запад, хоть падай. До этого был северный ветер, холодина, несло и несло снег, настоящая зима. А уж 18 апреля. Так и весна кончится.

Буквально проглотил «целаканта!» (36). Никогда не ожидал, не мог и думать, что о рыбе можно написать так изумительно, сочно и просто. Вот у кого надо учиться литературным марателям. А то понастрочат такого, что просто хоть нос затыкай. И тема, конечно, занята. Это очень интересно, а особенно - палеонтология. Такое я читал бы «запоем». Только у нас что-то мало таких книг.

Как я соскучился, как соскучился по тебе, Танька. Нет слов, которые могли бы передать мое состояние. Утешает только, что осталось два месяца. Некоторые ведут себя проще, но я не могу. Я начал переживать рано, слишком рано. Казалось бы, все... за столько лет должно было притупиться, отболеть, но - увы... Все доброе - в прошлом, а настоящее так ничтожно. Ладно, Танька, не буду себя мучить. Длинные письма не получают. Буду писать маленькие, но чаще. Сейчас почту доставляет вертолет. Он прилетает три раза в неделю, письма будут реже - может быть.

Пиши, чтоб мне меньше приходилось мыкать скуку. Люблю. Твой, Мих.

18. 4. 70 г.

Я все получил.

Какое дивное зрелище наблюдал... Ночь. Большая и низкая луна, прямо в вершине деревьев. И на фоне золотистого диска - метелочка золотая, вершинка ели. От легкого дуновения ветра вершинка качалась и, переливаясь, сияла золотыми искрами. Прекрасно! Такое я вижу впервые. Будь!

23.5. 70 г. Я.

Получил от Василия. Тебе - «привет». Он в Москве. Ничего не пишет. Никого не любит. «Не сотвори в душе кумира» - его священная заповедь. Странно: на письме дата - 4. 5. 70, а штемпель - 21. 5. 70. Что они там делают? Где могло «плавать» письмо до этого? (37)

Будь! Мих.

Я пошлю тебе еще два письма. У нас тепло. Отправил пять бандеролек. Надо еще тряпки. В последнем письме сообщу об отъезде. Не волнуйся. Все будет ладно. Сейчас иду на работу. Пока!
6 июня 70 г.

Очень тронут вашими заботами. Даже грустно как-то... что меня так ждут. Грустно и приятно.

Погода у нас отвратительнейшая. Ветер, дождь. Ничего, уже скоро... Пошлю тебе еще одно письмо, а там...!

13.6.70.

Попробую добраться самолетом. И постараюсь дать телеграмму из Чердыни или Соликамска, но этот вопрос я еще окончательно не решил. Жди, я сообщу.

20 июня 1970 г. Ми. Сопин.

30.6. 70.

Вчера, 29, мне весь день носили твои письма. Их кто-то привез раньше, чем пришла почта. И носили по одному. Несколько дней у нас стояла хорошая погода, но сейчас испортилась, шельма. Холодина. Северный ветер. Лето, видать, дрянное будет. Прочитал «Этот миндальный запах». Ее пишет Ю. Давыдов, канд. ист. наук. Написана хорошо, занятно. Она рассказывает о действиях «боевиков» Савинкова и большевиках, готовивших восстание. Занятная книженция, но старая. Ничего мне не высылай. А относительно «затруднений...» Ничего странного, что-нибудь изобретем, мы ведь приличные пройдохи.

Ладно, бывай! Твой Мих.Сопин.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В СТРАНЕ КУНГУРЯТИИ

Эти очерки создавались весной 1968 года во время нашей совместной с Геннадием Дерингом командировки в Кунгур. Тогда Деринг был заведующим идеологическим отделом газеты Пермского обкома ВЛКСМ «Молодая гвардия», а я - литсотрудником. Нужно было подготовить материал навстречу 50-летию комсомола. Акция была дутой, материал получался плохо. Мы ходили по улицам и ругались, а потом... В сердцах Гена произнес несколько фраз о тупых кунгурах, после чего я стала задавать вопросы, уточняя разные стороны их нравов, а он отвечал, или мы искали эти ответы вместе. Диалог перешел в увлекательную игру, а командировка сразу стала веселой. Потом я не раз вспоминала страну Кунгурятию в разных жизненных ситуациях, использовала эти образы в переписке с Михаилом.

Мне казалось, что из этого можно сделать книжку, и признавая в фантазиях несомненное лидерство Гены, однажды вышла к нему с таким предложением. Но он отнесся вяло. Возможно, остыл. Тогда это могло быть политически не безобидно. Напомню, что изобреталась «Страна Кунгурятия» во времена отступления «хрущевской оттепели». Без малого два десятка лет оставалось до того, как прозвучит песня Виктора Цоя «Мы требуем перемен». Но в воздухе это уже витало!

А я кое-что записала... И вот, встретив в переписке с Михаилом упоминания о кунгурах, решила, слегка подредактировав, предать эти записи огласке.

Добавлю, что к уважаемым жителям уральского города Кунгур это не имело и не имеет никакого отношения. Но термин остался... Как говорится, «из песни слова не выкинешь».

Внешний вид, обычаи, нравы

Страну Кунгурятию надо искать во времени. Географическое положение неважно. Ее время - конец шестидесятых двадцатого столетия, а может, и не только.

Кунгуры похожи на человека, но повыше ростом. Очень медлительны. Их тело покрыто густой шерстью, а голова бритая. В шерсти водится всякое-превсякое. Поэтому излюбленное занятие кунгуров - сидеть по обочинам дорог и скрестись (чесаться). Сидеть они могут очень подолгу, иногда даже птичка на голову сядет, пощечет, оправится - не замечают. При этом слышится неясное бормотанье. Это они жалуются - канючат. Однако есть момент, когда они могут проявить резвость. Кунгуры совершенно нетерпимы к движущимся предметам - немедленно кидаются, чтобы остановить, придавить, вмять.

Больше всего на свете они любят брить. Бреют свои головы, все горы вокруг выбриты, на улицах вместо деревьев столбы. Иногда даже специально отращивают на полянке траву, чтобы устроить себе или близким праздник - выбрить. Так дети могут поздравлять родителей, а сослуживцы - юбиляра.

Живут они в громоздких и прочных домах. Большой частью все дома не достроены, вместо окон - дырки. Заходя в дом или в дырку, кунгур обязательно заваливает вход камнем или хотя бы загребаёт щепоткой щебня. Они очень любят все запирать. Неважно, крепок ли замок - лишь бы он был... Так отверстий становится все меньше, и иногда кунгуры могут погибнуть, задохнувшись, всем семейством. Это одна из причин сокращения численности населения.

Простолюдины победнее живут в пещерах, очень вонючих. Вместо замка просто приваливают дверь камнем. Уходя на работу, кунгур приваливает камнем жену и дверь соседа, и ему уже неважно, что жена, как только супруг скроется из виду, камень отвалит и уйдет к соседу.

Ему неважно, сколько у него детей и чьи они. Если, работая в огороде, заметит на соседнем участке Кунгуриху, сходу кидается на нее, сваливает, а потом, еще придерживая одной рукой штаны, другой берется за лопату. В трудолюбии кунгурам отказать нельзя.

Они страшные собственники. В Большом Кунгуре замощены все улицы, кроме центральной, где разные учреждения, магазины и т. д. Ее никто не хочет мостить, и она вся завалена мусором. Получается это так: от своего дома кунгур отодвигает мусор к соседу, тот дальше, куча разрастается... и так пока завал не дойдет до центральной улицы, где и остается. Автомобили стараются ее миновать - объезжают по дворам. А улица из-за мусора даже приподнялась над местностью, и в учреждения спускаются, как в подполья. Поскольку мусор воняет, окна в учреждениях не открывают, там всегда полутемно. Можно ничего не делать - никто не заметит. Лишь бы вовремя являться на работу и уходить не задерживаясь, иначе запрут, не поинтересовавшись, есть ли кто в здании.

Но и жилье кунгура постоянно пополняется мусором. Набирается он в основном из деталей, которые тащат с заводов. Эти детали им не нужны, привычка все красть - врожденная. Поэтому всякое строительство почти никогда не доводится до конца: пока одну стену возводят, другую растаскивают. Строят десятилетиями, за это время дом начинает вращаться в землю. Особенность строений: чем больше здание, тем двери меньше.

Инженеры обычно по полдня проводят на производстве, а половину - на свалках или на главной улице, где разыскивают нужные детали.

Иногда кунгуры проводят воскресники. На мероприятие каждый должен принести по кирпичику. Положив его, они садятся на землю и смотрят кинокартину. Если экрана нет или киноаппарат сломан, ни за что не разойдутся - сидят и ждут, пока починят, и тихо-тихо канючат.

Если кунгур спешит на работу и ломается транспорт, пешком не пойдет. Будет сидеть и канючить день, два, три, не есть - не пить... Но встать и помочь не догадается.

Зато в ином своеобразное чувство долга у них развито чрезвычайно высоко, это проявляется даже в мелочах. Например, кунгуры услышали, что в соседней стране ходят загорать. Они тоже стали ходить, но снять с себя одежду не догадывались. Прележав определенное время под солнцем, обливаясь потом, с чувством исполненного долга возвращались по домам.

Животные в этой стране - под стать хозяевам. Так, собаке лаять можно только из-под лавки, на которой толстый зад. Если хозяину это сильно надоест, он шуранет палкой в собаку не глядя. Тут для члена семьи или гостя главное - словчиться и не попасть под палку. «Зад» может заниматься своим делом и гостя не замечать. Забудет, если гость ему не очень мешает...

Государственное устройство

Кунгурятня - республика. Во главе стоит Совет Идеологов, который выбирает из своих членов Главного Идеолога. При этом стоит заметить, что органы равновесия у них - уши. Если кто-то замечает, что кандидат в Совет Идеологов загибает влево, ему отрывают левое ухо. После этого он начинает загибать вправо, и тогда отрывается правое ухо. Голова приобретает вид совершенно идеальной болванки. Такой кунгур идет только прямо и имеет шанс стать избранным в Совет Идеологов. Но надо пройти еще одно важное испытание. На пересеченной местности отмеряется расстояние, которое будущий идеолог обязан пройти по прямой, произнося одну и ту же фразу. По обе стороны его пути собираются избиратели, обрушивающие град камней, тухлых яиц, кандидата поливают из пожарных шлангов... Если он сделает хоть один шаг в сторону или собьется во фразе - испытание не выдержано.

Официальная газета кунгуров - «Правда».

Оппозиционная - «Полуправда».

Молодежная - «Мыих».

Радиовещание - «Выих».

Издательство - «Яих».

Текст в них может оставаться одинаковым, меняются только фамилии.

Иногда в случаях не злостного неповиновения принимаются меры. «Принимать меры» значит - хлопнуть по стене, где сидит муха. Муха улетит, но это неважно. Главное - слышен хлопок: значит, меры приняты. Нечаянно муху при этом можно убить.

Политические пристрастия

Выборные урны у них похожи на мусорные. Один пожилой кунгур, сослепу не разобравшись, бросил в урну окурочок... Все

бюллетени сгорели, но на исход выборов это не повлияло никак, потому что он всегда одинаков - 99,9 процентов «за». Кунгуры удивительно единодушны в своих пристрастиях, и хотели бы голосовать стопроцентно. Но однажды «по вражеским голосам» услышали, что стопроцентное голосование - признак диктатуры, а Кунгурятня - все-таки республика. С тех пор у них всегда 99,9 процента.

По радио есть ежедневная передача - «Час канючения». Слушать ее обязательно. Во время этого часа можно жаловаться, как угодно ругать правительство - никто не будет тебя преследовать, потому что все окружающие на это время должны втыкать в уши специальные затычки. Впрочем, и без затычек каждый слышит только себя...

Национальный герой

Это - Изобретатель. Желая угодить Совету Идеологов, он обратил внимание, что есть нечто неостановимое - облака... Они двигались и двигались в свободном полете, куда хотели. Изготовив очень длинный шест, Изобретатель захотел воткнуть его в облака и таким образом их остановить, но не смог. С досады он ударил шестом в землю, проткнув ее насквозь. К несчастью, острый конец шеста на той стороне земли попал в трон и угодил в зад сидевшему на нем королю. Началась долгая, кровопролитная война.

Надо заметить, что кунгуры очень любят самоистязания, самонаказания. С горя Изобретатель выдумал себе кару - в угоду Совету Идеологов обкусать на себе все волосы, дабы стать бритым полностью, и почти выполнил это, но... на затылке не смог. Тогда его вывели на площадь и стали вбивать живьем дубинками в землю - есть такая местная казнь. Все муки он переносил молча. Но при последнем ударе, после которого рот его должен был закрыться навсегда, слабо пискнул: «Сволочь!» - причем имел в виду себя, но присутствующие подумали - правительство. Это было воспринято как сигнал к восстанию. Кровопролитная война с обиженным королевством обострила ситуацию. Началась гражданская война. Воздвигались баррикады, армии пошли одна на другую... Через много лет гражданская война вконец разоренной страны закончилась победой оппозиционной партии. Изобретателю был воздвигнут красивый монумент. Его имя стало символом свободы. Прибавился нерабочий день в году. Все остальное осталось попрежнему.

Школа

С детства кунгурят обучают нескольким фразам, которые они повторяют хором. Как это положено, тон задает учитель. В класс он входит спиной, потому что у кунгуров принято к спинам пристраиваться. То есть, такой учитель имеет шанс повести детей за собой в правильном направлении.

Детей к партам привязывают, привинчивают к полу шурупами. Учат до тех пор, пока на заготовленную фразу кунгуренок не начнет отвечать определенным образом. Если ученик вздумает мыслить по-своему, обвинят в слабоумии и для него закрыты все пути для дальнейшего продвижения.

У кунгуров очень хорошо поставлено военно-патриотическое воспитание.

Армия

Врага они встречают лицом к лицу, и бьет солдат только в лицо - ни в коем случае не в спину. Именно поэтому у кунгуров исключительная, самая непобедимая в мире армия. Она идет вперед, все сокрушая на своем пути.

Солдаты выстраиваются так, что никогда не видят лица сослуживца - только затылки и спины. Командиры рот не видят лиц солдат, генералы - командиров рот и подразделений и так далее. Знаки отличия - кулак на спине: сержант - один кулак, лейтенант - два, полковник - три... Основное их оружие - дубинка. Она автоматически падает на любое возникшее перед кунгуром лицо. Хорошо, если это лицо противника.

Но однажды непобедимая армия потерпела поражение. Мудрый полководец соседней страны подвел свою армию к кунгурятской, и когда до стыковки оставалось несколько шагов, дал команду: «Кру-гом!» Одновременно вражеская армия повернулась на 180 градусов. Увидев спины, кунгуры сразу пристроились, и хитрый полководец увел их за собой в глубокий тыл, где и уничтожил.

За военные успехи поощряют железными орденами на шее, значимость которых зависит от веса. Чем отважнее воин, тем тяжелее награды. Иногда награды даже пригибают героев к земле, но они терпят.

Однако истинную славу в Кунгуряттии можно заслужить только посмертно. Прославляться кунгуры очень любят, в том числе в спорте. Поэтому спортивные соревнования у них проходят «не на жизнь, а на смерть»: если это плавание - топят, в борьбе - душат... Иные даже специально поддаются удушению или утоплению, чтобы прославиться.

Полиция

Полицейские получают путем скрещивания с жителями соседней страны, в результате чего реакция у них несколько быстрее. Но мозг путем специальной обработки остается на прежнем уровне, кроме одной извилины: ею он чувствует не порядок на расстоянии. К дерущимся полицейский подходит задом и бьет дубинкой через голову. Дубинка опускается на головы автоматически. Если драка перемещается вправо или влево, перемещается и

полицейский, так как он может бить точно только в одном направлении.

Узнав о публичной драке на площади, полицейские окружают ее кольцом и подкрадываются задками. Сокрушительные удары сыплются на головы. Бывает, кто-то из дерущихся заранее замечает стражей порядка и подставляет спину. Увидев ее, полицейский пристраивается, к ней остальные дерущиеся, и так в пробитую брешь драчуны цепочкой выходят из окружения. Но полицейские этого не замечают и продолжают двигаться спинами навстречу друг другу.

Далее возможны два варианта. Если полицейские подкрадутся точно один против другого, безошибочными ударами через голову взаимно сокрушат своих же, и нередко вместо усмиренной толпы начальство застаёт только лежащие кругом трупы полицейских. Но чаще точного совпадения не происходит. Тогда стражи порядка начинают симметрично двигаться вправо или влево, что переходит в однообразное кружение, пока начальство не узнает об этом и не пришлет помощь - затылок, чтобы всех вывести. Кружащие полицейские или передвигающиеся цепочкой кунгуры - наиболее частые виды с самолета в этой стране.

Очереди

Стоять в очередях кунгуры страшно любят: ведь здесь обязательно имеется неподвижный затылок! Поэтому даже к ларьку, где совершенно пусто, выстраивается очередь на несколько кварталов.

Очередь для кунгуров - средство общения. Одна газета написала, как некий гражданин, стоя в очереди, влюбился в девушку, женился на ней и успел женить старшего сына на буфетчице.

Телефон

Телефонных линий в Кунгурятини две: спецслужба (пожарная, скорая, полиция) и общая. Больница, пожарная и полиция - на одном проводе, поэтому нередко за беременной женщиной приезжают пожарные и начинают исправно поливать ее водой, или полиция - избивать дубинками.

Общий телефон настолько неразборчив, что не понять, кто и по какому поводу звонит. Начальник принимает голос жены за голос любовницы, но это даже лучше, так как слыша непонятное воркованье, жена не понимает, что нежные слова относятся не к ней.

Не пользоваться телефоном считается дурным тоном.

Письменность

Фразы очень длинные. Состоят большей частью из придаточных предложений, причастных и деепричастных оборотов. Подлежащего и сказуемого может не быть. Точки и запятые расставляются произвольно - если кунгур замечает, что фраза чересчур длинна, ставится точка.

Музыка

Музыканты бьют друг друга дубинками по головам - при этом раздаются звуки разных тонов. Если головы удачно подобрать, получится мелодия.

Этим методом пользуются в посольствах, где дипломатам надо соблюдать хороший тон. Удар по голове определенного тона означает то или иное распоряжение. Все быстро, надежно, красиво.

Ветераны

Кунгуры очень любят писать воспоминания. Состоят они из жалоб. Чем больше нажалуется кунгур, тем, считается, достойнее прожил он жизнь. Свои воспоминания они непременно хотят увидеть напечатанными. Но если книга или статья уже изданы, а ветеран вспомнит новую жалобу, переписывает все полностью и требует переиздания. Это нередко выручает газетчиков, так как составить новую структуру они не в состоянии, но всегда есть материал для очередного юбилея или иной памятной даты...

Уничтожить воспоминания нельзя, так как они пишутся чрезвычайно вонючими чернилами, но воняют они только в процессе жжения. Вонь очень стойкая, ее ничем не уничтожить. Поэтому родственники и издатели предпочитают воспоминания сохранять. Их накапливаются горы...

Умирая, кунгур обязан исполнить обряд - пожаловаться. И вот эту-то жалобу не удовлетворить - погубить бессмертную душу усопшего. Повод для жалоб снят, жалобщика на этом свете больше нет... Часто это единственное исполнение человеческого желания.

Мемориальные доски и надгробные памятники заготавливаются заранее. Неважно, если ее случайно приколотят другому усопшему: никто этих надписей не читает.

Зато в Кунгурятини очень любят воздвигать памятники за общественный счет. Они есть в каждом городе, в каждом селе, на каждой улице... Как правило, одним и тем же героям - тем, кто больше всех нажалуется. Воздвигаются по одному и тому же проекту.

Без малого четыре десятка лет эти записи хранились на даче, где рукопись объели мыши. Поэтому очерки сохранились в не полном виде.

Примечания

- 15 - имеется в виду нечеткое произношение мною буквы «р».
- 16 - цитата из моего письма
- 17- Блока
- 18 - Повесть Валентина Катаева, где есть слово «Кубик...», а полностью название не помню
- 19 - Катаева, окончание фразы - пародия на его стиль
- 20 - речь идет об отъезде в эмиграцию писателя Анатолия Кузнецова. Как считала Волконская, оторванный от родных корней, русский писатель творить за границей не сможет. С Анатолием Кузнецовым так и случилось - все его наиболее значительные вещи относятся к раннему периоду.
- 21 - от франц. слова move - плохой. Придуманное Катаевым литературное течение - поскольку все пишут очень хорошо, то надо писать как можно хуже. Прикол, подхваченный молодежью.
- 22 - литовский художник, которым я очень увлекалась и возила альбом его репродукций в Глубинное
- 23- пермский поэт традиционной школы
- 24 - Тая - вымышленное имя девочки, героини моей статьи в «Молодой гвардии». Учителя и райком уговорили уйти от матери-сектантки. Увезли на другой конец области, устроили в интернат, где она о матери заскучала... и убежала обратно.
- 25 - во сне
- 26 - про шпионов
- 27 - критик
- 28 - Анатолий Кузнецов
- 29 - по некоторым признакам мне показалось, что больна туберкулезом, что оказалось чушью
- 30 - Хемингуэй
- 31 - поселенец Юра (по прозвищу Копченый, за темный цвет лица) - немногий из тех, с кем Миша общался без напряжения. Освободился раньше и затерялся в Центральной России
- 32 - Сухоруков - какой-то большой начальник по надзорке, наверное, из Чепца
- 33 - Володя Сафронов - если не ошибаюсь, герой романа Веры Кетлинской «Мужество» (?) о строителях Комсомольска-на Амуре. Видимо, мы тогда это читали. Была тема для дискуссии: умный человек и социалистический пафос. В романе пафос, конечно, побеждает. Мне казалось, что Миша отрицанием всего и вся похож на Сафронова.
- 34 - повесть для детей «молодогвардейки» Ирины Христоробовой
- 35 - песня Р. Киплинга
- 36 - исследование о поисках ископаемой рыбы
- 37 - в кармане носил (!)

Татьяна - Михаил

ЖДУ... ТВОЯ

Письма

Объем 100 стр. Формат 148x210

Тираж свободный

Вологда, "Свеча"

2005

sopin70@yandex..ru